

СЕРИЯ «ОЛМА-СПОРТ»

Энцо Катаниа

**АНДРЕЙ ШЕВЧЕНКО —
«ДЬЯВОЛ» С ВОСТОКА**

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2003

*Исключительное право публикации книги Э. Катаниа
«Андрей Шевченко — "дьявол" с Востока»
принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».
Выпуск произведения или его части без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону.*

Художник

Катаниа Э.

К29 Андрей Шевченко — «дьявол» с Востока / Пер. с итал. Г.
Зорько. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — с.: ил. — (Олма-Спорт)

ISBN 5-224-03863-4

Впервые о знаменитом футболисте Андрее Шевченко, получившем титул «Человек 2001 года», воспитаннике легендарного Лобановского, написал известный итальянский журналист. Им сделана попытка не только представить фрагменты биографии Андрея Шевченко и дать хронологию последнего жизненного отрезка футболиста, проведенного им в одном из сильнейших клубов мира — «Милане», но и взглянуть глазами великого украинского форварда на итальянский футбол и многие его проблемы. В Приложении читатель найдет специально подготовленную для этого издания статистику матчей, сыгранных А. Шевченко.

*Есть на свете такие спортсмены, граждане мира,
которые объединяют буквально всех,
независимо от того, за кого они болеют в той или иной стране*

ПОЧТИ ЧТО СУДЬБА

Бледного и светловолосого, его называли мальчиком из Чернобыля. Никогда раньше он не был в Италии, но слухи о футболе Прекрасной страны

сопровождали его во снах в Конча-Заспе, тренировочной базе киевского «Динамо».

Ему исполнилось чуть более пятнадцати лет; рост — метр восемьдесят три. Он играл в нападении за юношескую команду «Динамо». И это уже был тот самый Андрей Шевченко, которого любят и которым будут восхищаться все болельщики, который будет приковывать внимание публики, зачаровывать, околдовывать и заставляя замирать сердца легионов поклонников кожаного мяча.

Во время турне по югу Италии юношей «Динамо» привезли в Агрополи, и здесь горячая публика провинции Салерно стала аплодировать Андрею, потому что тот демонстрировал отличный дриблинг, использовал финты и прочие хитрости, играл головой, забил пять голов за двадцать минут, был назван лучшим игроком турнира, позднее завоевав право выступать в основном составе киевского «Динамо». Но особую теплоту и чувство солидарности зрителей вызывало то, что он приехал из Украины.

Ведь в том далеком 1988 году Украина ассоциировалась, прежде всего, с Чернобылем, настолько еще была свежа память о катастрофе 26 апреля 1986 года, когда в час двадцать три ночи взорвался реактор четвертого блока АЭС, и в атмосферу выбросило около 45 миллионов кюри ксенона.

В то трагичное утро многие папы и мамы не отпустили детей в школу. Никто ни о чем не говорил, но все было и так понятно. Андрею Шевченко тогда не исполнилось еще и десяти лет. Семья жила на Двиркивщине, в пятидесяти километрах от Киева. Всего лишь три месяца назад Андрей попал в юношескую команду киевского «Динамо», мечту каждого юного украинца. Футбольный мяч олицетворял для него целый мир, и что еще могло быть значительнее для мальчика, если не мечта играть перед зрителями прекрасного и легендарного Киева?

В своих поездках на тренировки во время обычного общения с товарищами по школе и друзьями Андрей тоже невольно проникался чувством гордости за народ, который часто был вынужден выносить риторику

гигантских первомайских парадов, давно уже переставших быть праздниками труда. В том самом 1986 году, всего лишь через пять дней после Чернобыльской катастрофы, которая уже сама по себе должна была настроить на размышления по поводу дальнейшего пути и, в особенности, по поводу бессмысленной гонки вооружений, режим вовсе не собирался отказываться от очередного военного парада. Народ смотрел на него с болью в сердце, но в то же время и с нескрываемой гордостью.

Мальчишки из Киева жили обычной городской жизнью и интересовались всем, что свойственно их возрасту. Андрей близко дружил с Евгением, в настоящее время руководителем одного из строительных предприятий. Евгений был старше Андрея на несколько лет, но они много общались. Вместе стали гонять мяч и нередко бродили по улицам Киева. В тот весенний день, 26 апреля 1986 года, Андрей, как обычно, пошел в школу. Но, едва переступив порог, сразу же почувствовал, что утро это не совсем обычное: весь класс отправили в один из городов на побережье Азовского моря. Там он встретил тысячи других детей из разных мест Украины. Это было настоящее бегство от ядовитого облака, от заражения, что-то вроде ссылки со странным ощущением: дети расплачивались за молчание взрослых. Официально никто ничего не знал. Даже отец Андрея — Николай, профессиональный военный, не мог ничего толком объяснить, когда приехал, чтобы перевезти семью к другому морю, где дети боролись со скукой постройкой замков на песке и, чаще всего, бесконечными импровизированными футбольными играми.

Для всех это было ужасное время. Открыто о катастрофе заговорят лишь через несколько лет, когда Советский Союз прекратит свое существование. Но ее последствия были видны повсюду. Видны они и по сей день. Ужасные последствия. Нельзя с точностью сказать, сколько людей пострадали от реактора, но последствия радиации до сих пор сказываются на детях. «Страшно подумать, когда это все кончится, — скажет в одном из интервью Шевченко (он постоянно об этом размышляет). — Я играю для людей, которые меня любят, а

среди болельщиков очень много детей. Что до меня, то я посвятил бы все свои голы детям, если бы это хоть чуть-чуть помогло тем, кто страдает».

Украина станет независимой 24 августа 1991 года, а в далеком 87-м оробевший Андрей, ни разу до этого не бывавший за границей, с юношеской командой «Динамо» отправился в турне по Италии.

В Риме он впервые увидел заграничный аэропорт. А потом побывал в музеях, познакомился с прекрасными памятниками Вечного города. В ресторане с удивлением обнаружил, что не знает, как правильно есть макароны: на Украине они короткие, а в Италии длиннющие, и неопытному ребенку справиться с ними было трудно. И вот на следующий день после восьмичасовой поездки на автобусе мы видим его в Агрополи: пять голов за двадцать минут игры. Затем Милан и замок Сфорцеско. Потом — поездка на «Сан-Сиро». Может, это был некий перст судьбы? Кто-то рассказал Андрею, что стадион, открытый 19 сентября 1926 года, был спроектирован инженерами Альберто Куджини и Улиссе Стаккони и построен объединенными предприятиями братьев Фадини за счет «Милана», который возглавлял в то время Пьеро Пирелли.

А первые встречи красно-черные провели в Роджа делла Бовиза, Аквабелла и лишь позднее переместились на проспект Ломбардия, на неприметный стадиончик, который руководство клуба назвало «Милан». И вот, наконец, «Сан-Сиро», приобретенный муниципалитетом Милана в 1935 году. Позже его реконструировали, сделали беговые дорожки, построили трибуны, второй и третий ярусы и четыре угловые башни, на которые опустили купол, а его вместимость с 27000 в 1926 году постепенно возрастала от более 55000 в 1955-м до 85000 к 1983 году и превысила уровень 90000 мест в 1990 году — моменту открытия мирового первенства по футболу в Италии.

Глаза юного Андрея Шевченко с трудом могли объять громадное сооружение, которому лазурное утреннее небо придавало особое очарование. Трибуны были пусты, и стадион предстал перед ним во всем своем величии. Андрей и представить не мог, что в Европе некоторые стадионы,

переполненные болельщиками во время матча, невольно превращаются в театр, а зрители смотрят на тебя сверху вниз, как из окон собственного дома.

В семье их было четверо: отец Николай, мать Любовь, старшая на три года сестра Елена и сам Андрей. Папа научил Андрея играть в карты, приучил к рыбалке и часто брал его с собой на озера неподалеку от Яготина, в окрестностях Киева, привил любовь к природе, простору и тишине, которая так настраивает на размышления. В семье Шевченко всегда царили мир и согласие. Когда командование отца предложило ему перевестись на службу в Германию с повышением в зарплате, он собрал за столом на кухне жену, Елену и десятилетнего Андрея и сказал, что, несмотря на некоторые трудности с деньгами, ему не хотелось бы уезжать. И услышал в ответ: «Спасибо, папа!»

В школе Андрия считали учеником с возможно излишне живым характером. Он не слишком успевал, но и особенно не отставал. «Отлично» получал почти исключительно по истории, любимому предмету, возможно, ставшему таковым из-за своей слабости к Наполеону — уж очень ему нравились истории про войну. Когда его наказывали за «неуды», Андрей часто убегал через окно, чтобы поиграть с приятелями. Бойкий и стремительный, он с детства разрывался между хоккеем зимой и футболом летом. У него были все задатки, чтобы стать героем ледовых площадок, но футбол всегда стоял на первом месте. Сначала Андрей играл в воротах, позже перешел в защиту и, наконец, сказал себе: «Намного интереснее забивать мячи, чем ловить их».

Трудности его электризовали. Подумать только! Как раз, когда он собирался отметить свое шестнадцатилетие, его провалили на экзамене на спортивном факультете, постав «неуд» не по теории, а по практике — на зачете по дриблингу и контролю за мячом! Но он лишь рассмеялся про себя: «Как это так? Я мечтаю играть в футбол на высшем уровне, и вдруг «неуд» на зачете, который должен был сдать в один миг!» Через несколько дней он вновь появился на экзамене, получив «отлично», и это испытание помогло ему в диалоге с самим собой и в дальнейшем самоутверждении.

Андрею едва исполнилось десять лет, когда он впервые принял участие в соревнованиях между школьными командами. В то время его кумиром был Олег Блохин, звезда советского футбола 70-80-х годов. Позднее появилась плеяда Беланова, Протасова, Заварова... Хороших игроков в Киеве всегда было столько, что многим из них, несмотря на все еще отличное здоровье, приходилось оставлять спорт, переключаясь на учебу или какую-либо иную деятельность. Киевское «Динамо» во все времена было первоклассной футбольной маркой, полюсом притяжения для каждого мальчишки, буквально кишевшее начинающими «цыплятами». На тех соревнованиях Андрей Шевченко оказался в команде «Темп», завоевавшей «Кожаный мяч». А в тринадцать лет он уже выступал за юношеский состав киевского «Динамо», с гордостью показывая всем вокруг фирменные футболку и трусы.

Однако энтузиазм начинающего молодого футболиста, восходящей звезды, рисковал постепенно иссякнуть, если бы не внимание со стороны ведущих специалистов главной команды «Динамо». С другой стороны, мог ли Андрей вообще остаться незамеченным, если уже в свои пятнадцать лет завоевал титул лучшего бомбардира на юношеском турнире в Уэльсе? Этот успех обязывал его смотреть на все более масштабно. Раньше он так хотел забивать голы, что, получив мяч, тут же несся вперед, теперь же начал осознавать, что надо играть и на других, жертвовать собой ради команды, выше всего ставить чувство коллективизма.

«Посмотрев несколько матчей с его участием, его движение, достойное действительно классного футболиста, мы поняли, что украинский футбол ждет большое будущее», — сказал Владимир Онищенко, бывший великий игрок, а в последствии тренер юношеских команд киевского «Динамо». Но для неизбалованного Андрея уже сама возможность перейти порог Конча-Заспы (все равно, что Миланелло для итальянца), располагавшей тренировочными залами, крытыми полями с подогревом, гимнастическим оборудованием, огромным плавательным бассейном и сауной, стала решительным поворотом в судьбе, свершением многих его надежд. Этот поворот стал еще одним перстом

судьбы, который направлял Андрея по пути посланца футбола во благо своего народа.

Отец Андрея, абсолютно уверенный в том, что сын его не подведет, чем бы он в жизни ни занимался, еще в детстве убедил его, что дисциплина превыше всего, а тренер Валерий Лобановский из киевского «Динамо», ушедший от нас весной 2002 года, оказал решительное влияние на развитие его характера, спортивных достоинств и профессиональных качеств. Без дисциплины победить невозможно — вот основа философии Лобановского. И позже в Конча-Заспе Шева занимал комнату 509, а Лобановский — 510. Еще один перст судьбы?

Можно с уверенностью сказать, что Андрей с возрастом сильно изменился. С детства он не отличался точностью, часто что-то забывал. Нередко родители приходили на стадион, чтобы забрать его одежду, а некоторые тренеры выходили из себя и даже кричали: «Если будешь опаздывать, лучше не приходи и меняй команду». Так вот, среди новичков старшей группы «Динамо», в которой проводилось и до трех тренировок в день, Шева стал образцом порядка, дисциплинированности, пунктуальности и серьезности.

В работе с футболистами Валерий Лобановский настолько же суров, насколько и человечен и полон внимания, когда формирует личность и следит за ее развитием. Лобановский обращается к подопечным не как отец родной, а просто как военный, но все же в нем чувствуется нечто от волшебной дудочки: его слушают, заворожено затаив дыхание, и чувствуют, что в этот момент он как бы создает нечто, атмосферу, которая даст возможность молодым украинцам играть в настоящий футбол, а Украине выйти из безвестности или, по крайней мере, как-нибудь войти в число стран, что-то значащих в мире футбола. Каковы его заповеди? Их немного и все они начисто лишены какого бы то ни было подтекста, по сути, — элементарны.

Первое: коллективная работа и организация значат больше индивидуальных способностей каждого отдельного футболиста.

Второе: настоящая команда — это единый организм, любой, даже наименее квалифицированный, футболист значит столько же, что и все прочие.

Третье: нельзя вырваться вперед, одерживать победы без напряженнейшего труда, преемственности и умственного напряжения.

Четвертое: ничего, совсем ничего нельзя оставлять на волю случая.

Пятое: игра заканчивается лишь с финальным свистком судьи, но до него не все еще потеряно.

Шестое: хотя теория и много значит, настоящей королевой остается практика.

И так далее.

Итак, если отец научил Андрея правильно жить, то тренер Лобановский вывел его на орбиту большого футбола. Он всегда мог чему-то научить, найти неожиданный ход. Как-то раз в Киеве при восьми градусах ниже нуля команда вышла на поле в трико, свитерах и перчатках. После первого тайма противник вел в счете. И тогда Валерий Лобановский приказал: «Снимайте все. Хочу видеть вас в коротких трусах и футболках с короткими рукавами, как будто у нас лето». Команда вышла на второй тайм и победила с счетом 2:1.

Когда однажды у Андрея спросили, что в конечном итоге дал ему Лобановский, он не задумываясь ответил: «Билет в Италию». И хотя в Италии уже блистал Луис Назарио де Лима, которого все попросту называли Роналдо, тренер киевского «Динамо» рискнул назвать своего Андрея более разносторонним футболистом. Сам Шевченко, с присущей ему тактичностью, так объяснил эту двусмысленность: «В команде Лобановского я играл не только в нападении, но и уделял время обороне. Именно поэтому он сказал, что я более разносторонний». В общем, пустой спор. Да и не было никакого спора. Валерий Лобановский хотел сказать, что если кто-то ошибается в защите, необходимо сразу же ему помочь: нет никакой пользы вести в счете, если на последних минутах пропустишь гол. В различных, особенно трудных матчах, Андрей играл почти как защитник, следуя старому совету тренера:

«Недостаточно того, что делает один человек. Победить может только вся команда».

Но на этот раз Шевченко выиграл не только билет в Италию. Уже в последнее время, когда он выступал за «Динамо» и в отборочных матчах за сборную Украины, появились люди, которые из-за его голов и манеры игры стали называть его «смертельным оружием», «чемпионом, который пришел из холода» и даже «транссибирский экспресс», позаимствовав у авторов детективных романов и кинематографистов эффектные названия... Но разве смогли холода и морозы противостоять огню и страсти красно-черного «дьявола», который почти что вселился в Шеву и стал следить за его взрывоподобными выступлениями на стадионах Украины и Европы?

ИЗ КИЕВА С ПЫЛКОЙ ЛЮБОВЬЮ

Шева невероятно стремителен. Как неожиданно сорвавшаяся стрела. Ворвавшись в штрафную площадку, на последних метрах он всегда непредсказуем. Говорят, что мускулатуру своих бесценных лодыжек он укрепил игрой на жестких полях, на которых тренировался чуть ли не с первого удара по мячу. Также говорят, что он мудро рассчитывает рывки, избегает пустых пробежек и пользуется изощренной техникой пасуя партнеру, ушедшему от опеки, или обстреливая вратаря хитрыми ударами, умеет поразить ворота и мощным дальним ударом. Не видели, чтобы он прохаживался по полю руки в боки, он всегда умеет «прочитать» игру и предвидеть ее дальнейшее развитие. И (слава Богу!) не было еще защитника, которого бы он испугался, даже если это гигант под два метра роста. Он одинаково хорошо владеет правой и левой и редко ошибается при игре головой. На киевский Республиканский стадион, на котором свои игры проводили «Динамо» и сборная Украины, приезжали часто иностранные гости, чтобы посмаковать его игру. С появлением Шевченко аэропорт «Борисполь» стал местом паломничества многих селекционеров и журналистов.

В стране, которая, несмотря на независимость, экономически продолжала зависеть от капризов Москвы и была вынуждена периодически затягивать пояс, так как не хватало товаров даже первой необходимости, футболисты, по сравнению с простыми смертными, пользовались многими преимуществами. Они выезжали за рубеж, могли приобрести дорогой иностранный автомобиль, часто переселялись в новые квартиры, зарабатывая огромные по украинским меркам суммы, которые могли достигать 200—300 миллионов лир (100000—150000 долларов) в год, и часто даже не представляли, что волнует обыкновенных людей. Это была своего рода небольшая каста. Но, не смотря на это, у футболистов все же были собственные глаза и собственные сердца, чтобы видеть и чувствовать. Многие из них мечтали выдвинуться, обосноваться в каком-либо иностранном клубе, а затем

перекинуть мост солидарности на родину. Хотя Андрей и превосходил многих партнеров в виртуозности игры и твердо стоял на ногах, он не мог не замечать: у «Динамо» достаточно игроков такого уровня, что они могли бы составить честь для любой европейской команды, и Украина — это настоящий питомник футбольных звезд. Один из таких — Сергей Ребров, который как никто другой умеет воспользоваться своим мощным ударом с правой, нанося на холст последний точный мазок. Он не только прекрасно бьет, своими дриблингом и финтами Ребров может объявить шах и мат любому защитнику. А ведь не колосс, рост — 171 см, вес — 60 кг. И это в стране, где на людей ростом меньше метра восьмидесяти смотрят почти как на карликов. А какой класс! А какое удачное прозвище — Бесенок — из-за его умения выскользнуть буквально из рук противника! А какая сыгранность с Шевченко! Если бы это зависело от него, Ребров тоже пошел бы по пути к Навильи¹ (район Милана — *прим. ред.*) и стал бы с его данными одним из величайших форвардов. Когда Шевченко и Ребров вместе — никакого страха даже перед самыми маститыми защитниками Европы, никакого комплекса неполноценности перед воротами противника...

¹ Навильи — огромный район Милана, получивший свое название от знаменитого канала.

Но не только Валерию Лобановскому удался замысел превратить свою команду в лабораторию тактики, стратегии, технической и физической подготовки звезд. Другие команды, опираясь на более скромные ресурсы, с таким же завидным постоянством выводят на сцену все новые жемчужины. Возьмем, к примеру, Донецк, так называемую «команду шахтеров». Хотя она и находится в тени гегемонии «Динамо», ей все же удается находить и воспитывать настоящие сокровища. Среди таковых Андрей Воробей с его невероятным голевым чутьем, классический центр нападения, прекрасно

бьющий с обеих ног, умеющий при необходимости сыграть и в обороне. И ни в коем случае не забудьте о новой звездочке, вундеркинде Алексее Белике, очень быстром футболисте, с отличными врожденными техническими данными и фигурой кирасира.

В общем, таков украинский футбол в его непрерывном развитии и множеством старых и новых, испытанных и начинающих футболистов, которые в разное время вызывали изрядный аппетит богатых и знаменитых клубов. Но безусловный лидер в хит-параде второй половины 90-х годов — блистательный Андрей Шевченко.

Ключ к тому, чтобы быстрее расти и достичь зрелости — это общение с людьми старше тебя, с товарищами по команде. «В ежедневном общении можно понять многое». Отдавая себе отчет в том, что в жизни — не все цветочки, Шева был оптимистом и старался «забывать оскорбления, подлости, грубость, гадости». Его считали спокойным и даже робким. На самом же деле он был робким только при первом знакомстве, потом же вел себя как нормальный человек. Андрею не нравилось ни принимать, ни делать провокаций, ни на поле, ни вне него. Среди случайных собеседников он терпеть не мог людей, «которые смотрят на тебя сверху вниз», «привыкших к мысли, что они лучше других», тех, кто «с легкостью забывают, что все мы равны». Зато очень высоко ценил «ум и простоту». Философию его образа жизни и поступков можно выразить единственным словом: уравнищенность. А тем, кто упрекал его в частой переменчивости настроения, Андрей говорил: «А разве этого не бывает со взрослыми детьми? Надо, чтобы остальные дали им возможность открыться, поучиться, понаблюдать». А уже достигнув вершины славы, он объяснял: «В жизни бывают то хорошие, то плохие дни. Сегодня мне хорошо, но я думаю, что настанут и черные дни. Вот почему, пока все идет прекрасно, я стараюсь получить максимальные эмоции».

Дебют Шевченко в чемпионате Украины в составе лучшей команды — киевского «Динамо» — состоялся, когда ему не исполнилось и восемнадцати лет. Он часто просматривает видеозапись того матча, чтобы еще раз понять

свои ошибки. И хотя сезон-1994/95 не был для Шевы щедрым на голы (всего один за шестнадцать встреч), он понял собственную роль в общекомандной игре. «О голах не беспокойся. Они придут сами по себе. Прежде всего, думай о выборе позиции», — внушал ему цербер Лобановский. Андрей беспрекословно подчинялся. Иногда, чтобы не нарушить суровых требований тренера, не оставлявшего ничего на волю случая, он, казалось, действовал как робот. 25 марта 1995 года состоялся его первый выход в составе сборной Украины. Правда, в тот день хорваты устроили украинцам головомойку, забив четыре безответных мяча, но Андрей сумел продемонстрировать свое упорство и умение выбирать правильную позицию. Говорят, что домой он вернулся со словами: «Скоро будет лучше. Вы просто не представляете, чего бы я ни сделал, чтобы с украинским футболом стали считаться по-настоящему». В том же году, в одном из матчей против итальянцев он встретился с Паоло Мальдини, «самым сильным, идеальным защитником», почти непробиваемым. Опекал итальянец его очень плотно. Шевченко друзьям и родителям рассказывал потом о Паоло просто чудеса, но и предположить не мог, что когда-нибудь будет играть с ним в одной команде. Дома ему многое позволяли. «Мы просто верим, что все, что ты делаешь, — правильно», — говорили папа Николай и мама Люба. «Уверена, ты нас не подведешь», — подбадривала сестра Елена, которая к тому времени уже занималась художественной гимнастикой, училась и работала на компьютере.

Больше всего в семье боялись травм. За каждой игрой следили, затаив дыхание, и все бежали навстречу, когда видели, как сын и брат улыбается им с порога. Но однажды Шева появился дома на костылях. На лице мамы Любы отразилось отчаяние, но Андрей утешил ее и шутил: «А как бы иначе я добрался?» А уже через несколько дней он забросил костыли в угол и стал ходить самостоятельно, постоянно появляясь на тренировках товарищей. Конечно, было очень трудно ничего не делать несколько недель. Каждое бесконечное утро он лениво валялся под одеялом, его одолевала скука от временной бездеятельности. Он чувствовал себя счастливым только рядом с

любимым мячом. А потом не всем же так повезло: попасть в такую знаменитую команду как киевское «Динамо» чуть ли не с детского возраста, получить тут необходимые знания в юности и чувствовать постоянную заботу в зрелом возрасте! Если тренировки в прошлом были просто обязанностью, то теперь они стали и удовольствием. Даже в свободное время.

Летний отдых? Вот он играет в футбол на пляже. Вернулся из поездки? Если выпадало два выходных, на другой день Андрей уже с мячом: в саду, на поляне, в общем, везде, где есть свободное место для тренировки. Он благодарил небо за то, что каждый божий день может хотя бы прикоснуться к мячу рукой.

Будучи человеком верующим, очень огорчился из-за того, что не хватает времени сходить в церковь. Из 49 миллионов украинского населения, как выяснилось в ходе визита папы Иоанна Павла II в страну в 2001 году самыми многочисленными христианскими конфессиями можно считать четыре: Украинскую православную церковь (7,5 миллионов верующих), связанную с Московской патриархией; Киевский патриархат (2,5 миллиона), основанный в 1922 году отлученным от Русской православной церкви патриархом Филаретом; Автокефальную православную церковь (1 миллион), запрещенную в эпоху коммунизма; Украинскую греко-католическую (5 миллионов), возглавляемую кардиналом Хусаром, оказавшуюся в центре полемики между Московской патриархией и Ватиканом по вопросам католического прозелитизма и претензиями на церковное имущество. Какова же позиция Шевченко? Вот его слова: «По-моему, Бог один для всех: православные и католики, — мы все почти одинаковы. Большой разницы нет. Меняются только праздники, наша Пасха и ваша...» Но в Киеве, когда удавалось, он заходил и в католические церкви, и у него было много друзей среди католиков. Как-то он зашел в Миланский собор — Дуомо. «Там служили мессу. Я немного постоял и послушал. Мне понравилось...»

В год своего дебюта Андрей завоевал звание чемпиона Украины. Потом он добивался этого титула еще четыре сезона подряд. Изменилась и картина

забитых голов: совсем не тот единственный, что был в самом начале. Шевченко мог бы забивать и больше, если бы не приходилось так часто перемещаться по полю, чтобы помочь защите, когда ей приходилось особенно туго.

В сезоне-1995/96 Андреем было забито 16 голов в 31-м матче. В следующем, сопровождавшемся рядом проблем, всего 6, но в 20-и матчах. А в сезоне-1997/98 года цифра подскочила до 19 в 23-х играх. В чемпионате-1998/99 было забито 18 мячей в 27-и встречах, и это принесло Шеве звание лучшего бомбардира. С центральным нападающим Шевченко киевское «Динамо» выиграло еще и три Кубка Украины: в 1996, 1998 и 1999 годах. Поклонницы буквально заваливали спортсмена письмами, на которые случалось и отвечать. С одной девушкой даже началась история, которую, по зрелом размышлении, он мог бы назвать серьезной, ведь она заставила пережить настоящие чувства. Все могло бы повториться, но когда? Ведь «времени для любви всегда хватит». А, потом, серьезная помолвка «может как-то, и изменить твою жизнь, а ты в какой-то момент вдруг не захочешь этого: жизнь и так тебе нравится такой, как она есть. Во всяком случае, по значению помолвку не сравнить с футболом...» В общем, мяч всегда на первом месте. И в сердце, и в голове.

Турниром, который представил Андрея Шевченко мировому зрителю, стала, несомненно, Лига чемпионов. Чтобы понять ее истинное значение, необходимо всесторонне осмыслить, насколько важен этот турнир стал в девяностые годы после падения Берлинской стены и развала СССР. Это было невероятное чувство постоянной гордости от возможности непосредственно встретиться с сильнейшими европейскими клубами с блестящим прошлым, это означало резкий скачок профессионализма, расплату за унижения, которые претерпел несчастный футбол, не позволявший себе даже малой роскоши. Чаша Республиканского стадиона стала той демонстрационной платформой, на которой появлялись легендарные европейские команды, тем подиумом, который, с одной стороны, позволял привлечь внимание владельцев тугих футбольных кошельков и заставить их раскошелиться, наполнив деньгами

кассы далеко не процветающих клубов Восточной Европы, с другой, давал возможность породниться с какой-нибудь клубом-миллионером из Италии, Испании, Франции, Англии, Германии или Голландии. В общем, Лига чемпионов, была витриной неограниченных возможностей.

Случалось ли вам хоть раз побывать на барселонском «Ноу Камп»? Это — праздник красок и неистовство болельщиков. Задолго до первого свистка начинаются шествия и звучат песни, динамики на полную мощь перемежают рекламу с музыкой, целые сектора стадиона выкрикивают бодрые «оле»... Когда же команды выходят на поле, от первого удара по мячу до последней секунды игры шум стоит оглушительный. Часто рассказывают о торсиде¹, столь характерной для бразильских стадионов, но давайте не будем забывать, что на этом шикарном стадионе иногда случаются вещи и похуже. И так, на Лиге чемпионов-1997/98, когда еще не утихло эхо подвигов Роналдо, перешедшего в «Интер», настал черед именно киевскому «Динамо» войти в логово испанцев.

¹ Торсида — бразильские болельщики.

«Динамо» в тот вечер не поддерживало столько же болельщиков, сколько сопровождают титулованные европейские команды типа «Манчестер Юнайтед», «Байерн», «Ювентус» или «Милан», а лишь несколько сотен иммигрантов из восточных государств, «посланцев» миллионов таких же простых людей, что и украинцы, которые, не зная, как дотянуть от обеда до ужина, могли рассчитывать лишь на стул перед телевизором. На трибунах царил атмосфера почти что единодушия вроде, того, что «Мы их шапками закидаем!» Огромное число флагов и лозунгов. А голос диктора из динамика звучал так нахально-уверенно, будто бы он не сомневался в том, что через 90 минут ему ничего не останется, как объявить о заранее известной победе.

Никто, очевидно, и не подозревал, что сначала надо бы рассчитаться с клиентами. А клиент появился в образе блондина-нападающего, сразу же рванувшего в атаку на пятой скорости. Многим показалось, что дело тут в эпизодической вспышке, и все успокоится через несколько минут. Кто-то надеялся, что во втором тайме сменятся и музыканты, и музыка. Но случилось так, что эта сотня иммигрантов превратилась в ревущий хор восставших. Поначалу испанцы на стадионе просто онемели, а потом, постепенно приходя в себя от испуга, присоединились к общим аплодисментам. А блондин демонстрировал дриблинг, отрывался от опеки, вырывался вперед, бил с правой и с левой из любого положения, играл головой... И ушел со стадиона, сделав хет-трик и удостоившись лавров Аттилы, усмирив и повергнув к своим стопам неукротимый и священный «Ноу Камп».

В Киеве Шеву и его команду встречала целая толпа. «Что тебе нравится больше всего?» — спросили у бомбардира. Он — как всегда: «Жить и играть». Некоторые пытались его подковырнуть: «Теперь-то, по крайней мере, ты чувствуешь себя талантом?» А он: «Нет. Я чувствую себя нормальным футболистом».

В Европе тем временем, среди желающих заполучить украинца, начинал разгораться самый настоящий аукцион. Хет-трик в Барселоне подогрел аппетиты обозревателей, тренеров, руководства футбольных клубов и их покровителей, которые начали прощупывать почву, чтобы заполучить к себе триумфатора. Но Григорий Суркис, президент ФК «Динамо» (кроме футбола — крупные дела на ТВ, нефть и многое другое), похоже и слышать об этом ничего не хотел. Продать Шевченко, который в таком возрасте в представлении многих специалистов, следивших за развитием европейского футбола в течение последнего десятилетия, не имел себе равных — значило обеднить футбол всей Украины. И потому многомудрый и осторожный Суркис решил вести себя как Улисс: не поддаваться сиренам, но и не заливать уши воском при звуках восхвалений в адрес футболиста. Приняв такую стратегию, финансист и промышленник, возможно, и предположить себе не мог, что найдется человек,

который сможет его переиграть, а если и предполагал, то принимал вызов, поскольку в качестве президента, патрона и ангела-хранителя «Динамо» ничего подобного с ним раньше не случалось. Вот почему именно с этого момента и далее все подробности начинают утопать в бесконечных «кажется», «похоже», «говорят» и так далее, которыми обычно отличается любое секретное соглашение, а миланская операция по «слому» сопротивления Суркиса и покупке Шевченко стала исключительным плодом интуиции, предприимчивости, секретности, дипломатии, искусства менеджмента и экономической дальновидности.

Так это было или иначе на самом деле, но в какой-то момент в Киеве прошел слух, будто на стадионе появился весьма любезный господин. Он прилетел из Милана, и звали его Ариедо Брайда. Директору гостиницы, который его регистрировал, он ничего не сообщил, кроме того, что родился в Преченикко, провинция Удине, весной 1946 года, точнее — 21 апреля. Но поскольку в Киеве все причастные к футболу об итальянском знают все до последней запятой, вскоре не без приятного удивления стало известно, что в город приехал один из известнейших представителей миланского футбольного рынка.

Наиболее осведомленные также знали, что Брайда — один из множества фриуланцев (Фриули — область на севере Италии) — раньше выступал как центральный или, при случае, как нападающий второго плана в местной команде. Вместе с клубом «Брешия» пробился в серию А, играл в «Пизе», «Мантуе», «Варезе», «Чезене», «Палермо», «Монце». Но известность на мировом уровне пришла к Брайде, когда он вошел в руководство миланского клуба и стал заниматься поисками талантов, удачным обменом футболистами и, очень серьезно, финансовыми вопросами клуба. Встретить его в Киеве было почетно, но хитроумный Суркис не очень долго удивлялся. Прекрасно понимая, что Брайда в Киеве не без причины, Суркис пребывал в уверенности: никому не удастся ввести его в соблазн продажи Шевченко. Шел 1997 год. Андрей

продолжал играть в чемпионате Украины, в ходе которого он забьет 19 голов в 23-х матчах...

Так или иначе, продолжали сведущие киевляне, но в тот день Брайда не пропустил на стадионе ни одного движения своего «особого подопечного». Он заметил, что чем более двигался вперед Андрей, тем более возрастала его скорость; увидел, что чем чаще футболист менял направление, тем более безуспешными были попытки защитников противника сбить его с ног или придержать за футболку. И он понял, что Шевченко неустрашимо и невозмутимо рвется к победному голу.

Так или иначе, заключали в Киеве, но в тот день у Брайды сложилось о Шевченко окончательное убеждение, созрела твердая мысль, которую он вынашивал не один месяц после знакомства с откликами, отчетами, свидетельствами с футбольных полей Украины и Европы. И он подошел к футболисту и, якобы, подарил черно-красную футболку с его фамилией. Шевченко недоверчиво улыбался.

Конечно, Брайда с самого начала операции говорил о возможной покупке с Адриано Галлиани, заместителем и полномочным представителем Сильвио Берлускони, с которым он бок о бок, еще с 1986 года, работал над созданием «Милана». Родившийся в Монце 30 июля 1944 года Галлиани уже был одним из его основных помощников, когда необходимо было распространить телепрограммы Берлускони из Сен-Винсента в Каникатти. Сплошь усеять телеантеннами значительную территорию было в тот период жизненно необходимо, это был фундамент пирамиды для запуска масштабных программ и рекламы, финансовых операций и новых инициатив. И без лишних слов понятно, что именно Галлиани преобразовал тогдашний «Телемилан» из обычного местного ломбардийского телеканала в общенациональную сеть, от которой потом отпочкуются «Канал 5», «Италия 1» и «4-й канал»¹. Он пересек Италию от Сицилии до верховья Адидже, взбираясь на горы и покупая свободные частоты, договариваясь об уже занятых, добавляя к единой мозаике все новые, уже действующие, небольшие телецентры. Он получил известность

как «человек-антенна», потому что еще на своем небольшом заводике по производству приемных устройств и рипетиторов, сразу же почувствовал, что Берлускони замыслил что-то грандиозное и по первому зову оказался с ним рядом. На телевидении ты можешь себе позволить делать сколь угодно прекрасные программы, но если их никто не смотрит, можешь спокойно закрывать лавочку. Быстрота и проницательность, с какими Галлиани в разное время распространил программы Берлускони по всей Италии, сделали из него надежного и одного из самых ценных сотрудников, к которому прислушивался сам шеф. Так что и в области футбола он стал его правой рукой. Берлускони обсуждал с ним новые инициативы, отдавая должное его мнению в вопросах любого уровня. Более того, когда Берлускони целиком посвятил себя политике, его власть в «Милане» перешла в руки Галлиани в качестве вице-президента и члена правления, а почести и ответственность как первого человека в клубе соответственно возросли. Поэтому, более чем естественно прозвучали его слова 20 января 2001 года, когда между группировками тифози повеяло разногласиями в отношении взглядов на место «Милана» на футбольном рынке. Бывший «человек-антенна», озабоченный судьбами клуба и Берлускони, сказал: «20 февраля 1986 года, когда мы тут появились, мяснику не платили уже три года, также и булочнику и многим другим поставщикам команды. С тех пор «Милан» выиграл 6 чемпионатов страны, взял 3 Кубка чемпионов и многое другое»...

¹ Канал 5 — Каирле Чинкве; 4-й канал — Рете Кваттро; Италия 1 — Италия Уно.

Галлиани никогда не выходил из себя, его лысина редко покрывалась потом, улыбка почти не покидала лица, ирония, что в определенных обстоятельствах так и сквозила в его словах, вызывала чувство симпатии даже в пародиях Тео Теоколи (знаменитый итальянский комик — *прим. ред.*) в его

телерубрике «Те самые футболисты». Он простодушно объяснял, что у него и в мыслях не было когда-нибудь попасть в высшее общество. «Я не хочу быть президентом «Милана». Этой должности я не заслужил, она по праву принадлежит только Сильвио Берлускони». С большой охотой допускал, что если бы его спросили, какая игра произвела на него неотразимое впечатление, то назвал бы финал Кубка чемпионов 1988 года между «Миланом» и «Стяуа» (Бухарест), выигранный итальянцами с разгромным счетом 4:0. Мотив прост: то был первый большой трофей нового «Милана», а первое всегда незабываемо. В тот день, когда Адриано Галлиани, возможно, начнет писать свою книгу о первом пятнадцатилетии общения с «Дьяволом» мы увидим и футбольный рынок в новом для нас разрезе. Очевидно, он ответит на многие наши «почему». К примеру, почему тот же «Милан» не стал удерживать у себя молодых и очень талантливых голландцев Давидса и Клюйверта или француза Виейру, расскажет, что почти готов был надеть на Фигу (ни больше, ни меньше!) красно-черную футболку, но когда прилетел в Барселону для подписания контракта, португалец пришел в гостиницу, чтобы сказать, что передумал. А что уж говорить о феноменальном ван Бастене? И разве он не расскажет нам о втором шедевральном приобретении конца тысячелетия — Андрее Шевченко, о блестящей блицоперации дуэта Брайда — Галлиани, проведенной с благословения Сильвио Берлускони?

Казалось, весь предыдущий опыт был против начала этих переговоров. Ни один из бывших советских игроков никогда не отличался по-настоящему блестящей игрой в Италии, хотя украинский футболист Заваров и белорус Алейников завоевали Кубок УЕФА и Кубок Италии в составе «Ювентуса» Дино Дзоффа, а украинец Михайличенко стал чемпионом Италии в составе «Сампдории». Именно он, как помощник Лобановского, узнав о заинтересованности «Милана», перестал думать об осторожности и пророчески предсказал: «Шевченко создан для больших свершений. Это образец профессионала, который никогда не подведет. К тому же он не нашего поколения. Такому молодому, как он, будет легче привыкнуть к Западу, чем

когда-то было нам». В общем, времена меняются. Если спортсмены типа Заварова в Италии и не вызывали особого восторга, то это можно объяснить двумя причинами. Им было по 28-30 лет, когда они уже практически «выложились» и не могли показать более высокие результаты. К тому же они привезли за собой типичные недостатки в подготовке, которые со временем могли исправить только тренеры нового поколения.

Главным затруднением в переходе Шевченко в «Милан» был Григорий Суркис, который, с одной стороны, упорно и ни за что не хотел кому бы то ни было уступать своего аса, а с другой, приглядывался к зарубежью, чтобы не упустить удобного случая и продать его по самой выгодной цене. Поэтому, возбужденный «ухаживаниями» «Милана», он в то же время пытался понять, что на самом деле думали об этом «Ливерпуль», «Манчестер Юнайтед», «Ювентус», «Рома», «Барселона»..., не отказываясь от мысли затеять за кулисами что-то вроде аукциона. Галлиани и Брайда оказались способнейшими людьми и провернули операцию в два хода. Первый: не играть на повышение. Второй: не слишком затягивать дело, дабы не возбудить аппетит конкурирующих клубов. Уже в декабре 1998 года, то есть как раз в сезоне, по итогам которого Андрей станет лучшим украинским бомбардиром, в Киеве уже поговаривали, что теоретически договаривающиеся стороны могли прийти к обоюдному соглашению. Но Суркис, большой специалист в области отношений с общественностью и дипломат, побаивался официально делать какие-то заявления о сделке, опасаясь народного возмущения.

Столица Украины была буквально вся заклеена огромными плакатами с изображением своего идола. Газеты и телевидение стали следить за его вкусами и предпочтениями. Так, выяснилось, что, кроме украинской и японской кухни, Шева все чаще балуется пиццей или макаронами, которые очень хорошо готовил его киевский приятель. Среди закончивших карьеру суперфутболистов ему приписывали восхищение ван Бастеном, Кройффом и Марадоной, а среди действующих игроков (странное дело — всеми, кто выступал в Италии и,

между прочим, ко многим из «Милана»): Мальдини, Костакурту, Веа, Роналдо, Зиданом, Дель Пьеро...

По утрам почтальон приносил на «Динамо» уже не привычную сотню писем, а целые пачки. Число фанатов и поклонниц Шевченко росло от недели к неделе. Машину Андрея, который ездил уже на «Мерседесе» или «Ландровере» и мог позволить себе дачу рядом с президентской, осаждали болельщики, взбудораженные слухами о богатых европейских клубах, соперничавших за право его купить. Они умоляли его остаться. Во время перерывов и после тренировок он все чаще говорил с Михайличенко об итальянском футболе. Бывший игрок «Сампдории», постер которой висел на стене рядом с Блохиным, легендарным левым краем «Динамо» и сборной СССР, не уставал повторять: «Это трудный и сверхконкурентный футбол, но с твоим оптимизмом и уравновешенностью, готовностью открыто встретить любую трудность, тебе бояться нечего». Действительно, если он чего-то и опасался, так это не сюрпризов со стороны мяча, а, скорее, необходимости коренным образом менять свою жизнь. Ясно, что он сможет больше заработать, но для него деньги не стояли на первом месте. Дело было в том, чтобы переехать в страну, где играли в самый прекрасный футбол в мире и надеть на себя футболку клуба со столетней историей, одного из самых титулованных и авторитетнейших во всем мире. Папа Николай и мама Люба часто повторяли: «Смотри, Андрей, твой поезд может подойдет раз в жизни. Главное понять, тот ли это поезд и когда он подходит». Поняв, что это именно тот самый локомотив, разве мог он на него не сесть? «Динамо» навсегда оставалась для Андрея колыбелью, которая видела его рождение, следила за ростом и стремительными успехами. Он всегда будет любить «Динамо». А «Милан», возможно, — причал, предел его мечтаний. Стало быть, даже патрону Суркису ничего не оставалось, как сдаться на милость черно-красного менеджмента, который заключал соглашение с той же конфиденциальностью, с какой вел переговоры с самого начала: без тамтамов, кричащих заголовков и прямых репортажей.

Судьбоносными оказались также и советы Резо Чохонелидзе, бывшего известного грузинского футболиста 60—70 годов. Он очень хорошо знает итальянский и время от времени занимается с русскими и другими футболистами, которые приезжали в Италию за последние десять лет. Резо не только друг. Он стал для Андрея настоящим прокуратором (так в Италии называют футбольных агентов — *прим. ред.*). Еще до отъезда Шевченко из Киева, он шаг за шагом наблюдал за контактами между «Миланом» и «Динамо» и помог Андрею после приезда в страну освоиться в стране и клубе. Благодаря Резо Андрей уже заранее знал, чего ему ожидать в той или иной ситуации. А это — уже не мало. В отличие от многих других своих предшественников Шева смог психологически подготовиться к встрече с Италией и клубом еще до того, как переступил его порог.

Кончалась зима. Шел февраль 1999 года. Адриано Галлиани, вице-президент и член правления «Милана», и Ариедо Брайда, генеральный директор клуба, подписали контракт с киевским «Динамо», который закреплял приобретение футболиста и означал прекращение каких бы то ни было маневров со стороны остальных клубов. Стоимость контракта — 25 миллионов долларов, что равнялось на тот момент 41 миллиарду лир, сумме, вызывавшей улыбки, но для «Милана», который вскоре поднял собственные цены выше 100 миллиардов лир за футболиста, это были еще и семь миллиардов экономии по сравнению с тем, что «Интер» заплатил «Барселоне» летом 1997 года за Роналдо. И совсем скромно трансфер Шевченко стал выглядеть после переходов Эрнана Креспо из «Пармы» в «Лацио» (110—120 миллиардов лир), Луиша Фигу из «Барселоны» в мадридский «Реал» летом 2000 года (170), Зинедина Зидана из «Ювентуса» в тот же «Реал» в июне 2001 года (140) и т. д.

Сорок один кругленький миллиард. Стало быть, не было и речи о сорока пяти, о чем столько трубила и писала спортивная пресса в отношении игрока, которого через некоторое время оценят более чем в двойную сумму, и он возглавит хит-парад самых котируемых форвардов мира и от которого «Милан» не откажется ни за какие деньги, — это не так уж и много.

Сорок один миллиард, ставший плодом многочисленных переговоров, взаимных ловушек и интриг. После завершения операции многие другие клубы стали говорить, что открыли для себя Шевченко после знаменитого хет-трика 1997 года на «Ноу Камп» в Барселоне. Но форвард уже был под неусыпным наблюдением Ариедо Брайды и Адриано Галлиани, которые не только сделали выгодный выбор, но и плотно «пасли» футболиста, чтобы не дать другим клубам выкинуть в их адрес какую-нибудь дурную шутку. А 2 миллиарда 200 миллионов лир (примерно 1100 долларов) в год при контракте на пять лет стали неплохой суммой для самого Шевченко на начальной стадии его сотрудничества с «Миланом».

«В Италию я не за деньгами приехал, а чтобы играть в одном из самых знаменитых клубов мира», — сказал Андрей без особого смущения и в свойственной ему обычно спокойной манере. А его еще не полные 23 года заставляли подумать и о браке в неопределенном будущем. Когда его спросили, не станет ли «Милан» конечным пунктом его карьеры, он вполне серьезно ответил: «Когда говорят об одной из самых знаменитых команд, то это — конечный пункт для любого профессионала. Время от времени клуб меняется, но нельзя забывать и о традициях. А прекрасно в нем то, что каждый раз он старается подняться еще выше».

Он оставлял на Украине отца, военнослужащего на пенсии, мать, еще работавшую в госучреждении, вездесущую сестрицу Елену, которая продолжала работать и учиться, друзей детства со своим Женей, оставлял свои хобби и среди прочих рыбалку и с недавнего времени — караоке. (Русские песни он пел, когда ему было особенно тяжело). «Думаю, вы все скоро ко мне приедете, и мы побудем вместе». Но он уже был уверен, что особо мучиться от ностальгии, прекрасного, но слишком печального чувства, из-за которого рухнула не одна футбольная карьера, не будет. Андрей понял это еще до отъезда. Психологически он был уже к этому подготовлен. Он не только хотел встретиться с другой жизнью, но просто устал ждать вместе с уже неразлучным Резо Чохонелидзе, в какой-то степени другом, в какой-то — ангелом-

хранителем. Вот что он сказал: «Я еду в Милан для работы. Как раз в 1995 году, когда «Скуадра адзурра» (так называют сборную Италии — *прим. ред.*) побили нас в Киеве, я понял, что Италия — это то самое место, где, совершенствуясь и самоутверждаясь, можно научиться футболу».

ПОД ЗНАКОМ... НАПОЛЕОНА

Ему достаточно было взглянуть на Милан с высоты Дуомо, чтобы почувствовать очарование города. Это чувство было совсем иным по сравнению с тем, что он испытал в Агрополи по приезде в Милан после давнего юношеского турне. Тогда это был просто растерянный юноша, а теперь здесь стоял центральный нападающий «Милана». А черно-красные отмечали очередную победу в чемпионате страны — 1998/99, которую можно было добавить к предыдущим, одержанным в 1901, 1906, 1907, 1950/51, 1954/55, 1956/57, 1958/59, 1961/62, 1967/68, 1978/79, 1987/88, 1991/92, 1992/93, 1993/94, 1995/96. Шестнадцать. А на этот раз триумф был настолько же неожиданным, насколько приятным и залуженным. В то воскресенье, 23 мая 1999 года (золотой матч против «Перуджи» — *прим. ред.*), на старой миланской «Арене» после трех проклятуших и нескончаемых дополнительных минут двадцать тысяч зрителей, заранее обеспечивших себе места перед максиэкраном, вылились на улицу с пением, под звуки труб и клаксонов и направились на Соборную площадь, и даже мэр Милана Габриэле Альбертини не удержался от соблазна появиться в форменной футболке под № 4 своего тезки — миланца Деметрио. Миланистом был и Роберто Формигони, президент области Ломбардия. Более пяти тысяч неколебимых с лозунгами («Империя Дьявола», «Дьявол, я люблю тебя», «Дьявол правит»...) ожидали команду на «Сан-Сиро» целый вечер, до тех пор, пока незадолго до часа ночи не появился их поприветствовать сам Сильвио Берлускони и не сказал, что ждать бесполезно, команда все еще была в Перудже.

Со своими шестнадцатью победами в чемпионате страны, пятью Кубками чемпионов (1962/63, 1968/69, 1988/89, 1989/90, 1993/94 гг.), тремя Межконтинентальными (1969, 1989, 1990 гг.), тремя европейскими Суперкубками (1989, 1990, 1995 гг.), двумя Кубками кубков (1967/68, 1972/73 гг.), четырьмя Суперкубками итальянской лиги (1988, 1992, 1993, 1994 гг.), четырьмя Кубками Италии (1966/67, 1972/73, 1973/74, 1976/77 гг.) «Милан» мог

бы считать себя обладателем полной коллекции престижных трофеев, но еще раз став чемпионом Италии, он вновь подтвердил неприменимость основного закона спорта: никогда нельзя останавливаться на достигнутом.

Среди шпилей Дуомо Андрей подумал, что если в детстве он чуть не умирал от желания играть в первом составе киевского «Динамо», то сейчас у него было единственное желание: выиграть с «Миланом» чемпионат страны и Лигу чемпионов. В Киеве, как и в Милане, футбол оставался самым главным делом его жизни.

С высоты Собора площадь показалась ему отражением многонациональной и многоплеменной столицы, которая не позволяет себе задремать даже в июньскую духоту. «Мне нравится Милан. Фантастический город. Только по сравнению с Киевом ему чуть не хватает зелени». Он тут же захотел насладиться первыми прогулками по улице Монтенаполеоне, дела Спига, Сант'Андреа, Мандзони. Люди его останавливали, просили автографы, подбадривали: «Давай, Шева!» И он радовался этой открытой сердечности, широким улыбкам и знакам внимания.

На всех его встречах как второе «я» неизменно присутствовал верный Чохонелидзе. Поскольку Андрею придется жить в главном промышленном центре Италии, общаться, в основном с итальянцами, надо было сразу же серьезно заняться языком. Он тут же отбросил мысль о видеокассетах и, не будучи страстным поклонником компьютеров и Интернета (хотя было достаточно людей, которые под его именем в разных уголках Земли продолжали — на кириллице и даже на арабском языке — открывать сайты), взял на себя нелегкий труд по четыре часа разбираться с кознями сослагательного наклонения и прочими грамматическими фокусами с помощью своего преподавателя Джанни Челати, который обнаружил в нем завидное желание неустанно учиться всему новому.

Никаких пороков и излишеств. Никакого шампанского и водки. Никаких сумасшедших ночей по-милански в дискотеке, а ровно в 20.00 вместе с Резо — в «Смералдино», где заказывали почти постоянно одни и те же блюда, пиццу и

моццареллу. Чтобы помочь Шевченко освоиться в первые дни пребывания в Милане, его почти что усыновили Ариедо Брайда и все тот же Адриано Галлиани, который вместе с сыном Джанлука часто приглашал Андрея отужинать по-семейному. «Милан», прекрасно помнивший, что может произойти с игроком с Востока, делал все возможное, чтобы Шева чувствовал себя как дома, как приемный сын Милана.

В ожидании покупки дома¹ его поселили в одной из центральных гостиниц на Пьяцца Репубблика (Площади Республики), в двух шагах от офиса клуба на улице Турати. Андрей попросил создать ему условия, чтобы иметь возможность тренироваться, если рядом не окажется тренировочной площадки. В общем, он перенес тренировочный зал в свою спальню и стал перемеживать тренировки с чтением детективов и русской классики, хотя любимым его писателем оставался Александр Дюма. Он купил себе «Три мушкетера» на итальянском языке. Кроме тренажеров неплохим развлечением оказался бильярд. Шевченко вел размеренную, спокойную жизнь согласно своему старому правилу: не делать ошибок, поздно не ложиться. Ведь прогрессировать можно только без остатка отдаваясь работе.

То, что Андрей не привез сразу же родственников в Милан, тоже сочли доказательством его зрелости. «Никогда не повторяй моей ошибки, по крайней мере, в первое время на новом месте и пока не узнаешь всех и все. Ты должен думать только о футболе. К сожалению, мысли о близких, что переехали в непривычную обстановку, помешали мне сосредоточиться на игре», — сказал ему Михайличенко при прощании с «Динамо». Но даже и без этого напутствия помощника Лобановского Шева все равно приехал бы в Милан один. Это в точности соответствовало его пониманию жизни футболиста, к тому же он знал, что миланисты подыщут ему квартиру, в которой его родственникам будет удобно. Таковым оказался дом, в котором несколько трудных, ужасных месяцев провел Оскар Вашингтон Табарес, бывший тренер «Милана», сменивший Фабио Капелло. Это был добротный дом на тенистой улице Марина, в самом центре города, в очень спокойном районе, буквально в двух

шагах от садов на улице Палестро и от улицы Монтенаполеоне. Часть квартиры предназначалась родителям. Поскольку отец должен был перенести операцию на сердце, опять же клуб должен был обсудить с клиникой в Павии, одной из самых современных и оборудованных, все подробности. Словом, от Андрея требовалось лишь одно: играть и забивать. Говорят, что в то время на него был наложен лишь один запрет: даже как хобби не заниматься хоккеем на льду, видом спорта, в котором, по слухам из Киева, он был очень силен. Мог ли хоккей стать его основным выбором, если бы футбол не одержал верх? «Да нет же, — возражал Андрей. — Правда, я попробовал, но меня не очень это увлекло. Было у меня в Киеве несколько свободных дней, и я пошел с одним моим другом, бывшим профессионалом, чемпионом Украины, на каток. Он подарил мне клюшку. Купил себе амуницию, шлем... И все!»

И начались поездки в Миланелло. И не на мощной спортивной машине, символе престижности многих — утвердившихся и не вполне — футболистов, а на самом ординарном серийном «Опеле» (один из спонсоров «Милана»). Благодаря «Опелю» он мог менять машину через каждые 15 тысяч километров пробега.

У въезда на базу день ото дня росло число тифози, приезжавших сюда со всех уголков Ломбардии, чтобы полюбоваться игрой Андрея. Он улыбался, приветствовал их жестами. После «правил Василия Лобановского» в киевском «Динамо», на тренировках «Милана» его ждали другие законы — Альберто Дзаккерони. Кроме футбола Андрея объединяла с Дзаком любовь и восхищение Наполеоном. И на перипетии судьбы Шева смотрел совершенно по-своему: ни один из игроков не мог с уверенностью утверждать, что это он выбрал футбол своей профессией. Обычно футбол, вещь почти заразная, выбирал «своих людей» из них — поклонников кожаного мяча.

Если бы все зависело только от Дзака украинец достиг бы попасть в Италию и достигнуть вершины признания уже в 1999 году, во втором круге чемпионата, когда «Милан» стайерским рывком подлетал к финишу, Дзаку было бы крайне удобно иметь в своем штате «сокрушителя ворот» подобного

масштаба, который, к тому же, мог бы оказаться и весьма полезным для столь любимой им схемы 3-4-3. Во всяком случае, соображения тренера были достаточно элементарны и не выходили за рамки непосредственного использования футболиста на полную нагрузку. «Опыт мне подсказывает, что иностранному игроку необходимы, по крайней мере, шесть месяцев, чтобы освоиться в Италии и в нашем чемпионате». И Брайда и Галлиани охотно пошли бы навстречу тренеру уже в начале года, если бы не было трудностей, связанных с популярностью Шевченко на Украине, с обязательствами киевского «Динамо» в Лиге чемпионов, в которой Андрей мог стать лучшим бомбардиром. Если бы не священный страх президента клуба Григория Суркиса перед возможным возмущением народа. Но уже 20 июля, через две недели после приезда, сам Дзак удивлялся, как этот украинец, буквально вмиг смог преодолеть период бездействия и неуверенности, обычно сопровождающий тех, кто переходит из зарубежной команды в итальянскую, что и естественно из-за языковых трудностей, из-за климата и, особенно, из-за периода обкатки, столь необходимого, чтобы влиться в новый коллектив. «Андрей начал блестяще, он пролетел некоторые этапы без лишних остановок», — говорил позднее Дзак.

Со своим сердитым выражением или лицом философа, пронизывающим взглядом или выражением одержимости в глазах, мефистофелевской улыбочкой или дикими восклицаниями Дзаккерони вовсе не напоминал модного современного тренера. В тренировочном костюме вы могли его принять за симпатягу из соседнего дома, который пригласил вас в сквер перекинуться в картишки или погонять мяч. Замкнутый, но не до предела, немногословный, но абсолютно лояльный, он вынашивал свои собственные научные соображения о футболе нового тысячелетия и проводил их в жизнь последовательно и серьезно. «У Дзаккерони, — говорил Шевченко, — в голове не только схема игры, но и возможные ее модификации в зависимости от действий противника, а это — решающее в командной игре». В общем, Дзак придерживался не столько схемы, сколько образа мыслей, он требовал не денег,

а времени, чтобы оформить и «выдать на гора» продукт коллективных действий. С другой стороны, пройдя через единственную и незаменимую школу «рядовых», он научился убеждать и побеждать.

Дзаккерони родился в 1953 году в Мелдоле (провинция Форли), затем с родителями переехал в Чезенатико, что недалеко от Римини. В тринадцатилетнем возрасте уже прислуживал за столом в семейном ресторане, а позднее окончил школу гостиничного хозяйства, возможно, чтобы доставить удовольствие отцу, у которого был небольшой пансион под вывеской «Амброзиана». Этот пансион он гордо противопоставлял такому же, владельцем которого являлся бывший вратарь «Интера» и сборной Италии Джорджо Гецци, по прозвищу «камикадзе». (После блестящей карьеры его перепродали в «Дженоа», и с Джипо Виани, уже в «Милане», он выиграл чемпионат-1961/62 и Кубок чемпионов-1962/63).

И тут тоже не обошлось без «руки судьбы». Кроме взаимоуважения, множество совпадений связывало его с еще одним историческим персонажем. Он родился 1-го апреля, как и Арриго Сакки, был коренным римлянином, как Сакки с детства «болел» за «Интер», как и Сакки возглавил «Милан».

Дзак уже был готов перейти в «Интер», и Массимо Моратти долгое время обхаживал его на этот счет, но когда в мае 1998 года в Париже был завоеван Кубок УЕФА, решил оставить на этом месте Джиджи Симони. «Милан» очень быстро и оперативно отреагировал на ситуацию и заполучил тренера, который, как никто другой, «сделал сам себя» и мог, стало быть, разобраться в игроках, особенно в их психологии. «Дзаккерони, — утверждал Шева, — умеет разобраться в каждом из своих подопечных. Он всегда подготовлен и много работает как на поле, так и вне его. И мне нравится его искренность. Он говорит в лицо то, что думает». Этот способ жить и самоутверждаться пришел к тренеру с опытом первых лет пребывания в клубе «Чезенатико».

Родившись «с мячом в ногах», он проявил себя как очень способный защитник, обладавший напористостью и скоростью и попал в юношеский

состав «Болоньи». Здоровье не позволило Дзаккерони продолжить карьеру футболиста, и он, почувствовав склонность к тренерской работе, окончил высшие курсы Коверчано, следуя не столько словам преподавателей, сколько «правилам игры», «законам поля», которые он изучил во время поездок — вдоль и поперек по области Эмилия — Романья. Он начинал в «Чезенатико», работал в «Риччоне», «Сан Ладзаро», «Баракка Луго» в различных межрегиональных лигах и серии В, и завоевал славу дальновидного тренера, способного решать любые проблемы.

При нем в сезоне-1990/91 «Венеция» вышла из серии С1 в серию В. Приглашение «Болоньи» в сезоне-1993/94 через три месяца окончилось увольнением. Перейдя в «Козенцу» (серия В), Дзаккерони спас команду из Калабрии от вылета в низшую лигу. Но у Дзакка была мечта появиться в серии А. Эту возможность предоставили ему предприниматели отец и сын Поццо, которые перед сезоном-1995/96 позвали его в «Удинезе», только что перешедшего в высший класс.

В «Удинезе» Дзак провел удачные сезоны и сделал немало открытий для себя и для других. Он работал на поле, с компьютером и с людьми. Но все эти усилия могли бы пойти прахом, если бы он не добился результатов и не доказал, что умеет собрать команду из игроков, отвечающих требованиям его собственного штатного расписания. В Турине, в незабываемой встрече с «Ювентусом» его команда сыграла так, что предложенная им собственная схема игры (3-4-3) из случайной и эпизодической очень быстро стала модной.

Во время матча Дзаккерони давал сухие и четкие указания, отличался трезвостью суждений, точно угадывал с заменами. В раздевалке не позволял себе панибратства. Во время тренировок оставался только тренером. У него было лишь одно единственное правило: «Мы выиграем, если будем придерживаться вполне определенных вещей». Отсюда необходимость быть единой группой. «Он живет с нами и для нас», — говорит Шева. От Андрея Дзак хотел узнать некоторые, даже на первый взгляд малозначительные, детали, чтобы разобраться в его характере. И так, и в «Милане» он

продемонстрировал культуру общения с игроками, с которой можно было познакомиться еще в «Удинезе».

«Удинезе» Дзак тренировал три года. В первый занял десятое, вполне достойное, место, если учесть класс тогдашних команд. Во второй поднял команду до пятого — действительно великолепный результат для «славной провинциалки» — и получил в награду «Золотую скамью» как лучший тренер года, приз, которым когда-то владели Фабио Капелло и Марчелло Липпи. В третий сезон «Удинезе» занял уже третье место с Бирхоффом в качестве главного бомбардира, стал участником Кубка УЕФА. Естественно, в это время Дзак представлял собой лакомый кусочек для любой команды. Брайда и Галлиани в течение многих месяцев следили за его ратными подвигами и решили, что Дзаккерони и есть тот самый нужный для «Милана» человек. И они не ошиблись. В первый же год был выигран чемпионат страны.

Насколько это было возможно, в Киеве, где параболические антенны явно чудес не творили, а чаще вообще ничего не передавали из-за постоянной политической нестабильности в стране, Андрей следил за итальянским чемпионатом, прежде всего, по газетам и по рассказам коллег по профессии. А поскольку он уже знал кое-кого из итальянской сборной по встречам с Украиной, постарался теперь запомнить тех, с кем теперь в Милане сражался на бильярде или встречался в ресторане на праздновании своего двадцатитрехлетия.

По прогнозам чемпионат должен был пройти под знаком «Лацио», а в итоге победителем стал «Милан», заранее начавший широкую кампанию перестройки состава и незаметно для всех вырвавшийся вперед. Заслуга в этом лежит, как на главных действующих лицах, так и на тех, кто был занят в эпизодах, как на солистах, так и участниках хора, которыми уверенно дирижировал Дзак. В общем, со свойственным ему упрямством и используя лучшие качества каждого игрока, Дзаккерони создал единую и сплоченную команду. Ее визитной карточкой мог считаться голкипер Кристиан Аббьяти (рост — 192 см, вес — 92 кг), отличный парень из Аббиатеграссо, вышедший

на поле 17 января 1999 года в игре «Милан» — «Перуджа» вместо удостоенного множества наград и многократного чемпиона Италии Себастьяно Росси и не сдавший позиций до последней игры с «Перуджей».

Как бы по воле чертенка-шалунишки крещендо команды возрастало от «Перуджи» к... «Перудже». Возьмите Франческо Коко. Как футболист он вырос в «Милане», до того, как получил травму, был прекрасным левым крайним. Его возрождение состоялось в «Торино» при Эмилиано Мондонико, после чего он возвратился в стан красно-черных. Летом 1998 года Дзак вновь забрал Коко из «Виченцы» и выпустил на поле в матче с «Болоньей», который «Милан» выиграл со счетом 3:0, начав торжественное шествие на пути к скудетто¹. Игрока сборной Дании Томаса Хельвега, правого полузащитника, Дзак забрал из «Удинезе» за его напористость, уверенную игру в обороне и дерзость в нападении. Хельвег провел 27 матчей. Старожил итальянской сборной Алессандро Костакурта по прозвищу «Билли», 1966 года рождения, который вместе с «Дьяволом» завоевал уже все, что можно было завоевать, в том числе и место в защите еще во времена, когда царила старая гвардия, такие как «игрок века» Франко Барези и блестящий Мауро Тассотти, не только и слышать не хотел о пенсии, но демонстрировал волю и прямо-таки юношескую скорость. Он как бы отвечал тем, кто приговорил его к неизбежному закату, продолжая оставаться ведущим игроком команды. Были и такие, что говорили будто и брешианец Деметрио Альбертини, 1971 года рождения, тоже на излете, а ведь он один из тех, кого скауты «Милана» пригласили еще в юношеский состав, и кто после 1991 года, после годичного «дозревания» в «Падуе» в серии В, благодаря тактическому мастерству, был соучастником и вдохновителем многих побед. А что уж говорить о Паоло Мальдини (1968 г.р.), сыне великого Чезаре, коренном миланце, капитане команды и капитане национальной сборной? С определенной точки зрения он является историей клуба даже в большей степени нежели сам Джанни Ривера, поскольку имеет отношение к «Милану» с девятилетнего возраста. До скудетто эпохи Дзака, чего только не успел завоевать Мальдини? В 1994 году удостоился триколора и получил Кубок

чемпионов, выиграл европейский Суперкубок, стал вице-чемпионом мира и получил повязку капитана сборной (пока что в качестве заместителя Барези. Окончательно он стал владельцем повязки 7 сентября в последнем матче со Словенией).

¹ Скудетто — нашивки на форму, которые получает команда-чемпион.

И Андрей при Паоло Мальдини понимал, насколько он был «великолепен, превосходит и непревзойден», потому что в 1995 году именно Паоло в Киеве отметил его в игре сборной Украины против сборной Италии.

Был тут и Массимо Амброзини (1977 г.р.), которого генеральный директор Ариедо Брайда рекомендовал Шеве как соседа по номеру в Миланелло, симпатичного, общительного и душевно щедрого человека. Амброзини был одним из тех, кто с первых же дней стал одной из основных фигур в чемпионате страны. А Дзак показал, таким образом, свои способности... провидца. И действительно, чемпион Италии-1995/96, Амброзини перешел в «Виченцу», будучи готовым в любую минуту вернуться в лоно родного дома. Отозванный Дзаком обратно накануне чемпионата, какое-то время был запасным, но постепенно так прибавил, что стал незаменимым. Говорят, что его чувство ответственности и разнообразие технических приемов в немалой степени повлияли на то, что постепенно стала меркнуть звезда самого Звонимира Бобана, форварда сборной Хорватии. А ведь Бобан был любимцем славы, имел на своем счету три победы в чемпионате Италии, Кубке чемпионов, Суперкубке Европы и Кубке Италии. В октябре 1998 года он начал вдруг «брыкаться» и попытался уйти из команды: ему показалось, что в планах тренера ему остается все меньше места. По правде говоря, хорват все отдал «Милану» и все от него получил, но не всегда был в лучшей форме. После долгой полемики и примирения дело кончилось тем, что Бобан вернулся к

своему старому амплу диспетчера и оказался очень полезен в борьбе черно-красных за чемпионство. Во всем, что касается Бобана, мы видим «Милан» в постоянном поиске кусочков, составляющих итоговую мозаику, поиске альтернатив, замен. Например, перуджинец Федерико Джунти (теперь он в «Брешии») играл в шести матчах (на следующий год в двадцати четырех) и принимал участие в самых важных матчах чемпионата. А аргентинец Андреас Гульельминпьетро по прозвищу Гули (в настоящее время в «Интерере»), хотя и числился самым что ни на есть рядовым, стал одним из любимых Дзаком игроков и после дебюта в матче «Салернитана» — «Милан» (1:2) 20-го сентября 1998 года принял участие еще в 21-й игре, забив четыре гола. Последний из них, на 11-й минуте в игре «Перуджа» — «Милан» позволил не только победить, но и обойти в турнирной таблице на одно очко «Лацио», прервав тем самым двухгодичный пост и завоев скудетто.

Нелегко было в Миланелло избавиться от эйфории перед финишем, который накануне чемпионата представлялся далеко не оптимистичным. Говорили, что в то время, как «великие» обеспечили себя значительными приобретениями, «Милан» думал, прежде всего, о том, как сэкономить. В начале нового сезона Дзаку надо было приглушить эти слухи и напомнить всем сомневающимся, что «каждый год сам себе делает историю». Во всяком случае, приезд Шевы стал тоником для всех: в первой декаде октября 1999 года он в четырех играх забил пять голов, не чувствуя в Миланелло никакой ностальгии по Конча-Заспе. Вечерами на новой базе он азартно играл в бильярд. Его соперником стал Маурицио Ганц, фриуланец из Толмеццо. «Ко двору» Дзака его представили в декабре 1998 года почти что в качестве рождественского подарка тренеру от «Милана», но вовремя, чтобы успеть стать чемпионом Италии, сыграв девятнадцати игр и забив четыре гола.

Но Шева (многие уже стали его называть «Волшебная флейта» или «Восточный феномен») не мог не помнить, что когда он надел на себя футболку «Милана», в нападении команды уже играли два блестящих игрока. Одного звали Оливер Бирхофф. Это был немец из «Карлсруэ», любимец Дзака по

«Удинезе», в составе которого тот за три сезона успел забить 57 мячей в 86-и матчах и, а в сезоне-1997/98 года завоевал титул лучшего бомбардира (27 голов, на 2 больше Роналдо). Бирхофф последовал за своим наставником и маэстро в «Милан» и в первый же сезон отплатил учителю 20-ю голами в 34-х играх, что составило 36 процентов «голевой продукции красно-черных», нечемпиона Италии.

Другой игрок был еще более знаменит. Его уже давно, со дня дебюта (17 августа 1995 года, когда он перешел из «Пари Сен-Жермен», куда еще раньше, в 1992 году, пришел из «Монако») полюбили и прославляли все болельщики. Это имя стало символичным. Звали его Джорж Маннех Оппонг Усман Веа, либериец из Монровии. Его и еще 13 братьев воспитывала бабушка. Год рождения — 1966. Обладатель «Золотого мяча», артист своего дела, образец профессионализма, серьезности, обязательности и постоянства, способный выдать на поле какой угодно номер, он умел оказаться в нужное время в нужном месте, не гоняясь по всему полю за мячом, акробат игры головой и ударов по воротам. В сезоне-1995/96 Веа в 26-и матчах чемпионата забил 11 мячей и, соответственно, в 1996/97 — 13 в 28-и, в 1997/98 — 10 в 24-х и в 1998/99 — 8 в 26-и. Он был футболистом-победителем в полном смысле этого слова и в то же время невероятно богатым человеком, владельцем дискотек, салонов красоты, бутиков, ресторанов, компании минеральных вод, недвижимости, включая виллу в Африке на 16 помещений. Настоящий гражданин мира, он дарил всем, кто просил, одежду и обувь, посылал мячи и футбольную экипировку нуждающимся командам стран третьего мира, тратил тысячи долларов в год на лагеря беженцев в окрестностях Монровии, обращался к власти имущим с призывами «открыть границы африканцам» и «любой ценой во всех уголках мира остановить торговцев оружием».

Либериец стал живой легендой «Милана». Тифози называли его запросто Жоржем, а для радио- и телехроникеров он был просто Веа. Но и для великих людей рано или поздно настает время лебединой песни. Но расставание Веа с «Миланом», по-видимому, должно было пойти по несколько

иному сценарию. В чемпионате-1999/2000 он сыграл только в 10-и играх и забил 2 гола, а в январе на время перешел в английский «Челси» к Джанлуке Виалли, так уже и не вернувшись в «Милан». «Дзак меня предал... Тренер выкинул меня из команды... Этого я не ожидал... Я хотел перейти в «Рому», но мне не разрешили... Если они думали, что я уже не нужен, то почему не уступили кому-нибудь в Италии?..» И так далее. Главное было показать болельщикам, что Жорж не по своей воле ушел из команды, а по вине Дзаккерони, которому он уже стал не очень нужен. Дзак должен был разрешить проблему «перенаселенности» в линии атаки: у него уже был Бирхофф, который всегда оставался его человеком еще со времени «Удинезе» в Ломбардии, а главное — Шевченко, об универсальности которого он знал, но, возможно, еще не совсем представлял себе, что он окажется машиной по забиванию голов да еще и в первый же год. Так что — прощай, Веа. Это было очень грустное расставание. Впоследствии будут рассказывать, будто сам Адриано Галлиани, несмотря на запрет из-за соображений конкурентного порядка уступать Веа кому-то в Италии и уж никак не «Роме» Фабио Капелло, был растроган до слез, чего с ним не случилось при прощании с другими футболистами. Поблагодарив журналистов и попрощавшись с товарищами по команде, Веа непременно должен был минут десять поговорить с Шевченко. «Я подбодрил его и объяснил, что «Милану» он становится все больше необходим, что он молод и всегда в хорошем настроении, — скажет либериец потом. — Он должен выходить на поле с гордо поднятой головой». Джентльмен до мозга костей, футболист в истинном смысле слова, обожаемый болельщиками, да к тому же уже год как идол «Сан-Сиро», Дзак принародно признавал за ним «серьезность, силу и упрямство». А в 1998 году ему было достаточно взглянуть на его игру в Лондоне против «Арсенала», чтобы вынести свой вердикт: «Несомненно, — это настоящая звезда».

До начала игры Шеве случалось поговорить с Амброзини, и когда его сосед по номеру в Миланелло говорил, что их главная цель — выиграть, Андрей возражал: прежде всего, — бегать. «Если мы окажемся быстрее

противника, мы победим. Те, что бегают меньше, — проигрывают». Ничто не могло его разубедить в том, что главное в жизни — скромность. Брайда говорил, что Андрей прекрасный человек, великолепный спортсмен, что он знал массу футболистов, но мало кто был по-настоящему скромен и жаждал бы побольше узнать, отмечал его огромную моральную силу и уникальное чувство долга... Для украинца футбол, в сущности, всегда оставался командной игрой, так что бесполезно обсуждать, был ли Шевченко более нужен «Милану» или наоборот. Андрей сам рассказывал об Алексее Яшине, известнейшем хоккейном бомбардире из «Оттава Сенаторс», который из-за разногласий не мог подписать контракт с собственным клубом и поэтому бездействовал целый год, а команда выступала почти что с прежними результатами и по-прежнему возглавляла турнирную таблицу. Но Шева не мог и вообразить, что в Италии могут «с почти маниакальной настойчивостью стремиться организовать игру». В киевском «Динамо» чемпионат носил рутинный характер, а основная работа проводилась в преддверии Лиги чемпионов. В Италии же — не дай Бог остаться за бортом соревнований или не победить. Не важно, идет ли речь о чемпионате страны или Кубке чемпионов, хотя оба трофея и оставались наиболее желанными. Так что все здесь было гораздо более тяжелым. Вот, например, есть шесть сильнейших команд и столько же, так называемых, провинциальных, но которые ни за что не согласятся уступить. Наоборот, они все время на тропе войны, их только подхлестывает желание победить титулованного противника. А что сказать о мастерстве защитников, о тактике, что от встречи к встрече анализируются тренерами за столом и на поле? Для футболиста не выложиться в игре на все сто процентов иногда означало риск вообще оказаться вне игры. И все это под давлением подготовленной публики и пристальным наблюдением компетентных телеканалов и прессы, обычно отдающих футболу массу места. Но разве Михайличенко не предупреждал Шеву о сверхтрудном и сверхконкурентном характере итальянского футбола? Только после голов Андрей приходил в хорошее настроение и расслаблялся, а взгляд становился взволнованным и веселым. По словам Брайды, главное

оружие Шевченко — это высокая скорость и невероятная выносливость на такой скорости, типичные для человека, который, будучи в хорошей форме, идет до конца, становясь все более опасным.

Хет-трик в ворота «Лацио» вызвал восхищение легкостью, с какой Шева пробивал защиту противника, принимая во внимание, что бело-голубые (цвета «Лацио» — *прим. ред.*) были одними из сильнейших на чемпионате. Прорвать оборону легко в Киеве, но не так просто в Италии, где забить мяч гораздо сложнее. Здесь форварду даются доли секунды, чтобы решить, как ему поступить, и каждая секунда «имеет вес». Всегда корректный Шевченко считал, что именно в матче с «Лацио» судья Баццоли вместо того, что бы выносить ему предупреждение, должен был назначить пенальти. Однако на поле он даже не попытался протестовать: ломать комедию — не в его привычках.

Успехи Андрея в составе красно-черных вызывали огромный интерес болельщиков и на Украине. Отец, находившийся в одном из санаториев для выздоравливающих неподалеку от Киева (у него были серьезные проблемы с сердцем), по телефону и в письмах досадовал, что ему не удастся посмотреть игры, поскольку итальянские каналы не ловились. Правда, скоро они должны были приехать к Шеве вместе с сестрой Еленой, только что вышедшей замуж за другого Андрея, и лично увидеть, насколько необыкновенным было согласие между их сыном и «Миланом». Согласие же было таким, что украинца все больше считали бомбардиром-символом, в котором весь красно-черный «Милан» признавал себя, от высокопоставленных и просто известных лиц на трибунах стадиона «Сан-Сиро», до тысяч простых болельщиков и фанатов из «Львиной ямы», «Красно-черных бригад», а также «Тигров» (группировки тифози — *прим. ред.*), главе которых Джанкарло по прозвищу «Барон» приписывалась заслуга подписания своего рода перемирия между миланистами и интеристами: они уже давно звали друг друга по имени и отчеству и ходили в одни и те же бары... Не будем особо говорить о Марио Фьоре. Даже когда ему приходилось выезжать из родного Сан Джованни Ротондо, где родился и падре

Пио, он не боялся проехать 700 километров на машине (часто в сопровождении парикмахера, который заботился о гриме) и появлялся в Сан-Сиро на самых значительных календарных играх в полном облачении и в красном плаще с черным обрамлением. Итак, во времена Шевы даже для Фьоре было проще «заниматься дьявольщиной». Каждый гол давал ему возможность сделать между таймами веселую «проходку».

Если голы Андрея так всех вдохновляли, то можете себе представить как счастлив был Адриано Галлиани! Ему удалось привезти Шеву в Италию «всего» за несколько десятков миллиардов лир, а через несколько месяцев его котировка на рынке резко подскочила. Вот почему у полномочного представителя Берлускони и появилась впоследствии нашумевшая идея, которую он доведет до всеобщего сведения и официально изложит 31 июля 2001 года: «Милан» больше никогда не купит ни одного южноамериканского футболиста, разве только вдруг не появится новый Пеле. Слишком много стало всевозможных вызовов в сборные, и мы вынуждены отпускать футболистов при каждом блошином чихе, из-за каждого пустяка, часто на незначительные соревнования. Из-за постоянных поездок за океан участились стрессы, как у игроков, так и у тренеров и руководства, и никто никогда не знает, в каком состоянии футболист вернется обратно. Европейские же государства (включая и Восток) используют собственных футболистов куда более рационально, кроме того, из Милана через пару часов можно добраться до любого места. Следовательно, решительно кончаем с Южной Америкой». Такой поворот значительно повысил отдачу Андрея Шевченко.

А с другой стороны, разве могло быть иначе у бомбардира, который уже в год дебюта, то есть чемпионате-1999/00, сыграв в 32-х встречах, забил 24 гола, завоевав звание лучшего бомбардира чемпионата?

«ЛА СКАЛА» ФУТБОЛА

«Шевченко — новый ван Бастен», — заявил Сильвио Берлускони. Это был вердикт человека, который в 1986 году приобрел «Милан» и уже к первому чемпионату страны в качестве патрона реорганизовал и вновь запустил клубный механизм, отобрав лучших игроков на футбольном рынке и пригласив тренеров, способных добиваться значительных результатов. Говорили, что Берлускони до того восхищался техникой и атлетическими данными украинского спортсмена, что, встретив его на Сардинии в 1999 году, взял с собой на прогулку на собственной яхте и сказал: «Если забьешь за сезон 25 голов, эта яхта будет твоей. Потом месяцами обсуждали это пари-обещание, потому что уже осенью стало ясно, что украинец оказался достаточно подготовлен к новому этапу карьеры и только в серии А смог забить 24 гола и, как мы знаем, победил в споре лучших бомбардиров. На самом же деле речь шла не о подарке, а о полной готовности работать дальше, если эти 25 мячей будут забиты в ворота соперников. Однако это несколько не меняло самой постановки вопроса и духа высказывания президента. Уже при первой встрече он показал, что безоговорочно верит футболисту и считает, что тот сумеет вписать новые чудесные страницы в историю «Милана», как это сделал в свое время Марко ван Бастен. А что это было не только его убеждение, 30 января 2000 года официально подтвердил после еще одного хет-трика украинца (во встрече «Перуджа» — «Милан») Адриано Галлиани.

Как здесь не вспомнить «Утрехтского лебедя» (прозвище ван Бастена — *прим. ред.*), который ни один год в красно-черной футболке был триумфатором и трижды (в 1988, 1989 и 1992 гг.) удостоивался в качестве лучшего игрока Европы «Золотого мяча»? Когда ван Бастен из «Аякса» перешел в «Милан», многие считали, что у тренера Арриго Сакки, придерживавшегося собственных схем, он играть не сможет, однако вскоре сам «мистер Фузиньяно» (прозвище Сакки — *прим. ред.*) понял, что с ван Бастеном на поле у «Милана» было на три скорости больше», и не уставал хвалить его данные и профессионализм. Как не

вспомнить тот прекрасный вечер, когда голландец в Гетеборге забил целых четыре мяча (имеется ввиду матч Лиги чемпионов — *прим. ред.*): головой, в падении через себя, со штрафного и после дриблинга, обойдя вратаря, и когда голкипер, вместо того, чтобы выругаться, стал одним из первых ему аплодировать, тот вечер вошел уже в легенду. К сожалению, из-за травм и к большому огорчению не только миланистов, но и всех любителей футбола, ван Бастен раньше времени покинул сцену, но он, как и Роналдо или Дель Пьеро всегда было вне болельщицких пристрастий. Еще в октябре 1987 года, в своем первом миланском сезоне голландец должен был прекратить выступления из-за «капризов» левой лодыжки, которую пришлось оперировать. В сентябре 1989 года у него треснул внешний мениск правого колена, но через 45 дней футболист возвратился на поле и вновь, на два с лишним года, стал незаменимым и продолжал завораживать зрителей своей прекрасной игрой. Но злая судьба снова дала знать о себе в декабре 1992 года, когда потребовалась операция уже на правой лодыжке, той самой, что подвела его в последний год выступлений в «Аяксе». Пришлось снова на пять месяцев прекратить выступления.

Голландец снова вышел, полагая, что все мучения остались позади. Возвращение состоялось 26 мая 1993 года в Мюнхене в финале Кубка чемпионов против марсельского «Олимпика». Но... вновь травма. На сей раз это был не очередной «каприз» измученной правой лодыжки — отошел хрящ. И тут возникла почти что дискуссия: снова под нож или же поискать иной выход? Из всего, что предлагалось консультантами, ван Бастен выбрал первое. В июле 1994 года он пробыл в операционной, по крайней мере, часа два и вышел с гипсом, который сняли 2 октября. Не было ни одного любителя футбола, который не мечтал бы, чтобы «Утрехтский лебедь» возвратился в «Милан» весной 1995 года, к решающим матчам Кубка чемпионов. Об этом мечтал Берлускони, на это особенно рассчитывал и тренер Фабио Капелло. Но Марко ван Бастен, со своими элегантными подсечками и умопомрачительными ударами по воротам так и больше не выбежал ни на зеленый ковер «Сан-Сиро»,

ни на какой другой стадион мира. Он повесил свои бутсы на гвоздик, проведя в составе красно-черных 147 матчей и забив 90 голов, которыми наслаждались обожатели «Милана» и которые никогда его не забудут и при любом появлении в Милане будут с сияющими глазами топить в море аплодисментов. Ван Бастен останется синонимом гола и прекрасной игры. Вот почему слова «Шевченко — второй ван Бастен» в устах Берлускони звучат как *imptimatur* (лат. — «на выпуск в свет»), как заставка нового этапа в развитии футбола.

Верный своему стилю, Шева понимал, что не может стать вторым ван Бастеном, так же, как и никто другой не сможет стать вторым Шевченко. Галлиани подарил ему видеокассету Марко и сообщил, что президент лично хотел, чтобы Андрей проанализировал ее и понял простейшую вещь: нужно не пытаться стать суперголландцем, а, скорее, понять, как его можно заменить.

Марчелло Липпи считал, что, похожее на взрыв, появление в Италии украинского канонира — один из прекраснейших сюрпризов последнего времени. Для различного рода защитников основным оружием Шевченко был скоростной дриблинг. Хосе Альтафини увидел, что молодой бомбардир «убийственен в штрафной. У него огромное желание делать дело, но не перебарщивать. Он знает, как придержать мяч внизу и куда его послать. И он разобрался в коварных ловушках итальянского чемпионата». Даниеле Массаро: «Он, как никто, видит ворота. В любой позиции. Всегда очень самоуверен. Ничего не боится». Фульвио Колловати: «Он конкретен, результативен и его трудно просто снести. Смертельно опасен в поединке с противником один на один и не оставляет выхода тому, кто его «пасет». С одинаковой непосредственностью способен развернуться в сторону ворот и тут же оторваться от защитника». Джанни Ривера признает за Шевченко «настоящий класс, целенаправленность, скоростную игру», однако согласен с теми, кто считает Андрея «игроком, скорее индивидуального плана, чем членом команды, склонным больше к завершению комбинации, нежели к ее организации», способным «маневрировать лишь в эгоистических целях», а «в атаке он мало помогает товарищам по команде», то есть — полная

противоположность словам Валерия Лобановского на Украине и высказываниям некоторых специалистов в Италии. Однако, все были единодушны, когда говорили о лучших чертах Шевы: отличная координация во время бега, стартовая и дистанционная скорость, контроль мяча, дриблинг, нацеленный на ворота, владение обеими ногами, особенно правой, резкие неожиданные остановки, неожиданность ударов, впечатляющее голевое чутье, хорошей игра головой, хотя и мало используемое качество, чувство позиции даже без мяча и умение не попасть в офсайд, исключительная корректность (он редко бывает наказан арбитром).

Все это и многое другое произвело впечатление на Сильвио Берлускони. И, сделав ставку на то, что теперь главным козырем в игре будет Шевченко и только он, исключая любые аналогии с ван Бастеном, президент «Милана» имел все основания передать ему видеокассету об «Утрехтском лебеде» и предложить поразмыслить о том, кем был голландец для красно-черных и о том, что ждут от Шевченко. Сам украинец понимал, насколько убедительно и решительно действовал президент на пути перестройки «Милана» в последнее пятнадцатилетие и в преддверии двухтысячного года. Это была история, с которой нельзя было не считаться, поскольку она уже переплеталась с его собственной.

Берлускони не раз говорил, что был миланистом с самого детства, хотя злые языки утверждают, будто в юности он был равнодушен к «Интеру». Коренной миланец, он родился 29 сентября (в тот же день, что и Шевченко) 1936 года, окончил знаменитый университет Боккони с максимальной оценкой «110 с плюсом» и дипломом специалиста по рекламе. Тяга к футболу была у него с детства. Он играл сам и тренировал. Не зря же в возрасте 27 лет, когда у него еще не было своего телеканала, а деловым трамплином являлась компания «Эдилнорд», он организовал футбольную команду «Торрескала», в которой играли его 14-летний брат Паоло и лицеисты из «Гондзаги», а на воротах стоял Витторио Дзуккони. О своей тогдашней юности Паоло рассказывает так: «В команде «Эдилнорда» я был центральным нападающим, брат председателем и

вместе с Марчелло Делл'Утри тренером. Тактическими проблемами занимался Сильвио: я должен был «пасти» свободного защитника и не допускать опеки со стороны центрального. Это может показаться банальным, но я отвлекал обоих. Длинные передачи и быстрота приводили к легким голам. Три мяча мы забили «Милану», но это еще не была команда Берлускони».

Убежденный сторонник и почитатель чудес, которые подвластны СМИ, Сильвио Берлускони быстро понял, что можно прожить хоть три века, коллекционируя предприятия и занимаясь экспортом на полмира, а тебя все равно не заметят, но если ты всерьез займешься футболом и точно угадаешь, какой край или защитник тебе нужен, твоя популярность может резко измениться. Когда появилась возможность приобрести «Милан», тот находился в далеко не лучшем положении. Возможно закат клуба начался уже при Андреа Риццоли, чья издательская империя, одна из мощнейших при Анджело, отце, начала испытывать некоторые трудности. На смену Андреа пришел хлопкопромышленник Феличе Рива, сбежавший в Ливан после краха своего предприятия. Затем наступила очередь металлопромышленника Витторио Дуина, запутавшегося в массе векселей и чеков, потерпевшего полный крах и погибшего в катастрофе в Южной Америке. Его преемник, нефтепромышленник Альбино Бутикки, при попытке покончить с собой на собственной вилле в Лигурии, выстрелил себе в голову из пистолета, остался жив, но ослеп. Затем бразды правления перешли к Феличе Коломбо, которого обвинили в махинациях с тотализатором, и «Милан» пережил унижение дисквалификации и перевода в серию В. И, наконец, появился Джусси Фарина, хаотическое руководство которого неизбежно вело к полному банкротству. Этот сбежал в Кению.

Судьба могла столкнуть Берлускони с «Миланом» еще раньше, задолго до 17 декабря 1985 года, когда ровно в 13.00 было опубликовано следующее сообщение: «Концерн «Фининвест», президентом которого является Сильвио Берлускони, объявляет о своей готовности рассмотреть возможность участия капитала в А.К. «Милан». Это стало возможным благодаря намерению

нынешнего президента компании Джузеппе Фарина уйти с занимаемого поста». А 9 февраля 1986 года с трибун стадиона «Сан-Сиро» был спущен лозунг «Сильвио, чемпионат — это ты!» И пока Паоло Берлускони смотрел футбол на вилле Санкт-Мориц, той самой, на которой в 70-е годы проживал со своим окружением иранский шах Реза Пехлеви, состоялось заседание, в котором приняли участие его соратники Адриано Галлиани и Феделе Конфалоньери. «Давайте сделаем свою команду!» — якобы предложил Берлускони. А Конфалоньери с иронической улыбкой, якобы, взмолился: «Сильвио, я доживаю последние дни. Не заставляй меня мучиться каждое воскресенье!»

24 марта 1986 года в театре Мандзони на генеральной ассамблее собрались 148 акционеров и избрали Сильвио Берлускони своим президентом. Вице-президентом и директором-распорядителем был избран Паоло Берлускони, советниками Феделе Конфалоньери и Марчелло Делл'Утри; адвокатом стал Витторио Дотти (по слухам он питал слабость к «Интеру»). В Совет вошли также журналисты Чезаре Кадео и Джиджи Везинья, издатель Леонардо Мондадори Форментон, Карло Бернаскони, игравший в то время ведущую роль в «Берлускони Коммюникейшн К°», и Серджо Травалья, президент многонациональной компании по производству моющих средств. Это собрание знаменовало собой начало берлускониевского красно-черного взлета, того самого, что втянет в колею «Дьявола» и таких игроков, как Марко ван Бастен и Андрей Шевченко.

Берлускони приписывают следующий комментарий по поводу тех событий: «Дьявол» был бедолага, его растащили на куски». Двадцать миллиардов затрат на приобретение клуба и столько же на пополнение футбольных резервов, но сначала надо было внести 3 миллиарда 800 миллионов лир просроченных налогов на доходы физических лиц, что являлось обязательным условием освобождения из-под секвестра магистратуры собственных акций. 18 июля десятитысячная толпа на «Арене», благословляла тех, кто купил паи клуба: Роберто Бенетти (2 миллиарда лир), Роберто Донадони (5), Джузеппе Галдеризи (4), Джованни Галли (5 миллиардов 200

миллионов), Даниэле Массаро (3 миллиарда 300 миллионов). «Спасибо, Сильвио!» — было написано на огромном (20×20 метров) полотнище от «Тигров». Как ураган пронеслась кампания по продаже абонементов, которая проходила под лозунгом: «Подари себе новое воскресенье с синевой неба, зеленью лугов и черно-красным «Миланом». А Индро Монтанелли¹ с обычным пылом и присущей ему долей иронии писал: «Красно-черные тифози ликуют. Они уверены, что Берлускони вмиг превратит «Милан» в чемпиона страны, обладателя Кубка чемпионов, в общем, — всего. Может быть, они и правы. Но есть тут одна опасность: вдруг неопрезидент захочет стать тренером, массажистом, капитаном или центральным нападающим? Вообще-то, все могло бы и сойти, но только при условии, что он станет и судьей». Конечно, чувствовалось, что появляется что-то новое. И тут началась перестройка. Берлускони сразу же уволил тренера, «барона» Нильса Лидхольма, пребывавшего на тренерской скамье с 20 февраля 1986 года, раскритиковав его за схему игры еще и потому, что в первых трех встречах команда успела проиграть на своем поле «Асколи», затем «Вероне», обыграв лишь «Аталанту» на «Сан-Сиро». И вот президент начал охоту на начинающего тренера, который хотя и не имел славного игрового прошлого, но чем-то привлекал Берлускони. Может тем, что как-то по-своему подходил к футболу и использовал «зону» для усиленной игры на высоких скоростях, пользовался прессингом и применял искусственный офсайд, возможно, как никто другой. Берлускони вызвал из Пармы Арриго Сакки, «мистера Фузиньяно», который, успев поработать в юношеских командах «Чезены» и «Фиорентины», тренировал «Римини». При каждой возможности Берлускони давал понять Сакки, как ему видится идеальная команды. Естественно, тренер имел полное право выбора, но президент всегда мог вставить свое лыко в строку.

¹ Индро Монтанелли — известный итальянский историк и писатель, ярый болельщик «Флорентины». Недавно он ушел из жизни.

И уже в 1988 году был выигран чемпионат страны. Тифози и Берлускони находились в состоянии эйфории, когда в незабываемую майскую ночь 1989 года в Барселоне «Милан» со счетом 4:0 разгромил «Стяуа» из Бухареста в финале Кубка чемпионов в присутствии 80 тысяч зрителей. А 17 декабря того же года на токийском Олимпийском стадионе «Милан» обыграл колумбийский «Насьональ» и завоевал Межконтинентальный кубок.

Для «Милана» начался просто сказочный период. И было бы исторически неверно не признать, что не один Берлускони стал его созидателем, но все же, это благодаря его размаху и динамизму в сочетании со зрелищностью, популярностью, настроем болельщиков на небосклоне футбольного бизнеса стали появляться и другие тяжеловесы, такие как Массимо Моратти («Интер»), Серджио Краньотти («Лацио»), Франко Сенци («Рома»). Многие признают за Берлускони способности придавать команде вес и популярность, особое чутье при выборе руководства и умение спаять коллектив. Совместно с Сакки в качестве режиссера он получил все, что можно было выиграть: скудетто чемпионата страны, два Кубка чемпионов, два Межконтинентальных и два европейских Суперкубка. Программирование заменило импровизацию, методика пронзила эмпиризм, научная организация футбола стала просто хлебом насущным. Началась самая настоящая революция в тактической, психологической и атлетической подготовках, тренировки стали до того насыщены, что пришлось ввести дополнительные штатные тренерские должности.

Многие со всем этим соглашались, но немало было и противников: «Так погибает футбол», «Футбол превращают в регби и ловлю тунца». Приводили в пример шоуменов, которые в погоне за эффектами плохо кончали из-за приевшихся стандартов и т.п. Сторонников и противников Сакки приобретал себе как раз благодаря отношениям с Берлускони, который во многих случаях, похоже, перебарщивал в субъективности. Но, возможно, с его стороны это был способ самоутверждения провинциала, неожиданно поднявшегося чуть выше

уровня СМИ. В 1991 году Берлускони решил резко изменить «Милан» и назначил главным тренером Фабио Капелло. Он снова позовет к себе Сакки, уже побывавшего старшим тренером сборной, в декабре 1996 года, но его возвращение не принесет новых «чудес», а «Милан» довольствуется лишь 11-м местом. Так что «мистер Фузиньяно» в сезоне-1998/99 перейдет в мадридский «Атлетико» на фараоновских условиях и через четыре месяца в обстановке совершеннейшего беспорядка подаст в отставку и станет телекомментатором, часто не согласным с официальной линией, зачастую достаточно непочтительным, но всегда готовым защищать собственное мнение до конца.

Уважение, которое питал Берлускони к Капелло было полностью заслуженным и обоюдным. Унаследовав от Сакки полностью обессиленный «Милан», Капелло должен был прежде всего стабилизировать команду в психологическом плане и постепенно освободить ее от некоторых навязчивых идей типа боязни прессинга или офсайда. Капелло-менеджер, который восхищался Сакки, со временем обрел собственный тренерский стиль и выработал свой почерк. Он был рожден возмутителем и не очень-то любовался финтами, обводками, владением мячом, а полагался на боевой настрой и определенность, единственное условие результативной игры. А результаты появились. И впечатляющие: четыре скудетто чемпионата страны, причем три подряд, чего никогда не случалось в истории команды, 58 игр без единого поражения, три Суперкубка Италии, Кубок чемпионов с сухим разгромом в финале «Барселоны» — 4:0, европейский Суперкубок. Удовлетворенный тем, что завоевал, все, что можно было, Капелло перешел в мадридский «Реал» и занял первое место в испанской Лиге. После печального опыта с уругвайцем Оскаром Вашингтоном Табаресем (первые 11 туров сезона-1996/97) и, того хуже, с возвращением Арриго Сакки (с 12-го тура), когда вдруг Берлускони решил вновь доверить ему команду, а знаменитый фриулиец занял в чемпионате-1997/98 только 10-е место. Капелло и в голову не приходило, что такие игроки, как Франко Барези уже почти сходят со сцены и что старая мощная защитная стена нуждается в перестройке. Можно было бы привести

немало соображений и предположений о том, почему «Милан» во время второго пришествия Капелло не пошел выше, но перебравшись в столицу, он выиграл скудетто уже на второй год пребывания в желто-красной «Роме». А поскольку Сильвио Берлускони уже целиком ушел в политику, клубом занялись Адриано Галлиани и Ариедо Брайда. (Адриано оставил все дела и целиком посвятил себя «Милану»). И, как известно, с Альберто Дзаккерони в первый же год был выигран скудетто, точно так же, как и при Сакки и Капелло.

Берлускони, постоянно занятый политикой, все-таки находил время следить за «Миланом» по телевидению, но все реже появлялся на «Сан-Сиро». В сезоне-1999/00 он с трудом перенес тот факт, что его команда уже в первом групповом раунде выбыла из Лиги чемпионов. А как «Милан» опозорился с «Галатасараем»! Нечего сказать, в том сезоне турки были сильны и выиграли Кубок УЕФА, но надо помнить и то, что вылет из важнейшего европейского турнира означал не только потерю престижа, но и потерю по меньшей мере 50 миллиардов лир, которые бы очень не помешали для новых приобретений. Уже в марте 2000 года стали поговаривать о разрыве. А то что это были не пустые слухи, подтверждали, вроде бы, и слова самого президента: «Тренер должен своевременно делать замены». Но в интервью, получившем широкий отклик на страницах еженедельника «Штрафной удар», он развеял всяческие сомнения на этот счет. «Мне вспоминается, — писал он, — один человек из времен моей юности. Звали его Лиццола. Он был отличным портным и так говорил о материале: — Смотри, в какие руки отдаешь. Тренер нужен для сплоченности команды, для выработки у игроков воли к победе... Мастерство тренера состоит в способности «вычислить» игру и на ходу внести нужные изменения».

Это было все равно, что сказать: «Милан» сама по себе хорошая команда, но кто ее тренирует... Дзак не ответил. «Во всяком случае, это один из тех людей, которому, благодаря спокойствию, удалось изменить микроклимат в «Милане» после двух нелегких сезонов. Он великий тренер. Но все тренеры, особенно миланские, подвергаются сильнейшему давлению», — сказал Леонардо. «Я просто футболист и должен думать о том, как сыграть лучше. И

мне кажется нормальным, что президент говорит о тренере, даже если возникает полемика. Она может создать напряжение, но может и привести к позитивной дискуссии. Только низость приносит вред», — говорит Деметрио Альбертини. «Если мы проиграли дерби «Интеру», то не тренер виноват», — просто сказал Шевченко. Берлускони пояснил, что толкования его высказываний зашли дальше того, что он хотел сказать в рамках общего выступления, но суть, то есть то, что у него и тренера разные точки зрения на футбол, осталась. И он добавил, что чувствовал какую-то тоску из-за того, что уже не имеет возможности лично заниматься некоторыми вещами. И это можно было понять из следующих его слов: «Когда я мог вблизи наблюдать игру «Милана», политика, конечно же, тоже просвечивалась... Однако я взял на себя определенные обязательства, которые можно синтезировать в лозунг: нужно быть сильнее судьбы, сильнее зависти, сильнее несправедливости». Даже предсказуемые стычки не меняли положения дел.

Летом 2000 года итальянцы позволили Берлускони повлиять на увольнение с поста главного тренера сборной Дино Дзоффа, по мнению Берлускони виновного в том, что он недостаточно плотно персонально опекал Зинедина Зидана в проигранном Франции финале чемпионата Европы. Старший тренер подал в отставку. Президент «Милана» уточнил свою точку зрения, заметив, что высказывался как простой итальянец и ярый поклонник сборной. Но эта выходка в отношении Дзоффа соответствовала его образу мыслей, согласно которому сборная Италии, допустив ошибки в опеке Зидана, потеряла уникальную возможность сохранить собственный имидж перед лицом всего мира. Тем же летом Берлускони был весьма обескуражен крупным проигрышем в игре с мадридским «Реалом», когда тот на футбольной «Ла Скала» в пух и прах разнес красно-черных со счетом 5:1 в товарищеской встрече 1 августа. Дзак оправдывался тем, что он экспериментировал с резервами. Президент ответил, что товарищеская встреча или официальная, а честь команды надо защищать. Потом были две прекрасные победы в играх против «Динамо» (Загреб), которые пролили бальзам на душу Берлускони,

сведя на нет свежее предсказание Дзака. Утром 28 августа, за 24 часа до начала первой встречи тренер сказал одному из служащих Миланелло: «А знаешь, ведь если мы проиграем, меня отправят домой». Президент был в бодром настроении: «Альберто и его сотрудники умеют работать спокойно. Дзаккерони мне очень симпатичен. И я люблю его за то, что он порядочный человек». Но когда Берлускони спросили, кого он видит на этом месте в случае отставки, он ответил: «Мне кажется, что Дзаккерони и не думает подавать в отставку».

Вопрос снят? Да нет, только отложен. Дзак и президент время от времени продолжали общаться по телефону, но это были достаточно прохладные разговоры, как говорится, по случаю. Последний разговор состоялся утром 23 декабря по инициативе Дзака, который хотел поздравить президента с Рождеством. Это произошло до поражения в игре с «Перуджей» и ничьей с «Интером», которой «Милан» добился в самой концовке благодаря блестящему голу Бирхоффа. «Они думали об отдыхе», — сказал по поводу первой встречи Галлиани, а насчет второй — «дилетантские ошибки». Это — по поводу мяча забитого со штрафного, в то время, когда Кристиан Аббьяти вместо того, что бы устанавливать «стенку», отправился собирать кидаемые болельщиками апельсины. Речь шла о двух играх, которые по мнению специалистов уже сами по себе могли все изменить. Действительно, за несколько недель до этого на совещании в Аркоре Галлиани и Брайда защищали тренера, подчеркивая многие положительные моменты в его деятельности и настаивали на кредите доверия. А то, что Дзак остался доволен их выступлением, стало ясно, когда расслабившийся и безмятежный, он появился рядом с вице-президентом «Милана» на празднике руководящего состава «Медиасет» в Толчинаско, во время которого ему представили синьору Розу, мать президента, и Марину, первенца, которая вместе с Феделе Конфалоньери и с тех пор, как отец целиком ушел в политику, держала в руках все ключи от сейфа концерна и практически финансировала «Милан».

Эти последние игры вернули общую обстановку в прежнее русло, но одновременно и осложнили ее. Во всяком случае, все еще оставался открытым вопрос о хорошей игре и о схеме игры.

Все знали, что схема 3-4-3 не нравилась президенту. Однако, Дзак повторял, что будет продолжать пользоваться ей, пока не найдет схемы с большими гарантиями успеха. Короче говоря, президент и тренер были едины во мнении возродить команду, но не могли договориться о способах и манере игры. Периодически возникала мысль, что разногласия в вопросах интерпретации игры происходили совсем по другим причинам: лидер, сторонник решительных действий с трудом переваривал римлянина, сторонника мирных инициатив. И наоборот. Рассказывают, что после победы на административных выборах, один высокопоставленный миланский деятель пригласил к себе Дзаккерони и предложил ему передать поздравления президенту. «Как могу я это сделать, если мы в разных партиях?» — будто бы ответил Дзак. Но известно, что футбол не принимает во внимание даже политику. Значение имеют только профессионализм и результаты. Ходил слух, что уже после первых матчей чемпионата-2000/01 большой патрон пригласил к себе друга и доверенное лицо Галлиани и сказал: «Если хочешь, чтобы я тебе помог с «Миланом», освободись от «мистера». Поначалу директор-распорядитель не знал, что и делать, но в ноябре вроде бы решился переговорить с Фатихом Теримом, чем привел в ярость президента «Флорентины» Витторио Чекки Гори, чьи переговоры с ним же оказались на мели. Несколько матчей, как, например, поражение «Ромы», которая возглавляла турнирную таблицу, казалось, вдохнули в свежую струю кислорода. Переход в тот вечер на игру в четыре защитника был воплощением старой идеи Берлускони. Правда, что применение этой схемы оказалось зрелищным и результативным. Верно также, что многие игроки уже думали о ее применении, но не менее верно и то, что Дзак долго это обсуждал и обдумывал, варьировал тактическую расстановку сил на основе играющего состава и характера команды противника, на основе календаря. А то, что тренер

был открыт многим решениям, подтверждал и Шевченко. К тому же, чемпионат страны не просто выиграть в первый же сезон, а третье место во второй без высокой сплоченности команды. Достаточно было провести небольшой опрос среди болельщиков, чтобы убедиться, насколько они любили Дзака. А поскольку Берлускони, как известно, очень верил в подобные опросы, было понятно, что Дзаку пока что «не воздали по заслугам» именно благодаря болельщикам, которых президент просто-напросто возводил в культ. 14 января 2001 года Адриано Галлиани был гостем вечерней телепередачи «Спортивное воскресенье» и высказал о тренере мысль, которая могла дать повод для многих предположений. «В дальнейшем мы будем заключать контракты только сроком на год. Останутся исключительно победители». А о Берлускони он сказал: «У президента другие обязанности, и он больше не смотрит наши матчи. Речь идет о более важных вещах, он слишком занят, но лично мне его очень не хватает, ведь наши отношения начались задолго до его политических дел».

Несколько дней спустя, в ходе продолжительной встречи с журналистами сам Берлускони подтвердил свои разногласия с тренером. «Я не разделяю его выбора. Я не согласен с его схемой, но с уважением отношусь к роли, которую он играет. Дзаккерони с игроками всегда работал в спокойной обстановке. Если бы я чаще присутствовал при работе, то бы мог вмешиваться и изменять технические установки, но я воздержался. Раньше я каждый день находился в контакте с «Миланом», разговаривал с Сакки, Капелло, но сегодня из-за моей занятости в политике это невозможно... Одно время я даже подумывал оставить президентство, но из-за привязанности к «Милану» не смог. Но... не стал больше ходить на матчи. Миланские тифози должны знать, что ответственность за выбор целиком ложится на настоящее руководство и тренера. Галлиани я полностью доверяю. Он выбрал тренера и поделил с ним ответственность за тактику. И никто не может его упрекнуть в экономии на капиталовложениях».

Но совсем рядом с Берлускони обязательно был кто-нибудь, вроде Луиджи Креспи, ответственного редактора «Датамедиа» любимого журнала президента. Он не уставал повторять: «Дотторе, внимание «Милан», его шесть миллионов болельщиков — ваши резервы!» «Дьявол», пояснял Креспи, — это олицетворение достоинств новатора Берлускони. Во всем мире он известен больше из-за футбола, чем из-за «Медиасет», и миланские тифози голосуют за Берлускони намного охотнее, если «Милан» выигрывает и дает спектакль. Политические успехи могут быть тесно связаны с футболом. У меня уже есть положительные примеры на этот счет».

Прекрасная победа над лидирующей «Ромой» (3:2), в ворота которой Шевченко забил два великолепных гола, возродила в команде силы и моральный дух. «Рим повержен», «Гол Леонардо и два Шевченко», «Триумф Берлускони, который постоянно требует от Дзак игры в четыре защитника» — подобными заголовками вышел «Иль Джорнале». И это была неопровержимая истина, подтвержденная хроникой. На сей раз Дзак применил схему, при одном напоминании о которой глаза президента сияли. Однако и на сей раз в их отношениях победа над «Ромой» означала лишь перемирие, точнее, краткую его иллюзию. Сезон продолжался с переменным успехом. Поражения сменялись унылыми ничьими и редкими победами. На своем поле «Милан» сыграл вничью (1:1) с «Пари Сен-Жермен», что позволило ему, единственному из итальянских команд продолжить борьбу в Лиге чемпионов. Но в историческом финале Лиги на «Сан-Сиро» «Милана» уже не будет («Интер», кстати, выбыл из турнира еще в августе, потерпев поражение от весьма скромной команды из Хельсингборга). А тем временем Дзак получил 0:3 от «Ювентуса» и смена главного тренера стала не предположением, а делом решенным.

Как жил Шевченко в это напряженное время, полное волнений и переживаний? Очень просто: участвуя в играх и подчиняясь указаниям Дзак, даже особенно не переживая в те моменты, когда тренер, следуя логике игры, заменял его. Но одновременно следил за прогнозами тех, кто в первый год его

итальянской карьеры лучшего бомбардира уже прочил его в кандидаты на получение «Золотого мяча». Сам Джордж Веа, с горечью отправляясь из «Милана» в «Челси» и, несмотря на то, что именно появление Андрея существенно поколебало его популярность, уже в январе 2000 назвал украинского игрока своим прямым наследником, пожелав ему, по крайней мере, раз в жизни завоевать желанный всеми трофей, учрежденный в 1956 году журналом «Франс футбол» для лучшего европейского футболиста. Кроме Джанни Ривера, премированного в 1969 году (в 1963 он был вторым), из красно-черных на почетнейший пьедестал ранее поднимались: в 1987 году Рууд Гуллит (1-е место); в 1988-м Марко ван Бастен (1-е место), тот же Гуллит (2-е место) и Франк Райкаард (3-е место); в 1989-м — Марко ван Бастен (1-е место), Франко Барези (2-е место), Франк Райкаард (3-е место); в 1992-м — ван Бастен (1-е место); в 1994-м — Паоло Мальдини (3-е место); в 1995-м — Жорж Веа (1-е место). По классификации 1999 года на первом месте с 219 очками оказался Ривалдо, на втором Бэкхем (164), а на третьем Шевченко (64), за которым шли Батистута (48), Фигу (38), Кин (36) и Вьери (33). То есть украинский футболист занимал прекрасное место. Не стоит забывать, что в чемпионате-1998/99 Шевченко еще выступал за киевское «Динамо» (11 забитых мячей в Лиге чемпионов и, «если бы он был французом, — говорил Резо Чохонелидзе, переводчик и верный друг, — то стал бы победителем») и потому у него не было еще той перспективы, что открывал «Милан». Среди 50 кандидатов на звание лучшего игрока Европы 2000 года значились 6 итальянцев: Тотти, Мальдини, Неста, играющий за «Монако» Симоне, Тольдо и Филиппо Индзаги, но самыми котируемыми на титул считались Зидан, Шевченко и Батистута.

Роберто Беккантини («Стампа») и Серджо Ди Чезаре («Гадзетта делло Спорт») судят со стороны Италии. Критерии отбора обычные, хотя и допускается определенная гибкость: стабильность, личные и коллективные достижения в течение года, сочетание таланта, индивидуальных данных и карьерных амбиций. Сравнение результатов участия во всемирных, европейских и национальных выступлениях. Поскольку ни киевское «Динамо»,

ни сборная Украины ничего не выиграли в международных турнирах, для некоторых наблюдателей Шевченко не был игроком сегодняшнего дня, скорее, — завтрашнего. И именно перспективность форварда оправдывала крупную покупку «Милана». Но чтобы понять, насколько высоки уже тогда были его котировки, достаточно вспомнить опрос специалистов на предмет скорого присвоения «Золотого мяча». Победу одержал Шевченко (182 очка). За ним шли Батистута (148), Зидан (143), Фигу (65), Тотти (52), Неста (35), Мальдини (16)... А на первое место Шевченко поставил самый настоящий цвет футбольного мира, бывшие игроки, тренеры, комментаторы, журналисты, имена которых стоит здесь привести хотя бы из-за их авторитетности: Сальваторе Баньи, Франко Барези, Оттавио Бьянки, Адальберто Бортолотти, Джорджо Киналья, Итало Куччи, Винченцо Д'Амико, Франческо Гвидолин, Чезаре Мальдини, Джампаоло Ормедзано, Джанкарло Падован, Джанни Ривера, Альдо Серена, Луизито Суарес, Альберто Дзаккерони, Дино Дзофф... За второе место высказались Карло Анчелотти, Валентин Анджелилло, Джакомо Булгарелли, Франко Коломба, Риккардо Куччи, Джанкарло Де Систи, Ксавьер Якобелли, Марчелло Липпи, Альберто Малезани, Массимо Мауро, Марио Скончерти, Ренцо Уливьери, Пьетро Верховод, за третье Альдо Агроппи, Клаудио Арригони, Джузеппе Бергоми, Бруно Конти, Массимо Де Лука, Джачинто Факкетти, Джованни Галли, Нильс Лидхольм, Джиджи Рива, Рино Томмази, Джорджо Тозатти, Адзелио Вичини.

Каждое из этих имен уже само по себе было красноречивей любой рекомендации. Ежемесячник «Форца Милан» тоже провел свою анкету, и это напоминало хор во славу Шевы. «На первом месте, конечно же, украинец. За него говорят набранные очки. Титул лучшего бомбардира, завоеванный с первого удара, имеет неоценимое значение. Не будем забывать и о голах, забитых в играх национального чемпионата и на кубок. Если принять во внимание его возраст, то особенно впечатляет его самоотдача...», — сказал Сандро Пиччинини, руководитель программы «Контрокампо» и комментатор «Медиасет». «Украинец забивает с поразительной регулярностью, и в Европе

он это делает не хуже, чем у себя дома. Хотя Рауль и выиграл два Кубка чемпионов за последние годы и относится к тем, кто не уходит с поля без гола, я все-таки отдаю предпочтение Шевченко», — сказал Альберто Коста из «Коррьере делла Сера». «По-моему, в настоящее время Шевченко — лучший игрок в мире. Шеву можно бы было сравнить с Роналдо в его лучшие дни, и сравнение это, опять же, будет в пользу Шевченко, обладающего рядом лучших характеристик» — это слова одного из ведущих итальянских обозревателей Маурицио Моска. «Единственным тормозом для Шевченко можно считать скудость командных достижений, в частности, в составе сборной, и тот факт, что в предварительном раунде Кубка чемпионов не засчитали два гола Андрея, которые я считаю просто великолепными...», — говорит Франко Ордине из «Джорнале». Андреа Мазала из миланской «Ла Гадзетта делло Спорт»: «Справедливым признанием заслуг Шевченко было бы присвоение ему «Золотого мяча»... Единственное, что говорит против форварда, это критерии жюри, имеющего тенденцию отдавать предпочтение футболистам, выигравшим что-либо значимое в составе своей команды, а не оценивать игроков как таковых...» Фурио Феделе из римской «Коррьере делло Спорт»: «Если бы это зависело от меня, то никаких сомнений в победе Шевы не было бы. И я говорю не только о 2000 годе, но о последних трех сезонах, в которых средняя результативность Андрея составляет один гол за матч. Извините, если этого мало». А вот мнение Джанни Виснади из туринской «Туттоспорт»: «Думаю, что в этом году Шевченко заслуживает победы как никто другой, потому что он исключительный игрок и, в среднем, забивает гол за игру и в чемпионате Италии, и в Лиге чемпионов...» В «Милане», естественно, абсолютное единодушие. Деметрио Альбертини: «Никто до Шевченко так легко, всего за год, не приживался в Италии. Даже такие мастера, как Батистута и ван Бастен. Если он играет в свободной манере, он становится непобедимым. Вы его не знаете. Это скромный парень, верящий в дружбу, настоящий человек. И в тех редких случаях, когда Андрей не забивает, он очень переживает».

А что обо всем этом думал сам герой? И впрямь надеялся победить в споре за звание лучшего футболиста Европы? «Нет, — продолжает Альбертини. — Он знает, что играет на том же уровне, что и еще трое или четверо футболистов, и прекрасно понимает, что на итоговую расстановку влияют командные победы. И если в этом году ему не удастся победить, то мы, его товарищи по команде, сделаем это вместе с «Миланом» все возможное, что бы получить желанный трофей через год». На самом деле, Шева в числе трех-четырех других футболистов составил конкуренцию тогдашнему полузащитнику «Ювентуса» Зинедину Зидану («Если бы это было возможно, я проголосовал бы за него»), который из-за своего секундного срыва в одном из матчей Лиги чемпионов боднул противника головой, что не ускользнуло от ока телекамер Евровидения, и потерял столь необходимые баллы. «Золотой мяч»-2000 получил Луиш Фигу, ас «Барселоны», перешедший впоследствии в мадридский «Реал» за рекордную трансферную сумму в 170 миллиардов лир. «Я присудил бы премию украинцу, на второе место поставил бы Ривалдо, а Фигу только на третье. Шевченко — настоящий феномен», — сказал Дино Дзофф. Однако уже перелистывалась очередная страница истории. И нет почти никого, кто не признавал бы за Шевченко роли звезды на мировом футбольном небосклоне. И нет ни одного тренера, который бы не отмечал его данных и характерных особенностей. Он продолжает возбуждать желания и разжигать аппетиты. На него стал заглядываться даже «Реал», но Андрей и ухом не ведет, продолжая сохранять верность «Милану». «Я хочу остаться здесь, потому что здесь я вижу свое будущее...» Это, уже энное, его объяснение в любви «Милану», хотя тому и пришлось расстаться с тренером-джентльменом, с которым у Андрея завязалось столь интересное и плодотворное сотрудничество.

С «МИЛАНОМ» В СЕРДЦЕ

Пенальти, который Шевченко впечатляющим ударом превратил в гол, для победы оказалось явно недостаточно. Как не хватило и гордости, продемонстрированной Себастьяно Росси и Билли Костакуртой и мужества, с которым капитан Паоло Мальдини, лучший на поле, боролся с соперниками все полтора часа. И даже переживаний семидесяти тысяч болельщиков на трибунах «Сан-Сиро» и миллионов телезрителей явно было недостаточно. Шотландский арбитр Хью Даллас подарил столь необходимую испанцам из Ла-Коруньи ничью, сначала назначив необоснованный пенальти в ворота "Милана", а за минуту до того аннулировав гол Оливера Бирхоффа. Матч явно не оправдал ожиданий миланцев, а пенальти заработанный Сержинью и хладнокровно реализованный Шевченко, явно запоздал и оказался бесполезным. В четыре оставшиеся минуты игра шла, что называется, на зубах, но хозяева так и не смогли спасти положения. Ничья — 1:1, прощай, финал 23 мая, который состоится как раз на «Сан-Сиро»! Прощай, Европа! Это случилось вечером 13 марта 2001 года.

Сильвио Берлускони был на трибуне. Он не приходил сюда с 18 октября 2000 года, когда встреча между «Миланом» и «Барселоной» окончилась вничью — 3:3. Из чувства уважения тифози убрали лозунги, обвинявшие Сильвио в недостаточных затратах на обновление команды. Фотокорреспонденты держали его под вспышками своих аппаратов. За весь первый тайм ни один мускул не дрогнул на его лице. «Верю ли я в победу? Не знаю, но мне кажется, что ребята выкладываются полностью», — сказал он в перерыве. Но под конец игры он о чем-то долго вполголоса переговаривался с Адриано Галлиани, а последние минуты завершились явной филиппикой, о чем говорили и его лицо и непрерывно движущиеся руки. «Я еще займусь «Миланом», — сказал он. — Команда играла с душой. В конце люди даже аплодировали. Значит оценили... Я несколько устранился от дел, потому что в последние два года мне не по душе некоторые тактические приемы... У нас

часто рассуждают о президентах, которые вмешиваются в дела команды, навязывают собственную точку зрения. Я, полагаю, не подавлял самостоятельности ни членов правления, ни тренера и, надеюсь, это оценили. Я, как и все тифози, страдал молча. К сожалению, многое из того, о чем я говорил, оказалось справедливым, но руководство и технический персонал, похоже, чувствовали постоянную поддержку печати и болельщиков. Даже когда накалились страсти, я не сделал никакого заявления. Но теперь настал пора что-то предпринимать. Когда эта команда выходила победительницей, это было чьей-то заслугой, а когда она проигрывает, виноват клуб. Подобные соображения не выдерживают никакой критики».

Очень жесткие слова. Каждое, как удар хлыстом, подразумевающее прямое увольнение тренера Альберто Дзаккерони, несмотря на то, что на прямой вопрос о переменах на тренерской скамейке президент отвечал: «Пока что не время это решать». Дзакка не то чтобы очень удивляли подобные высказывания: «Все это тянется уже три года. Не думаю, чтобы нашелся хоть один тренер, идеально ладящий со своим президентом. Просто, есть люди, такие как Берлускони, которые открыто высказывают свое несогласие, а есть такие, кто предпочитает молчать. Вот и вся разница». Дзаккерони не захотел высказываться в пользу кампании по приобретению новых игроков. Ограничился только следующим: «Если тебе не помогают в формировании команды, ты не всегда можешь уйти и не всегда можешь сказать «купите мне Фигу или Ривалдо». Я постоянно утверждал, что имеющаяся в моем распоряжении группа игроков может противостоять кому угодно, но только в том случае, если все они здоровы и готовы выйти на поле. Но обычно серьезные команды имеют и классных запасных на случай кратковременного отсутствия трех или четырех ключевых игроков. Если же испытывать кадровые проблемы, да, тому же три или четыре месяца, то тут уж никто не гарантирован от поражений...» А что он думал об отставке? «Не вижу причины, — говорит Дзак. — Я знаю, что в воскресенье во время встречи «Милана» с «Бари» буду

сидеть на своей скамейке, но если кому-то кажется, что можно предпринять что-то получше, надо принимать другие решения».

14 марта 2001 года, в среду, в 9.15 Адриано Галлиани попросил к телефону Альберто Дзаккерони: «У меня для вас плохая новость...» А ведь в декабре тренер и его «Милан» начали котироваться в Европе, доведя беспроблемную серию до восьми матчей (три победы и пять ничьих после 0:1 в Лидсе), чего не удавалось добиться с сезона-1992/93, когда серия равнялась десяти матчам и была прервана поражением от марсельского «Олимпика» (0:1). С Рождества «Милан» не мог пожаловаться ни на невезение, ни на вставших с левой ноги арбитров. Можно было с горечью вспоминать, что уже в самом начале матча против «Галатасарая» в групповом турнире Лиги чемпионов на «Сан-Сиро» Жардел и Хассан забили два мяча. Но команда все-таки сравняла счет благодаря Хосе Мари и безукоризненно пробитому Шевченко пенальти (кое-кто даже называл его «каратель турков» после хет-трика в игре с «Бешикташем»), сожалея о штанге, перекладине и массе упущенных возможностей. А как было не вспомнить ничью во Франции против «Пари Сен-Жермен»? Именно Шевченко с его олимпийским спокойствием и ангельской невозмутимостью в тот раз вышел из себя: «Милан» должен был выиграть. Судья вел себя, будто нарушений вовсе не было, и часто останавливал игру из-за офсайдов, которых тоже не было!» В общем, «Милан», играя против всех и вопреки всему, что мешало идти вперед, в конце концов, стал спотыкаться, вплоть до печального вылета из Лиги чемпионов.

Увольнение Дзаккерони было делом решенным, но авторитетные авторы передовиц, которым нечего было делить с политиками, хотя и признавали за Берлускони неоспоримые и многолетние заслуги в создании победоносного «Милана», не одобряли подобного исхода, когда президент предстал перед всеми в качестве разгневанного божества, которое долгое время держалось в стороне от событий, а потом вдруг решилось вмешаться, размахивая своим Евангелием. «Должен все-таки быть какой-то стиль, должны быть хоть какая-то терпимость или хоть намек на угрызания совести, чтобы поражение выглядело

достойно. Вчера вечером, дорогой дотторе Сильвио, мы нисколько этого не заметили», — писал по горячим следам событий Кандидо Каннаво, главный редактор «Гадзетты делло спорт», остановившись также и на поражении итальянских клубов, которым так и не удалось продолжить борьбу ни в Лиге чемпионов, ни в Кубке УЕФА, и призывая всех посмотретья в зеркало и «немного поразмышлять о ваших доходах, высокомерии и этом коллективном устранении». А Джорджо Тозатти, между прочим великолепный обозреватель из «Коррьере делла Сера», тщательно анализировал тот факт, что Альберто Дзаккерони, «которого давненько недолюбливал хозяин и практически ликвидировал всего несколько месяцев назад», хотя где-то и виноват, но, конечно же, не единственный виновный и не заслуживает «ни преждевременного увольнения, ни столь яростных и неблагородных нападков», хотя бы потому что он выиграл национальный чемпионат с «Миланом», стоявшим ниже «Лацио» и потому, что постоянно находился в «тяжелейших условиях для работы», «из-за целого ряда неприятностей, резко уменьшивших штатный состав» и «из-за довольно низкого уровня самого этого состава». Тозатти признавал, что Берлускони разбирается в футболе, как никто другой, но добавлял, что даже он обычно, «не признавая пределов в ценах и ангажементах», сторонник «респектабельности и взаимоуважения в более осмотрительной и сдержанной стратегии капиталовложений», мог бы принести и побольше пользы «Милану», в котором Шевченко стал единственным крупным приобретением за последние два сезона, если бы президент НОК Италии позволил ему кое-что изменить. А между тем известные люди, вроде Лучиа Гранелло на страницах «Ла Репубблика», продолжали вспоминать три года совместной работы. Роберто Беккантини («Ла Stampa») тоже пытался представить, по какому пути бы пойти миланская революция и заключал: «Европа ошеломленно смотрит на нас. Пять знаменитых клубов уволили тренера. Вот единственный наш «рекорд». Этих пятерых звали Марчелло Липпи (его уволили из «Интера» 3 октября 2000 года после поражения от «Реджины» (1:2) и заменили на Марко Тарделли), Зденек Земан (уволен из

«Наполи» 13 ноября 2000 года после ничьей с «Перуджей» (1:1) и заменен на Эмилиано Мондонико), Свен-Ёран Эрикссон (уволен из «Лацио» 8 января 2001 года после матча римлян с «Наполи» (0:2), заменен на Дино Дзоффа), Альберто Малезани (уволен из «Пармы» в тот же день после поражения от «Реджины» (0:2) и заменен на Арриго Сакки, который 1 марта откажется от работы из-за стрессовых перегрузок и его заменит Ренцо Уливьери), Фатих Терим (уволится из «Фиорентины» 26 февраля 2001 года из-за серьезных разногласий с президентом Витторио Чекки Гори, и был заменен на Роберто Манчини).

Многие говорили, что Адриано Галлиани мог бы продержаться с Дзаккерони по крайней мере до июня, но «после слов президента, с которым у меня всегда были великолепные «нержавеющие» отношения, продолжать работу было невозможно». И тренер не только не полемизировал на эту тему, но и подтвердил отличные отношения с вице-президентом, который вел себя «просто блестяще». Он вспомнил о победе в чемпионате страны, который они выиграли вместе и об уверенности в дальнейшей работе до срока истечения контракта. Дзак снова подчеркнул, что удостоился чести быть тренером великого «Милана» и работать с игроками, с которыми провел три по-настоящему великолепных года. Потом он поехал в Миланелло, забрать свои вещи и лично попрощаться с ребятами. Он жестом поприветствовал болельщиков, с которыми его связывали «фантастические и постоянные» отношения. После чего возвратился в родной Чезенатико на длительный отдых. И, как настоящий синьор и порядочный человек, окончательно исчез с красно-черного горизонта.

Берлускони не обращал внимания на критику. Он ограничился тем, что повторил: «Мне нужна хорошая игра» и только добавил, что, начиная с лета, сначала молча пережил вылет из Кубка Италии, потом поражения в чемпионате и провал в Лиги чемпионов, не говоря уже о том, что отсутствие результатов сопровождалось очень плохой игрой. «История «Милана» завязана с моей собственной, моя жизнь тесно переплетена с жизнью команды. Я должен был что-то сделать». Но нашел бы он время для продолжения деятельности

президента? «Время для «Милана» всегда найдется», — было сказано сухо, но с энтузиазмом.

Шева действительно «очень загрустил». Это слова Дзака. Но, поскольку украинец был настоящим профессионалом, он также знал, что в футболе, чем выше класс команды, тем более ты рискуешь неожиданно оказаться совсем в другой. Теперь начинать с Чезаре Мальдини и Мауро Тассотти для украинского бомбардира казалось романтичным. Еще когда он играл в киевском «Динамо», он мечтал выиграть Лигу чемпионов, но на Украине это было невозможно. Теперь, в «Милане» эта мечта могла стать реальностью. И перелистывая альбом со старыми фотографиями команды Шева с радостью рассматривал одну с добрыми пожеланиями, на которой была запечатлена команда 1963 года. Стоят: капитан Чезари Мальдини, Бенитес, Ривера, Альтафини, Мора и Пивателли, сидят: Гецци, Требби, Давид, Трапаттони и Сани. И если Чезаре Мальдини первым из красно-черных поднял над головой Кубок чемпионов, то Мауро Тассотти в 1994 году был последним (к слову, тоже — в отсутствие Франко Барези — капитаном), с кем в Афинах «Милан» посрамил «Барселону» великого Кройффа.

Теперь Шева должен был продолжить эти традиции. Он чувствовал, что может это сделать, и гордился этим. Вот почему, хотя он участвовал только в одном чемпионате и только готовился ко второму, не обещавшему в дальнейшем ничего достойного, воинственная парочка Мальдини — Тассотти, хотя и переживала переходный период, обратилась к бомбардиру с Востока с дерзкими предложениями идти на абордаж. Он был согласен с Галлиани, который говорил: «Эти двое — сама история «Милана». Мауро Тассотти «после обкатки в «Лацио» ворвался в футбол как оплот обороны красно-черных. Он побеждал в пяти чемпионатах Италии, в трех Кубках чемпионов, двух Межконтинентальных кубках, трех Суперкубках Европы и Италии. С 1997 года он был тренером дублирующего состава «Милана», и под его руководством команда дважды выигрывал престижный турнир во Виареджо». Шева слышал о Тассотти только похвальные отзывы. Мальдини-старший по

мнению многих был прекрасным тренером. После работы в сборной Италии «Милан» убедил его вернуться в родную семью, чтобы официально взять на себя обязанности главы наблюдательного совета, а вообще просто рассчитывали на его скорую помощь в любое время. Он получал приглашения от итальянских команд, сборных Омана и Ливии, даже из «Бенфики», но всем отказывал. И Мальдини и Тассотти, как его правая рука, всегда очень хорошо отзывались об украинском бомбардире, а поскольку теперь им предстояло руководить его действиями, можно себе представить, какие надежды они возлагали на скорость и пушечный удар футболиста.

Мальдини пришлось объяснить выбор своим коллегам. Мотивы, связанные с Тассотти были слишком очевидны. «Мауро фактически жил в «Милане» и великолепно представляет все механизмы работы клуба. К тому же он обязан расти дальше и брать на себя все большую ответственность». Тренером по физподготовке стал Винченцо Пинколини, имеющий опыт работы с «Атлетико» (Мадрид) и «Ромой». «Он работал со мной на чемпионате мира 1998 года, и, к тому же, он настоящий миланист. Для чисто технической помощи у них был Джиджи Балестра, тоже коренной миланист, один из ведущих специалистов в команде Фабио Капелло, который, между прочим, открыл Деметрио Альбертини и очень помог в приобретении Массимо Донати из «Атланты». «Когда дело идет о индивидуальной работе с футболистом — он незаменим». Для работы с вратарями пригласили Луиджи Романо, воспитанника школы Негрисоло, проработавшего в «Милане» девять лет (его пригласил Ариедо Брайда, он нашел его в Варезе), а потом четыре года с Тассотти («Раньше он тренировал Росси, я знаю, как он работает»). Что же касается ответственности, Чезаре шутливо заметил: « Попрошу совета у сына, Паоло». Но для тех, кто знал отца и сына, было ясно, что в лице этой династии да плюс еще Тассотти, «Милан» получал три надежных точки опоры и не отрывался от традиций.

Команда Чезаре Мальдини в двух играх на «Сан-Сиро» заработала шесть очков, и Чезароне пришлось признаться: «Я здесь не случайно.

Попробую, по крайней мере, попасть в Лигу чемпионов». Может он подумывал еще надолго задержаться на тренерской скамейке красно-черных, а не оставаться просто временщиком? Сам он был человеком конкретного мышления и потом не возвращался к этой мысли, просто хотел верить, что получил долгосрочный мандат, а не временное удостоверение. Помимо рискованных или просто явных с самого начала побед, ничьих и даже проигрышей (например, «Перудже» или на своем поле «Фиорентине»), самым блестящим успехом в период его руководства был матч «Интер» — «Милан» 11 мая 2001 года в присутствии 80 тысяч зрителей, окончившийся со счетом 0:6. Джанни Командини, несмотря на еще не прошедшую ужасную травму в области поясницы, вполне хватило 2-х минут и 40 секунд, чтобы открыть счет в этом дерби. Столь молниеносного гола не видели на «Сан-Сиро» с 28 октября 1971 года, когда Бигон забил через две минуты после начала игры, хотя рекорд скорострельности все еще принадлежит Сандро Маццолле, который послал мяч в ворота противника уже на 13-й секунде. Для «Интера», который в то время тренировал Марко Тарделли, поражение стало самым разгромным за всю его историю. Кристиан Вьери, центральный нападающий, один из немногих, кто еще был в силе, дико заорал, дрался как лев и покинул стадион в слезах, до того он был взвинчен и зол. По одному из шести забитых в ворота «Интера» на счету Джунти и Сержинью. По два раза отличились Командини и Шевченко.

И снова Шевченко.

Все шло, как обычно, хотя иногда имя бомбардира, несмотря на твердые заявления насчет верности «Милану», все еще хаотически приписывалось тайным намерениям различных клубов с их возрастающими аппетитами. В день встречи «Милана» с «Лацио» (в ноябре, 1:1, Шевченко сравнял счет, забив шестой мяч в семи играх) возникло некоторое замешательство. Печатные агентства объявили: на телевидении Шевченко заявил телекомментатору Карло Пеллегатти, что его вовсе не интересуется мадридский «Реал», потому что он намеревается играть в «Ювентусе» или «Роме». В какой-то момент произошло

настоящее землетрясение: бесконечные «занято» по телефонам, сайты, забитые электронными письмами, и тифози на грани кризиса и отчаяния.

Что о «Реале» не могло быть и речи, было и так слишком хорошо известно, поскольку в свое время Шева неоднократно говорил, что «Милан» и только «Милан» его идеал. Но то, что его вдруг потянуло в стан «Ювентуса» или «Ромы», прямых конкурентов «Милана» на итальянской сцене, было еще хуже. «Бомба-Шевченко» в черно-белой (цвета «Ювентуса» — *прим. ред.*) или желто-красной (цвета «Ромы» — *прим. ред.*) футболке казалась такой невероятной... Но все оказалось просто мыльным пузырем. Телепрограмма шла 1-го апреля, и речь шла лишь о привычной шутке, но придуманной хитро и весьма ироничной. Шевченко согласился подшутить над теми, кто уже надоел ему с этим «Миланом», ведь он хотел только, чтобы за ним признали общеевропейский статус. Победил, прежде всего, Галлиани. Это он выступал за применение новых норм.

Все слишком хорошо знали, что Галлиани толстокож и задирист, что никогда не подставит вторую щеку. Уже вошла в историю его перепалка с Франко Сенси из «Ромы». Первый раунд состоялся 7 января 2000 года. «Всякий раз, когда мы собираемся играть с «Миланом», у нас дисквалифицируют парочку игроков. Странно, но это повторяется уже не в первый раз», — сказал патрон желто-красных после встречи «Рома» — «Бари» в порядке комментария предупреждений, которые получили Загу и Ринальди. Галлиани: «Непонятно, как можно думать, что арбитром можно управлять на расстоянии, и что он накажет футболиста, чтобы «Милан» получил преимущество в следующем туре. У нас удалили Альбертини, но мне никогда бы и в голову не пришло подумать, что таким образом судья захотел помочь «Роме»... Второй раунд был 14 февраля 2000 года. «Это был еще один несчастливый уик-энд для судейства. Гол, который не засчитали «Болонье» в игре против «Милана» был отменен совершенно справедливо. Необходимо в корне пересмотреть всю систему», — сказал Сенси. А Галлиани: «Только парапсихолог Сенси мог разглядеть этот гол. И все же судьи «ошибались» и в пользу «Ромы». Третий раунд. 24 февраля

2000 года. «Юве» и «Милан» уже несколько лет делят победы в чемпионатах страны, но благодаря ТВ их мощь подходит к закату», — сказал Сенси. А Галлиани: «Из всех президентов «великой семерки» только он один ничего не выиграл. Он винит в этом темные силы и ожидает падения двух клубов, добившихся результатов, которые ему и не снились. А может они ему и снятся, но он просто не хочет ничего выигрывать?» Случались между ними и другие перепалки, как например, из-за запрета Веа перейти в «Рому» или возможной продаже Дзаго «Милану». В сентябре 2000 года настало время примирения. Между двумя великими футбольными героями был заключен мир. Это случилось на «Сан-Сиро» после встречи «Милан» — «Рома». Матч закончился со счетом 2:2 и театральным отъездом со стадиона Франческо Тотти, который сорвал аплодисменты знатоков, забив гол Винченцо Монтелла всего через пять минут после начала игры. «Милан» сравнял счет после точного паса Саудати на Бирхоффа, который немец превратил в точнейшую передачу на неумолимого Шевченко. Украинец заработал пенальти, но Монтелла счет сравнял. Таким образом, игра превратилась в шоу между «Восточным феноменом» и «Самолетиком» (прозвище Монтеллы — *прим. ред.*). Но в этой красивой товарищеской встрече основной ставкой был, конечно же, не счет, а триумф дипломатии. Сам Сенси сказал, со значением пожимая руку капитану: «Мы возобновим наши отношения с «Миланом», а то они дали трещину». Скудетто чемпиона страны-2001, который завоевала «Рома» через год после победы «Лацио», вывел на первое место римский футбол, сокрушивший традиционные крепости Севера Италии. «С точки зрения чемпионатов страны, — сказал Галлиани, — думаю, что чередование команд Севера и Юга полезно для нашего футбола». А потом добавил: «Если подвести итог последних двух лет, римские команды победили. Это так. Но зачем ограничиваться только двумя годами? А если взять три? Ведь и «Милан» был победителем. А если возьмем четыре, то и «Ювентус». На международном уровне такой гонки не существует... Вся прелесть итальянского чемпионата в том, что у нас уже есть шесть команд способных выиграть скудетто, и что за последние четыре года четыре разные

команды это сделали. Следственно: оттепель. И мир тоже. И хватит этих заминированных отношений».

Однако, если Галлиани был твердым борцом против Сенси в вопросах о болельщиках и чести знамени, то есть во всем, что касалось животрепещущих проблем футбола, то он был еще более непримирим в борьбе против бюрократических барьеров, за новые веяния в руководстве. Тут его обуревала просто священная ярость. Это стало особенно ясно после того, как возник вопрос о потолке заработной платы футболистов, и особенно видно, когда он с копьем наперевес бросился добиваться для Шевченко общеевропейского гражданства. В разговорах с друзьями из Киева Шевченко нередко повторял: «Я чувствую себя игроком второго сорта». Обстановка была застойной, поскольку, хотя другие футболисты (чех Недвед, румын Муту) уже получили новый статус (имеется ввиду приравнение в правах иностранцев к гражданам ЕС — *прим. ред.*), почти что препятствием оказалась формулировка, с помощью которой Евросоюз и Украинская республика регулируют собственные двусторонние отношения в области «равноправия в обращении» с собственной рабочей силой. Галлиани пригрозил, что прибегнет к обычному судопроизводству, которое в свое время признало правомерность претензий нигерийского футболиста Эконга. «Судья из Реджо-Эмилии, — сказал заместитель вице-президента «Милана», — не сделал ничего особенного, просто применил один из законов итальянского государства. Этот закон охраняет права иностранцев с разрешением на пребывание в стране и имеющих место работы». Только после телеграммы Федеркальчо, которая признавала обоснованность юридических требований «Милана» приравнять украинца к европейцам, Галлиани зарыл в землю свой боевой топор. «На этом я прекращаю. Хватит крестовых походов, хватит угроз. Кроме всего прочего, новый статус, который получил Шевченко, не меняет действующих правил. Это уже было. Андрей пятнадцатый по списку. Даже если я уверен, что дискриминация среди футболистов ЕЭС и вне его несправедлива. Давайте спокойно подойдем к вопросу о южноамериканцах и о тех, кто вообще

принадлежит к государствам, которые в рамках Евросоюза еще не договорились о паритете в использовании рабочей силы. В общем, я слагаю оружие и на этом останавливаюсь».

Эта «сухая» дипломатическая победа «Милана» и Галлиани стала и победой Шевченко. «Наконец-то! Справедливость восторжествовала», — воскликнул он. Он стал настоящим европейцем, а может быть уже чувствовал себя миланцем и итальянцем.

Под сенью Мадоннины, символа города Милана, наконец, соединилась вся семья: Андрей, отец Николай, мать Люба, сестра Елена со своим мужем, театральным режиссером. Елена вышла замуж в то время, когда Шева был на сборах киевского «Динамо» и не смог даже присутствовать на церемонии бракосочетания (отсутствие не такое уж и непонятное, у тренера Лобановского дисциплина была одинакова для всех). Когда Николаю Шевченко сделали операцию на сердце, вся семья тяжело и долго переживала, а теперь постепенно возвращалась к нормальной жизни.

Характерными чертами миланцев, по мнению украинца, можно считать экспансивность в разговоре, в шутках, даже в танцах. Но ему, как и прежде, не нравилось ходить на дискотеки, потому что там было слишком много шума и давки и потому что там он чувствовал себя «неуклюжим и растерянным». И вообще ему было больше по душе, когда его никто не донимал, особенно во время ужина или в местах, где надо было «побыть самим с собой, почувствовать собственное «я». В одиночку Андрей не ходил уже в рестораны, с которыми познакомился в свой первый приезд в Милан, сейчас их сеть расширилась: «Понтаччо», «Торре дель Манджа», «Нуова Арена», «Гарибальди»... Здесь он утолял свою жажду поесть ризотто и разных макарон.

А между тем домашняя библиотека все пополнялась и пополнялась. Шева оказался страстным поклонником исследований и биографий. Помимо известной слабости к творчеству Дюма, он стал покупать детективы, начиная с книг Агаты Кристи. Но больше всего ему были по душе произведения периода романтизма, а в поэзии он предпочитал своего однофамильца, Тараса

Шевченко. Чтение помогало Андрею не так печалиться по украинским вечерам, по душевным разговорам со старыми друзьями и возможности пойти с ними на вечеринку. Параболическая и спутниковая антенны, установленные, чтобы дать семье возможность смотреть фильмы и разные программы, давали ему возможность быть в курсе событий, но, поскольку в Милане украинская программа не принималась или принималась плохо, Андрею приходилось довольствоваться московскими, на русском языке. А когда Шева себя неважно чувствовал из-за забытого гола или плохой игры, он звонил кому-нибудь в Киев. Например, он не спал целую ночь после нереализованного в матче «Милан» — «Лидс» пенальти, и то же случилось, когда упустил единственный голевой момент во встрече с парижским вратарем Летизи. «Я никогда этого не забуду, — рассказывал он. — Это был действительно хороший момент, и нельзя было его не реализовать. Вратарь был молодец, но я все равно обозлился...» Но во время телефонного разговора тяжелые воспоминания пропадали, и все кончалось какой-нибудь шуткой.

В доме Шевченко было много икон, самоваров, матрешек и всяческих фотографий хозяина в футболке «Милана». Время от времени сестра помогала ему разобраться с письмами (не менее двухсот в неделю). Для нее это было привычное занятие, если учесть, что когда он еще играл в «Динамо», писем было не меньше. А теперь в Милане можно было видеть стайки девушек около его дома. Они что-то наговаривали в диктофон и ожидали Андрея. Тот подъезжал к дому с приветливой улыбкой, ставил машину в гараж и поспешно поднимался к себе. Не было никаких нескромных сообщений на страницах светской хроники, но все же кто-то говорил, будто бы какое-то время была у него одна американка, которой нравилось многое из того, что и ему: искусство, природа, цветы... Но он уклонялся от этих разговоров.

Иногда ходили на выставки (например, «от Шагала до Кандинского») или, чтобы удовлетворить интерес и страсть Андрея к живописи, покупали какую-нибудь картину, чтобы со временем собрать приличную коллекцию. Или принимались делать покупки, чтобы отослать их в Киев: экономическое

положение там было трудное. Позже стало известно, как Шева помогал нуждающимся и украинской церкви. К нему время от времени приезжал друг, православный священник, который передавал приветы от знакомых и бывших товарищей по команде. Как православный христианин Шевченко был доволен, что рядом с его домом есть еще и церковь, но было неприятно, что не было большого прихода, к каким он привык. Часто он просто молился дома вместе с семьей, используя любую возможность, чтобы выразить свою любовь к родной земле.

Его зарплата, четыре миллиарда в год, будет расти, но это не значит, что он только об этом и должен думать, как и то, что не стоит бросать деньги на ветер. «Помочь, кому не повезло — это долг». Он много внимания уделяет благотворительной деятельности и организациям, помогающим детям Чернобыля.

Стефано Инверницци, один из монахов с улицы Фарина, не отрицая своей приверженности к черно-синим (цвета «Интера» — *прим. ред.*), направил ему трогательное открытое письмо с рассказом о Наталье, двадцатилетней украинке, болельщице киевского «Динамо». Шева подарил ей свою футболку, которую ее семья хранила как реликвию в собственном бедном домике. В честь футболиста женщина стала страстной миланисткой. На трапезу миланских монахов приходила не только эта женщина, но еще десятки других украинок и молдаванок (60% приглашенных), бежавших от самой страшной нищеты, оставив дома мужей и детей, «все еще на что-то надеющихся и обманутых, собирающихся у Центрального вокзала в ожидании, что кто-нибудь предложит им работу домработницы». Многие ведут себя с большим достоинством и ищут рабочее место или приюта на ночь. Но самым молоденьким и хорошеньким приходится всячески изворачиваться, чтобы не попасть в порочный круг проституции и избежать «нового тайного рынка занятых домашним трудом».

Отсюда и горестное воззвание монаха Стефано: «Все видят горести этих женщин. Все знают, что на наших улицах полно молоденьких молдаванок. Все

знают, что бедные люди в Молдавии готовы продать свои органы ради выживания своих детей. Все видят массы женщин у Центрального вокзала, ночью и днем, в мороз и в дождь. Дорогой Шева, все это видят, все это знают... Но мало кто что-то делает... Ты, с твоим светлым ликом, приди в нашу скромную трапезную и даруй Наталье какую-нибудь из своих футболок. Приди утешить на родном языке твоих соотечественниц, а потом, ежели пожелаешь, используй свою известность, чтобы помочь своему и молдавскому голодающему народу. Твои действия послужат, чтобы вселить немного уверенности и тому миру, что называется футболом, уже коррумпированному крупной экономикой и лишенному, может только внешне, гуманности».

Шева в то время был в Париже, и у него не было возможности вернуться в Милан. Но он уже владел итальянским и очень быстро ответил Стефано: «Я приеду вас навестить и сделаю все возможное, чтобы помочь. Вы с вашей трапезной для бедняков на улице Фарина заслуживаете этого. Заслуживает этого и дело, за которое вы выступаете». И в этом деле Андрей увидел рядом «Милан», привыкший к солидарности без пышной рекламы. Он послал помощь в детский госпиталь в Ламбрене (Габон), основанный лауреатом Нобелевской премии швейцарцем Альбертом Швейцером, в такой же госпиталь в Адуа (Эфиопия), где работала монахиня Лаура Гиротто, обездоленным малышам из фавелас в Рио-де-Жанейро и многим другим. «Милан, — сказал Адриано Галлиани, — сделает все возможное, чтобы помочь Андрею. Я узнал о письме брата Стефано и считаю, что его дело заслуживает большого внимания».

Шевченко уже прижился в Италии и полюбил своих товарищей. Он разволновался при прощании с «Миланом» Леонардо, возвращавшегося в Бразилию в свой «Фламенко» после выступлений в Японии, Испании и Франции, за что его называли «человек с чемоданом». Он появился в Миланелло в 1997 году, еще раньше Андрея, из «Пари Сен-Жермен» и проносил черно-красную футболку добрых четыре сезона, вызывая общее восхищение классом тонкой игры и безграничной готовностью помочь. Леонардо хотел бы закончить свою карьеру в «Милане» финалом Лиги

чемпионов на «Сан-Сиро» и поэтому уезжал недовольный. Но он гордился, что прожил великолепные годы в прекрасном клубе и среди отличных друзей, которые с ним прощались в футболках с красными номерами «18» и надписями на разных языках на груди и спине. Это был его номер. Андрей чувствовал, что в Лео его привлекает романтизм и общее восприятие футбола и жизни, которые как бы подтверждали, что можно родиться в очень жаркой стране, как Бразилия, или сравнительно холодной, как Украина, и все же думать одинаково.

В тот вечер, когда вместе с Адриано Галлиани и Ариедо Брайдой Андрей пришел в ресторан со своим большим другом Кахой Каладзе, игроком сборной Грузии, Шевченко просто светился от счастья. Каладзе родом из Самтредиа, защитник, два года играл вместе с Андреем в киевском «Динамо». Его только что приобрел «Милан».

За год до этого Галлиани и Брайда попросили Андрея порекомендовать кого-либо из игроков для «Милана». «Это прекрасное капиталовложение», — сказал Шевченко и попросил ускорить дело, а сам от отошел на второй план, поскольку об остальном позаботится всемогущий Резо Чоконелидзе.

Как только Каладзе появился в Милане, Андрей тут же стал его чичероне. «Когда он приехал из тбилисского «Динамо», где был хорошо известен с 16 лет, я тут же занялся его адаптацией, — говорит Шевченко. — Должен сказать, что это было легко. Он прекрасный парень и вызывает уважение на поле, тактически и технически силен, к тому же очень эклектичен и, если нужна его помощь, — он всегда готов».

Как-то Галлиани познакомил Каладзе (отец — Кароль, предприниматель, мать — Медея, домохозяйка, брат Леван — студент медицинского института) с неукротимым и знаменитым человеком из «Милана», который откликнулся на имя Марсель Десайи. Игрок сборной Грузии, выросший и достигший большой известности на Украине, со своей стороны пояснил, что предпочитает клуб красно-черных «Баварии», потому что «Милану» нет равных в мире». Он с большой похвалой, как раньше и Андрей,

отзывался о неоспоримых достоинствах киевского тренера: «То что я здесь — по большей части заслуга Лобановского. Это он научил меня как важно для дальнейшего роста уметь бороться на любом участке поля. До него я просто играл в мячик. С ним я научился играть в футбол».

Робкий и сдержанный, Каладзе с радостью говорил о своем друге Андрее. «Шева? Мы знакомы еще с Киева. Да и здесь, в Милане частенько вместе ужинаем». По пять дней в неделю Каха стал заниматься итальянским. Обычно ему помогал неизменный Резо Чоконелидзе, а на этот раз и Андрей Шевченко. Обоих объединяла любовь к итальянской кухне и хобби — музыка («всего понемногу, от рока до поп-музыки, среди итальянцев мне нравится Челентано»). Он с детства страстно полюбил спортивные автомобили. У него был желтый «Феррари», который он попросил доставить в Италию как можно скорее. Вот так Каха Каладзе стал первым камнем в фундаменте «Милана» образца сезона-2001/02.

Как раз в то время, когда вся футбольная критика аплодировала достоинствам грузинского футболиста, его семью постигло большое несчастье. Теплым майским утром, группа вооруженных людей, воспользовавшись тем, что отец Каладзе тоже был в Милане, похитила в Тбилиси Левана, брата футболиста. Ему был 21 год. Ни сопровождения, ни защиты у него не было. В одной из южных республик бывшего СССР, где в последнее время участились похищения с целью вымогательства, преступник выбрал очень удачный момент, чтобы сделать свое грязное дело и бесследно испариться.

Вскоре появилось и требование выкупа. А 27 мая 2001 года Каха Каладзе с болью в сердце вышел на игру против «Ромы». Он был просто убит тем, что произошло: его удалили с поля после двух желтых карточек, одну из которых судья показал слишком поспешно. 2 июня был очередной матч, в котором сборная Грузии в Риме потерпела поражение от сборной Джованни Трапаттони. «У него исключительный характер», — сказал тогда капитан Паоло Мальдини.

Одним из тех, кто близко к сердцу принял драму Каладзе был Шева. Он посоветовал другу тут же лететь в Грузию к началу расследования и напрямую связаться с посольством. Он постоянно подбадривал друга до тех пор, пока пара временщиков — Чезаре Мальдини — Тассотти — не привела его в отличную форму и не передала наследнику Альберто Дзаккери, который хотя пока и не сидел на тренерской скамейке, уже был достаточно известен. Его звали Фатих Терим по прозвищу «Император».

ОТ БОСФОРА ДО НАВИЛЬИ

Казалось, их объединяет одно и то же чувство: приверженность к Наполеону. Восхищение Бонапартом сводило на нет разницу и даже прямые расхождения в характерах, стиле, идеях, социальном положении. Это было чувство особого восхищения перед полководцем, которому удалось сплотить людей и получить взамен великую преданность. Фатих Терим родился в 1953 году в Адане, турецком городе хлопка, грейпфрутов и мандаринов. Он очень любил Наполеона. Как и Альберто Дзаккерони и, особенно, как Андрей Шевченко, но с небольшим отличием: только турок присвоил себе миф о Наполеоне в качестве фабричной марки. Отсюда и прозвище: «Император».

Шева с большим уважением смотрел на свою карьеру футболиста. Да и Фатих Терим, сын служащего Талата, пристрастился к мячу, скорее, по собственной воле, а не из-за настояния родителей. Терим стал одним из самых сильных защитников в истории турецкого футбола, сначала в командах «Аданадемирспор» (1970—1976) и «Галатасарай» (1976—1978), одной из сильнейших в Турции, с которой он дважды стал чемпионом национального первенства и два раза завоевывал Кубок страны. Его отличали воля к победе и скорость. Попасть под его опеку значило постоянно чувствовать: по пятам тебя преследует неумолимый сторожевой пес. Долгое время он был одним из основных игроков турецкой сборной, потом стал ее капитаном; принял участие в 71 матче и даже забил два гола. Но каждый год дважды, на праздники, он обязательно приезжал к родителям и подышать воздухом родного города, Аданы.

Терим, в сущности, шел по тому же пути, что и Шевченко: показывал людям Турцию с помощью футбола и личного успеха, то есть делал все то, что ныне делает Андрей для Украины. Оба сожалели о том, что у таких народов, как украинцы и турки, у людей так любящих футбол, еще так мало спортивных достижений. Оставляя Киев и Стамбул, они как бы чувствовали себя посланцами футбола собственных стран и на деле доказывали, что значат

намного больше того, чем показали сборные или клубные команды в той же Лиге чемпионов. (Каждый раз, когда он вешал бутсы на крючок, турок думал, что уже пора кончать с этим футболом. Тогда один друг, очень известный в прошлом футболист, показал ему газету с составом «идеальной» сборной страны на основе опросов за последние 25 лет, в котором значились и их фамилии и подковырнул: «Чем может кончить наш несчастный футбол, если даже лучшие, вроде тебя, раньше времени выходят из игры?»).

Футбольная философия Терима проявилась после разговоров с ассистентами о тактике и обсуждения схемы 3-5-2, которая одно время казалась им наиболее приемлемой. Вдруг турок взял бумагу и карандаш и спросил: «А почему бы не попробовать 2-1-4-1-2?» Коллеги ответили, что идея не такая уж «сумасшедшая». Попробовали ее в деле и начали побеждать, варьируя схему в зависимости от противника.

Когда «Император» взял под свое начало молодежную сборную Турции, его продолжала сверлить одна и та же мысль: «Ну почему страна с населением в 70 миллионов никак не может набрать команду, о которой бы заговорили?» Он отобрал 220 ребят с несомненными техническими и атлетическими достоинствами. Позднее среди них появились молодые футболисты, которые выиграла у Италии Средиземноморские игры и под знаком которых прошло целое десятилетие турецкого футбола. Как только в 1993 году Терим стал тренером сборной, он почти целиком перевел туда игроков своей молодежной команды. И Турция впервые попала в финальную стадию чемпионата Европы, который состоялся в 1996 году в Англии. Несмотря на успех Терим не стал отказываться от приглашения «Галатасарая» и возглавлял эту команду в сезонах 1996/97-1999/00, выиграв за это время четыре национальных чемпионата, два Кубка Турции и, что особенно важно, кубок УЕФА, в котором побил в финале, ни много ни мало, лондонский «Арсенал». Эта победа явилась первым настоящим достижением турецкого футбола на международном уровне. «Император» утверждал: чтобы тренер стал победителем, необходимо, чтобы президент и клуб полностью ему доверяли, а когда эти условия

отсутствуют, не дай Бог оставаться на одном и том же месте: появляется риск споткнуться и больше не подняться никогда.

В Стамбуле он был идиолом простых болельщиков. В его кабинете красовался бюст Наполеона, как бы подтверждающая его кредо считать себя его футбольным воплощением. Ходили слухи, что готовится очередное издание его биографии под названием «Он — Император». Жена, Фульвия, имеющая высшее образование, часто давала ему советы по вопросам коммуникаций и связям с общественностью.

Андрею рассказывали, что когда Фатих Терим тренировал «Галатасарай», тот играл на «Сан-Сиро» против «Милана». Красно-черные выиграла 2:1, но с большим трудом. То было время, когда Сильвио Берлускони еще можно было очень часто видеть на трибуне. «Велик Аббьяти, мал «Милан», — сухо обронил он. Со своей стороны Терим ограничился комментарием: «Мы вас развлекали». С ним был переводчик, но мыслями Фатих уже был в Италии и рассуждал на хорошем итальянском языке. Среди игроков прошлого, кроме немца Бекенбауэра он больше всего ценил француза Платини и итальянцев Каузио и Конти. Среди тренеров, как он сам признавался, кроме Кройффа, на первое место ставил Арриго Сакки («Я считаю его настоящим мастером.»). Но примером для подражания турок считал Филадельфа Джексона, тренера NBA, который у руля «Лос-Анджелес Лэйкерс» оставлял конкурентам лишь жалкие крохи.

Чтобы полнее насладиться вкусом футбола, в какой играют в Прекрасной стране Терим принял предложение Витторио Чекки Гори (президент «Фиорентины» — *прим. ред.*), у которого славно поработал Джованни Трапаттони, оставив о себе добрую память. Терима привел сюда бывший спортивный директор Морено Роджи (в настоящее время его агент), случайно встретив в учебном центре «Галатасарая». Терим принял его в собственном офисе, задержал надолго и даже рассказал о своей жизни, включая переговоры с «Миланом». Стало быть, «клуб с улицы Турати» начал охоту на турка раньше других итальянских команд. Роджи был удивлен, когда во время

разговора Терим вдруг вскочил с кресла, высунулся в окно и начал громко кричать, а игроки, среди которых был и знаменитый строптивый румын Хаджи, слушали его в религиозном молчании. Тут Роджи вдруг осенило, и он спросил у «Императора», не хотел бы тот потренировать «Фиорентину», оставшуюся без тренера после ухода Трапаттони. Турок поручил ему начать переговоры. Потом были блицпереговоры в Стамбуле с Лучано Луна и Джанкарло Антоньони, которые стали его большими друзьями и убежденными сторонниками, и все завершилось тем, что Терима убедили переехать с берегов Босфора на берег Арно. В общем, он любой ценой хотел попасть в Италию и принял предложение, которое давало ему два миллиарда лир чистыми в год, то есть в два с половиной раза меньше, чем в Стамбуле, куда, однако, должен был летать на частном самолете каждый понедельник, чтобы присутствовать на еженедельной передаче CNN Turk (за 300000 \$). Он переехал, потому что смотрел далеко вперед и просил карт-бланш в полноте технической власти, покупке новых футболистов...

Фатих высадился на берег Арно вместе с супругой Фульвией и одной из двух дочерей, десятилетней Бузе. Вторая, шестнадцатилетняя Мельве, осталась в Стамбуле продолжать учебу. Через несколько недель он уже полемизировал с Витторио Чекки Гори по вопросу поражения в Кубке УЕФА от австрийского «Тироля» (1:3 в Инсбруке и 2:2 во Флоренции). Через свою радиостанцию в Тоскане президент компании назвал турка главным виновником вылета из турнира, его слишком непосредственную тактику. «С Джованни Трапаттони в качестве главного тренера, — распоясался президент, — мы бы не вылетели из розыгрыша Кубка УЕФА».

Вместо того, чтобы подставить вторую щеку, «Император» ответил на это открытым письмом и подчеркнул, что в момент подписания контракта ему обещали покупку игроков (речь шла о Зидане и Эмре, позднее перешедшем в «Интер»). Обещанные футболисты так во Флоренции и не появились. Он также твердо подчеркнул, что «наше руководство должно наметить путь», что «обещания уже ничего не значат», что и без новых приобретений «мы будем

бороться, но знать, что наши достижения будут недостойны того, что заслуживает «Фиорентина». Витторио Чекки Гори тут же ответил: «Очень тяжело слышать то, что сказал Терим. Если бы все обстояло нормально, я отослал бы его домой. Надеюсь, он скажет, что ошибся и дело закончится штрафом. А пока пусть принесет извинения, или я попрошу вмешаться члена правления Луна».

Извинений не последовало. И президенту оставалось сделать вид, что ничего не случилось еще и потому, что масса болельщиков перешла на сторону тренера. Потом Терим говорил друзьям, что не ожидал поражения от «Тироля», ведь еще год назад «Фиорентина» неплохо играла в Лиге чемпионов. Но он не потерял мужества, потому что ни на кого не мог рассчитывать, только на поддержку, которую просил в начале сезона. И все же Терим понял, что настоящей его проблемой было изменить образ мыслей уже зрелых футболистов, которые стремились победить по-итальянски, то есть, сыграв от обороны и уповая на контригру, а, не делая ставку на атаки, естественно, более рискованные, но зато и более зрелищные.

Переворот в сознании произошел в последние пять минут матча с «Реджиной». «Фиорентина», несмотря на постоянные атаки, хотя и проигрывала в один мяч, но не только не сдалась, но и сумела изменить результат, который мог стоить Териму места. После финального свистка игроки подбежали к тренерской скамейке, чтобы поблагодарить наставника и сказать, что с его тактикой они чувствовали себя единым целым. Терим подошел к болельщикам и жестом поблагодарил толпу, выкрикивающую его имя. С этого времени фиолетовые (цвета «Фиорентины» — *прим. ред.*) стали показывать все более интересную игру, одерживать победы, в том числе и те, которые продвигали ее по сетке Кубка Италии («Фиорентина» выиграет этот трофей в конце сезона с Роберто Манчини во главе) и к Лиге чемпионов. На Рождество, вместе с удовольствием от работы, в которой ему помогали Муфти Эрказипи, Антонио Ди Дженнаро и Андреа Паццальи, пришлось испытать и некоторые огорчения. Их обыграла «Парма» благодаря пенальти, назначенному в

дополнительное время, хотя они и были вполне достойны победы. Затем уступили «Перудже», не реализовав целых 25 голевых моментов, и были наказаны в Риме бывшим своим героем Габриэлем Батистутой. А вообще-то Терим мог быть доволен успехами, которых добился в обстановке взаимопонимания в команде с потрясающим капитаном Мануэлем Руй Кошта, который, по словам Терима, был способен на исключительные действия, например, прямо на поле заменить в какие-то моменты тренера. А поскольку поползли слухи, что у них недопонимание с Энрико Кьеза, турок объяснил, что, действительно, вначале было такое, но, поскольку он его уважал и возражал против перехода в другую команду, то попросил доказать свое превосходство на футбольном поле. И Кьеза принялся забивать очень ценные голы. Матч с «Ювентусом» он превратил в шедевр, в игру, достойную передачи потомкам. «В раздевалке мы полемикой не занимаемся. Скудетто? Пока что мы думаем только о развлечениях», — уверял Руй Кошта. А тут уже начала всходить звезда Нуно Гомеша (до сих пор в активе португальца было пять решающих голов), который заслужил славу неумолимого чертенка. После победы еще и над «Вероной» Витторио Чекки, наконец-то мог вздохнуть свободно: «Это мы захотели пригласить Терима, никто нас к этому не обязывал. С ним мы много выиграли и выиграем еще больше». Значит, долго жить «Императору» на берегах Арно? Какое там!

Его вулканический и неумный темперамент, его постоянные требования укрепить команду хотя бы одним защитником и центральным нападающим, беспредельная любовь тифози со взаимной теплотой и силой с его стороны — все это, конечно, вызывало осложнения. Не проходило и недели, чтобы восторженные фьезоланцы не выражали ему восхищения на своих плакатах и лозунгах. На одном из последних было написано: «У нас сердечная мечта: выиграть скудетто с Императором». Но все эти хвалебные гимны, рикошетом, отдавались почти что угрозой в адрес руководства фиолетовых, не дай Бог им не удастся сдержать этого турка, который, продолжая настаивать на законных требованиях, чтобы вывести «Фиорентину»

в число ведущих команд, в то же время не забывал и щедро услаждать слух своих фанатов. Он неоднократно подчеркивал свои требования: «Я останусь у фиолетовых, если Чекки Гори одобрит мой проект создания супер-команды». А тридцать тысяч болельщиков кричали: «Если не остановится Терим...» В общем, все от него с ума посходили. И не без шуток. И даже Индро Монтанелли, самый «тифозный» тифози, предупреждал: «Горе тебе, Флоренция, если ты потеряешь Терима!» Приходили сотни факсов и электронных писем из всех уголков Италии, чтобы Индро не забывал этой любви; находились даже миланисты, интеристы и ювентинисты, которые говорили Териму: «Вы самый сильный тренер мира». И в то же время были и такие, что хотели, чтобы встречи с руководством «Фиорентины» провалились, и на скамейке появился другой тренер. По правде говоря, Чекки Гори турок нравился все меньше и меньше, но он продолжал всех уверять об обратном: «В конце концов, со временем любая полемика утихает. У меня в кармане договор на два года, и я хочу его продлить». А одно высказывание Терима даже оставляло надежду на продолжение переговоров: «После победы над «Миланом» я был бы одним из многих, а с «Фиорентиной» я войду в историю». Но он также добавил, что «Фиорентину» сроком до 31 января 2001 года он выбрал еще семь месяцев назад, и это должно остаться его «личным» делом. И время от времени он подносил ко рту одну из привычных дымящихся или погасших сигар, с которыми его привыкли видеть на страницах газет или по телевидению. Лишить Терима его сигары значило лишить его фабричной марки. Это все равно, что изображать бывшего президента Республики Пертини без трубки или Аньелли без часов на манжете рубашки.

Но и «Милан» не упускал из вида «Фиорентину» Фатиха Терима. А насколько искусен был тренер в подготовке своих подопечных, отметили не только Андрей, но и его товарищи по команде. Например, «Фиорентина» обыграла «Милан», что выводило ее на 2-е место после «Ювентуса», «Милан» же в свою очередь набрал лишь два очка за последние четыре тура. Дзак запрашивал футбольные новости от Терима, но ничего нового ему сказать не

могли: Сакки уже пятнадцать лет занимался тем же самым в Италии... Но за кулисами всех этих дел начинала просматриваться вещь, которую стали называть «теоремой Шевы»: когда нет его голов, это оборачивается поражениями. Но со дня приезда в Италию украинского бомбардира использовали как никого другого. И было вполне нормальным, что он иногда не забивал своего гола. Андрей объяснял это так: «Я не из тех людей, что ищут извинений, но мне неприятно постоянно слышать, что наша команда разваливается. Я десять лет играл на Украине. По мне, так это только отдых, и только сейчас я начинаю настоящую подготовку. Конечно, это только мой второй сезон в Италии, но так же верно и то, что достаточно трудно изменить внутренний ритм человека, невозможно изменить привычки. Например, мне было бы удобней играть в полдень, потому что в это время, а не по вечерам, у нас тренировки. На Украине матчи начинались в семь вечера, а тренировки — всегда почти в темноте. Мелочи, конечно, но все вместе они кое-что значат». Поэтому, не стоит так уж и волноваться, хотя бы потому, что голов с первого чемпионата до сих пор было всего, в лучшем среднем исчислении, одиннадцать, да к тому же в паре матчей он и не забивал. Но «теорема Шевы», во всяком случае, подтверждала незаменимость Шевченко и важность того, чтобы он постоянно находился в прекрасной форме.

Чуть более десяти дней спустя «Фиорентина» и «Милан» снова встретились на стадионе «Сан-Сиро» в полуфинале Кубка Италии. Турок в пальто и с шарфом на шее выразительно играл лицом и награждал всех широкими улыбками, вращал глазами, следя за мячом и, как опытный тренер, раздавал указания. Казалось, что на лбу у него знак нового мессии футбола, которому историки посвятят не одну страницу во славу его таланта тренера и умения вовремя произвести замену. Энрико Кьеза поднял команду на должный уровень, а с Брессаном, играя на контратаках, фиолетовые стали забивать. И тогда Терим показал, что, его команда может не только нападать, но и защищаться по-итальянски.

Он твердо держался своих правил: максимальная собранность и внимание, максимум работы, прежде всего на поле, на тренировочных площадках — факультативно, рациональное использование тренировочного центра с просьбой к игрокам в дни тренировок обедать на базе, интенсивные тренировки, если необходимо, то и в дни отдыха, расслабиться можно после двух дней технической и атлетической подготовки, необходимо проводить товарищеские встречи, но только с престижными командами, игры с которыми необходимы для выработки менталитета победителей. Вот с такими установками он вернулся во Флоренцию, чтобы возобновить работу. Пока на улице Турати вице-президент Адриано Галлиани продолжал защищать Дзака, поскольку думал, что тот успешно закончит чемпионат, генеральный директор фиолетовых во Флоренции, Джанкарло Антоньони ни минуты не сомневался: «Терим поедет в Милан. Красно-черные — фавориты». И тут же начался тарарам, ужин с турком по приглашению Галлиани в ресторане «Ассассино».

«Так и было, — подтвердил вице-президент. — Это случилось в ноябре, после матча с «Галатасараем». Терим был гостем «Милана», и нам показалось приятным поужинать вместе. О контракте мы, естественно, не говорили». Оптимизм Чекки Гори и его сотрудников насчет возможности продлить контракт оказались лишь видимостью. Обещания не вызывали сомнений. Терим несколько не колебался, когда заявил: «Я оставляю все, потому что не уверен в будущем. Если команда начнет сдавать, я уйду в отставку. «Милан»? С ними я ничего не подписывал». Но ситуация была уже непоправима. Суровые критические высказывания президента фиолетовых в связи с ничьей с «Брешией» привели к отказу «Императора» от работы с командой. Временно освободившись от футбольных дел, он стал работать комментатором турецкой CNN. Его уход из «Фиорентины» произошел всего недели на две раньше увольнения Альберто Дзаккерони из «Милана». Во время бурной деятельности Мальдини — Тассотти ближе к концу сезона клуб начал контакты с Теримом, и вскоре должно было состояться подписание контракта. Многие утверждали, что уже не один месяц существует предварительное соглашение. Другие, однако,

говорили, что если бы «Ювентус» освободил Карлетто Анчелотти до конца чемпионата, выбор «Милана» пал бы не на турка, а на бывшего миланиста, любимца Арриго Сакки и человека, который весьма нравился самому Сильвио Берлускони. Более реальная гипотеза заключалась в том, что выбор Терима шел откуда-то издалека и постепенно конкретизировался в свете последних событий в жизни черно-красных. Турок уже давно говорил, что ему бы хотелось попасть в «клуб, ставящий перед собой большие цели», «клуб, где принимаются решения», «клуб быстрых определений», «клуб, который говорит людям правду: у меня тысяча лир, у меня миллион, я могу сделать это, могу сделать то», «клуб, который бы работал со мной над крупным проектом» и «стремился к максимуму». Таким клубом и оказался «Милан». «Впервые с настоящим «Миланом» меня познакомил Ариедо Брайда, — говорит Терим, — человек очень прямой и искренний, с которым всегда приятно поговорить о футболе».

Чезаре Мальдини был огорчен, что не может продолжить начатое дело, хотя и был доволен тем, что удалось сделать. «Милан — это его Итака», — говорил он, подразумевая, что Чезароне возвращался на роль главного наблюдателя, в то время как Тассотти вновь стал работать с дублем «Милана», взяв в помощники своего друга Франко Барези. Фатих Терим, со своей стороны, заявил, что с Мальдини его связывают дружба и «взаимоуважение» еще со времени Средиземноморских игр (в турнире принимали участие молодежные сборные Италии и Турции, которыми руководили Мальдини и Терим — *прим. ред.*). То, что Терим уже принадлежал «Милану», знали все болельщики. Знала об этом и команда. К тому же Шева знал, что на скамейке тренеров он найдет еще одного почитателя Наполеона.

Андрею предложили сняться в «Матче смерти», художественном фильме об одном из эпизодов немецкой оккупации Украины во время Второй мировой войны. 27 августа 1942 года нацисты, с целью сломить сопротивление местных сил и показать населению превосходство Германии также и в спорте, приказали футболистам киевского «Динамо» сыграть со сборной Люфтваффе. Судья, офицер гестапо, под угрозой расстрела приказал киевлянам проиграть.

Но местная команда победила со счетом 5:3. После игры четыре динамовца были убиты при невыясненных обстоятельствах, а остальные направлены в концентрационные лагеря. Шева хорошо помнил мемориальную доску в память об этом событии на стене киевского стадиона. Вначале съемочная группа хотела предложить ему главную роль, капитана команды, но из-за постоянной занятости и финансовых соображений, он сыграл роль поменьше. Но в Истории и на съемочной площадке он уже забивал гол Гитлеру.

«Шева! Шева! Шева!» Это была овация достойная стадиона, которой встретили бомбардира на демонстрационном помосте при показе мод Джорджо Армани. находка модельера была до того нова и неожиданна, что публика в зале (по преимуществу женская) при виде Андрея Шевченко, который с видом опытного манекенщика прохаживался по двадцатиметровому помосту рядом с Брэдом Питтом и Джорджем Клуни, разразилась аплодисментами. Кто-то спросил у Армани: «А Вы уверены, что с таким необычным премьером хоть кто-нибудь запомнит костюм, который он демонстрирует?» Король стилистов подмигнул: «Я тоже спрашивал себя об этом. Но как можно было отказаться от столь необычного человека, который стал положительным примером для многих людей и соблазнительной иконой для стольких женщин?» Естественно, к этой похвале он присоединял и Питта и Клуни, но уникальное достижение Шевченко действительно впечатляло.

Бывшего мальчика, робкого и хрупкого, бледного и белобрысого, который однажды из Киева спустился в Агрополи, больше не существовало. Италия и «Милан» в корне изменили его, он стал действующим лицом современности. Но поскольку по специальности Шевченко бомбардир, то теперь у входа в новый «Милан» его, прежде всего, ожидал Фатих Терим. Ждал он и множества голов. Не отдаляясь от своего преданнейшего переводчика Шукру Ханадера, на своем пути от Босфора до Навильи через Арно, «Император» уже неплохо понимал итальянский, учил и иногда пытался на нем говорить. Он часто повторял: «Я приехал сюда побеждать. Надо стремиться к

великим целям. Постоянно. Когда ты приходишь в такую престижную команду, как «Милан» с его богатой историей, нет оправданий отсутствию результатов».

Пираты, его далекие предки, более двух тысяч лет тому назад господствовали на море от Анталайского залива до современной Турции. По приказу императора Помпея воинственный римский флот разгромил пиратов, водрузив свои знамена там, где раньше колыхались на ветру череп и кости. Поскольку два года подряд скудетто доставалось «Лацио» и «Роме» журналисты из «Форца Милан» спросили: «Терим, после многовекового угнетения, неужели Вы упустите момент свести счеты с теперешними властителями Рима?» И тут «Император» со своим восточным лицом и мимикой, говорящими больше раскрытой книги об опыте странствий от Босфора до Навильи, разразился громким смехом.

БОМБАРДИР И ДРУГ

Им было определено генетически: забивать. Гол жил с момента рождения в красных и белых тельцах. Они кожей чувствуют сетку чужих ворот. В их удостоверении личности, водительских правах, паспорте следовало бы записать: профессия — бомбардир. Это люди, доводящие вратарей до остекленения. Они бомбардиры по призванию, нежели по собственному выбору, ибо динамит в их ногах или голове взрывается спонтанно, а не в результате расчета. В прошлом, настоящем и в будущем о любой эпохе могла бы написать свою энциклопедию. Поэтому, когда пошел слух, что «Рому» должен покинуть Винченцо Монтелла, а из «Ювентуса» может отчалить Филиппо Индзаги, знаменитое трио Берлускони — Капелло — Брайда задумалось: на кого делать ставку? Но сразу же стало ясно, что «Самолетик», хотя иногда и полемизировал с Фабио Капелло, который редко давал ему отыграть все 90 минут, не поддастся уговорам. Да и трудно себе вообразить, что Франко Сенси вдруг уступит его «Милану», отношения с которым хотя и намного улучшились прошлым летом после матча на «Сан-Сиро», но все же не были идеальными. А «Суперпиппо» (прозвище Индзаги — *прим. ред.*), хоть и вписал свое имя в бело-черный альбом почета, по тысячам причин, о которых было бы слишком долго рассказывать, уже исчерпал свой потенциал в Турине. Но у «Милана» с «Ювентусом» (и наоборот) были хорошие отношения. Миланцем, теоретически наиболее ревниво относящимся к переходу в команду Филиппо Индзаги, мог быть именно Андрей Шевченко, великолепный бомбардир, ставший лучшим снайпером в первом своем чемпионате и вторым в следующем. Именно украинец и разрешил всяческие сомнения на этот счет своего кредо: чем больше впереди тех, кто умеет забивать, тем больше возможностей для команды набрать очки и подняться в турнирной таблице. Уже при первых признаках заинтересованности клуба в этом приобретении, Шева стал расхваливать технические и тактические достоинства Индзаги и заявил, что любой из известных в мире игроков сочтет за честь играть рядом с

«Суперпиппо». Более того, хотя его об этом и не просили, он пошел дальше, заметив: «Хватит обвинять Индзаги в большой приверженности индивидуальной игре. Индивидуальность — абсолютно положительное и ценное качество игрока, главной целью которого должна быть одна: забивать голы». Выйдя «из рядовых», Андрей не боялся конкуренции. Ведь футбольная команда — все равно, что оркестр: пара солистов может вполне переубедить публику, а очки добыть для команды тем более. Поэтому возможный приход Индзаги вовсе не нервировал его, он даже этого желал.

«Мы его хотим», — заявил вице-президент Адриано Галлиани на традиционном собрании рабочей группы «Милана» в Калабрии. Это было сказано ясно и четко, пресекало все слухи и предположения и подтверждало твердую решимость строить новый «Милан» образца-2000/01 вокруг звездной пары Шевченко — Индзаги.

Переговоры по переходу Шевы из «Динамо» в «Милан» прошли не без сложностей, а в случае с Индзаги — от Валентино к Мадоннине (символы Турина и Милана — *прим. ред.*) — проходили открыто, с заранее намеченными встречами между руководителями обоих клубов. Яблоком раздора явилась лишь цена. Адриано Галлиани дошел до 65 миллиардов лир, а директор-администратор бело-черных Антонио Джираудо настаивал на семидесяти пяти. Но было ясно, как день, что они придут к общему знаменателю, а Филиппо Индзаги, можно считать уже миланцем. Так и случилось, клубы сошлись на 70 миллиардах.

От бело- к красно-черным. От «Старой Синьоры» к «Дьяволу». Индзаги родился в Пьяченце в 1973 году. Старше Андрея на три года. Его футбольная карьера проходила на сверхзвуковой скорости: победа в молодежном чемпионате Европы 1994 года, Суперкубок лиги в 1997 году, скудетто через год, семь трансферов. Воспитанник юношеской команды «Пьяченца», он дебютировал в серии В 1 декабря 1991 года на поле соперника в игре с «Казертаной». Потом некоторое время играл в «Леффе», а в сезоне-1992/93 набирался опыта уже в серии С (21 матч, 13 голов) и в «Вероне» снова в серии

В (1993/94, 36 игр, 13 голов). Вернувшись в «Пьяченцу» он провел еще сезон в серии В (37 игр, 15 голов), после чего перешел в «Парму» за 15 миллиардов лир. 27 августа 1995 года Индзаги дебютировал в серии А, проведя за сезон 15 игр и забив 2 гола. В чемпионате-1996/97, временно играя за «Аталанту», завоевал титул лучшего бомбардира (24 гола в 33-х играх), но вместо того, чтобы вернуться в «Парму», с полного согласия Карло Анчелотти летом 1997 года за 23 миллиарда лир перешел в «Ювентус». 8 июня того же года впервые сыграл за сборную страны (Италия — Бразилия, 3:3), став вскоре одним из ее ведущих игроков. 8 сентября 1999 года в отборочном матче чемпионата Европы против сборной Дании менее чем за минуту забил два гола. Его четыре сезона в «Ювентусе» выглядят следующим образом: 18 голов в 31-й игре в первом, 13 в 28-и во втором, 15 в 33-х в третьем и 11 и 28-и в четвертом. Мало еще кто столько забивал. Но многие считали, что на один забитый гол у Индзаги приходится десяток упущенных голевых моментов. И среди разочарованных и врагов Филиппо в среде бело-черных росло и число тех, кто упрекал его всего за 11 голов в чемпионате-2000/01, половину того, что забил Креспо и Кьеза и, в особенности, Шевченко, ставший главным ориентиром для бомбардиров Севера Италии. Довольно мало забил на этот раз и друг Индзаги и товарищ по отдыху и совместным вечерам Кристиан Вьери из «Интера», правда, у него было смягчающее обстоятельство: из-за травмы он появился в чемпионате уже в разгар борьбы. Все эти недоброжелатели забыли, однако, важнейшую характеристику бомбардира: среднеголевой показатель. Так вот, у «Суперпиппо» во всех играх — за клуб и сборную — он составлял 0,47, иными словами: гол за две игры.

Кроме исключительного ДНК, присущего бомбардирам, и в личной жизни были два знака судьбы, которые объединяли Шеву и Индзаги: солидарность и семья. Если «Восточный феномен» продолжал принимать участие в тысячах благотворительных мероприятий в пользу родной Украины, то и «Суперпиппо» никогда не отказывался от благотворительных праздников. И оба поддерживали теснейшую связь с родителями и всегда были готовы

проводить с ними вместе большую часть времени из того, что им оставалось от футбола. Какое имело значение, если их разделяли, например, дискотеки, которые не выносил Шева, но любил Индзаги? Значение имели только профессионализм, строгий график тренировок, готовность продать душу за гол. Два монумента. Две испытанных точнейших стрелы в колчане нового «Милана», который продолжал приобретение новых игроков.

Было еще немало других солидных имен, на которые рассчитывали как итальянские, так и другие клубы за границей. Хави Морено приехал из «Алавеса» с репутацией голеадора, одинаково бьющего с обеих ног. Он уже получил известность после гола, забитого «Интеру» в матче Кубка УЕФА.

Из той же команды приехал и румын Контра, 1975 года рождения, родом из Тимишоары, мужественный и неуступчивый защитник, который с командой басков впервые в истории клуба играл в кубке УЕФА. В сборной Румынии Контра стал прямым наследником Дана Петреску. Играющий тем сильнее, чем сложнее игра, он при необходимости бил штрафные и пришел в «Милан» с репутацией коллективного игрока, который, не играя в линии атаки, достаточно часто забивает, а все потому, что имеет привычку быстро передвигаться по всему правому краю и, при необходимости, смещаться в центр.

Контра считал, что нет «ни одного клуба в мире, который дает тебе возможность чувствовать себя так комфортно, как «Милан». Чтобы заключить с ним контракт, клуб должен был преодолеть серьезную конкуренцию со стороны «Интера» и «Реала» (Мадрид), до последнего момента пытавшихся заполучить румына.

Кроме Хави Морено из числа красно-черных Контра был также знаком с Фернандо Редондо (с ним случилось несчастье, и «Милан» совсем его не использовал) и Хосе Мари. Не мог забыть и Паоло Мальдини, после того, как они «пересеклись» в матче сборных. Шевченко он знал по десяткам видеокассет и телетрансляций и по его словам не хотел бы опекать Андрея, игрока, который произвел на него наибольшее впечатление. «Я им восхищался,

как никем другим, у него редкое, если не сказать единственное в своем роде достоинство: забивает с редким постоянством», — говорил Контра.

«Милан» постоянно старался вводить в состав свежие силы. Массимо Донати (1981 г.р.), к примеру, неожиданно показавший себя в «Аталанте» (26 игр в чемпионате-2000/01), быстро стал не просто надеждой итальянского футбола, а его ощутимой реальностью. Он чувствовал, что предназначен для «Милана», и больше всего ему нравилось «построение маневра». И он мечтал об элегантных проходах и пассах, которые синхронно введут в действие все шестеренки механизма атаки. «Шевченко — это что-то потрясающее. Достаточно отдать ему точный пас», — говорил он об украинце. А когда в Милан приехал Филиппо Индзаги, Донати улыбнулся: «Главное, не упускать их из виду. С их страшным голевым чутьем, гола сопернику не миновать». Но многие уже задавали себе вопрос: а смогут ли ужиться украинец, продливший контракт до 2006 года, и пьячентинец, приехавший в «Милан» с таким же пятилетним контрактом? Вопрос очень важный, ведь пять лет их жизни могут стать пятилетней историей «Милана».

Индзаги утверждал, что к достоинствам Шевченко как футболиста добавить нечего. Они были слишком очевидны и не раз доказаны. Спортсмены встречались не только на тренировках, и у них завязались настоящие дружеские отношения. Филиппо — человек очень простой и скромный, и с ним было просто иметь дело. Проблем сосуществования не существовало. Оба стремились к победам в Италии и Европе. И немедленно. К тому же не стоило забывать, что в «Милане» было немало и других отличных нападающих: важно было найти общий язык со всеми. Как-то Индзаги сказал, что если и уйдет из «Ювентуса», то лишь в «Милан». Он вспомнил о том, что случилось пять лет назад. Отец в то время работал в Катании и встретил Сильвио Берлускони в окружении охранников, которые никого и никуда не пропускали, но когда он назвал себя, ему разрешили подойти. Как раз при этой встрече президент сказал, что когда-нибудь привезет его сына в «Милан». И сдержал слово.

Филиппо был поражен любовью, которую ему выказывали тифози, хотя много лет он играл в клубе основного противника. За четыре сезона в «Ювентусе» он раз девяносто забивал мячи, а Андрей не менее 20 раз в году. Теперь Филиппо хотел укрепить и развить свой успех. Они с Андреем друга друга поняли, хотя и не думали, что так быстро придут ко взаимопониманию. Филиппо слышал вокруг только хорошее об их отношениях, и было бы глупо отрицать, что ему доставлял огромное удовольствие страх противника перед ними. Теперь им надо было играть друг за друга. А разве у них не были совершенно разные данные? Поэтому не могло быть речи о какой-то несовместимости, более того, они были уверены, что их качества взаимодополняют друг друга...

Шева интересовался новым «Миланом», который обогатился с появлением Контра, Донати, Хави Морено и Лаурсена, но не забывал и старый, в котором в последнем чемпионате из-за травм недоставало многих ведущих игроков. Если бы не они, то, как знать, что бы у них получилось с чемпионатом и Лигой. Он думал о Фернандо Редондо, которого болельщики так и не увидели в игре и не оценили его класса, о Массимо Амброзини, уже шесть месяцев находящегося вне игры и, особенно, о Деметрио Альбертини, одном из лидеров и опоре «Милана». Ну что ж, теперь они здоровы, вернуться. С ними «Милан» станет еще сильнее. Что же касается новых игроков, особенно атакующих, то голевое чутье Индзаги — это панацея от многих бед, что для Шевы было небезразлично. И он с энтузиазмом и восхищением принял новый курс Фатиха Терима. Андрей вспоминал, что в игре против команд, которые готовил этот тренер, «Милан» выглядел не лучшим образом. До сих пор не зажила рана первого сезона в «Милане», когда в Стамбуле, за три минуты до финального свистка «Дьявол» проиграл «императорскому» «Галатасараю», вылетев не только из Лиги чемпионов, но и лишившись возможности побороться за Кубок УЕФА. А разве можно забыть пощечины и с трудом вытянутые игры в чемпионате и Кубке Италии против «Фиорентины», руководимой великим турком?

А позже бразды видения игры в этом «Милане по-турецки» перешли в руки блестящего и элегантного португальца — Мануэля Руй Кошта.

РЕЖИССЕР КАК ПОДАРОК

Шевченко сказал это еще до приезда Фатиха Терима в Милан: «Лучшим центром в мире, по-моему, всегда был Дунга, потом Дешам, но сегодня одним из полезнейших и ценных для команды игроков может стать Мануэль Руй Кошта, с вот такой головой». Было Рождество 2000 года. Шнурки на кошельке «Милана» были туго затянуты, тифози волновались, потому что, по их мнению, после неожиданного исчезновения Фернандо Редондо не было сделано ни одного «солидного приобретения». А мечтой Андрея стал «номер 10» «Фиорентины» — Руй Кошта.

Если не принимать во внимание тот же номер на футболке, вся история красно-черных была полна невероятных событий: от Джанни Ривера и Рууда Гуллита до Деяна Савичевича и Звонимира Бобана. Именно хорват из загребского «Динамо», приехавший в «Бари» в 1991 году и перебравшийся в «Милан» в следующем, которого по числу игр (178) среди иностранцев превосходили только Лидхольм, Нордаль, Альтафини и Шнеллингер. Тот самый хорват, что до слез разволновался, когда весь «Сан-Сиро» стоя прощался с ним перед его переходом в «Сельту» (Виго) среди моря лозунгов и плакатов с надписью «Спасибо, Зорро», тот, что прощаясь с «Миланом», клялся в вечной любви. Так вот, синьоры, даже он в свое время соглашался с Андреем. Он говорил: «Имейте в виду, если и есть кто-то похожий на меня — это Руй Кошта. У него есть все, чтобы делать добро и развлекать людей, и моя футболка будет на добрых плечах». Подтверждением абсолютной правоты Андрей было не только мнение Бобана, но и «железного нержавеющей» игрока, который несколько лет назад повесил свои бутсы на гвоздик. Подумать только: в последние дни своей карьеры Мануэль Руй Кошта все еще думал о Франко Барези, чье расставание с футболом вынудило «Милан» навсегда отказаться от футболки «№ 6», поскольку руководство считало, что футболисты подобного уровня, с такой преданностью клубу и с такими достижениями встречаются раз в тысячу лет. Да и сам Барези говорил, что

португалец великолепен, элегантен, прекрасно видит поле, в общем, настоящий миланец. Не стоит уже говорить, что обо всем этом думал Фатих Терим, ведь это он переманил португальца в «Милан». Вместе они воплотили не одну идею, Кошта всегда стоял на вершине устремлений Терима и был тем, кто в руках режиссера мог изменить судьбу клуба. Так что, тренер и украинский бомбардир объединились во имя Руй Кошта.

Португалец родился 29 марта 1972 года и в юности играл в театре. В двух шагах от квартала Бенфика и стадиона «Да Луш» Мануэль играл потерпевшего кораблекрушение в каком-то спектакле. Отец, Витор Кошта, с детства игравший в нападении и даже забивший один гол легендарной «Бенфике», записывал в свой дневник все, что касалось сына с девяти лет. Комната Мануэля постепенно заполнялась бутсами, лентами, фотографиями и постерами сначала Мишеля Платини, потом Диего Марадоны и, наконец, миланца Марка ван Бастена, превращаясь в подобие некоего футбольного святилища. Театральный опыт тоже помог мальчику в развитии.

Секрет заключался в его душе футболиста и в его характере. Он был меланхоликом, как и все люди, убежденные в том, что надо сделать все возможное, чтобы не разочаровать остальных. Он был искренним и честным, как человек, верящий в то, что форму надо носить не только из-за денег. А когда надо он мог быть и вдумчивым, и сумеречным, как это свойственно гениям.

У «Фиорентины» уже был собственный лидер, Габриэль Батистута, но Мануэль Руй Кошта был еще и человеком, с которым можно поговорить в раздевалке, который может поднять настроение, «определить температуру на поле» и каждое воскресенье доказывать, что для того, чтобы быть ведущим игроком, нет необходимости быть пророком или магом. Нужна единственная вещь — талант.

В марте 1982 года Руй Кошта, которому едва исполнилось девять с половиной лет, впервые вошел на легендарный стадион «Бенфика» не как болельщик, а как кандидат в юношескую команду. У него задрожали коленки,

едва он увидел, что у входа стоит сам неповторимый Эйсебио. И он чуть не умер от волнения, когда этот бог во плоти, эта знаменитая «Черная пантера» попросила его прийти на следующий день на настоящий футбол в настоящей юношеской команде «Бенфика» с ребятами старше его. Так за короткое время ему дважды повезло. В тот же день папа Витор подписал соглашение, по которому, в сущности, Руй переходил в руки самой любимой и знаменитой португальской команды, в которой прошел все ступени от мальчиков до юниоров и далее со всеми сопутствующими ошибками и разочарованиями, даже травмами, но с неизменной железной волей, вплоть до появления в высшей лиге. Через несколько лет он познакомился с Руте, которой тогда не было и пятнадцати, и был покорен ее красотой и мягкостью. Свадьбу сыграли 26 июня 1993 года в церкви Херонимоса с ее двориком, дорогим сердцу каждого коренного лиссабонца.

Потом пришли радостные дни побед. В 1989 году он стал чемпионом Европы среди 16-летних, а через два года чемпионом мира среди юниоров. Он с энтузиазмом выступил как новичок в высшей лиге 22 сентября 1991 года в матче «Бенфика» — «Эшторил» (2:2) и испытал настоящую эйфорию в своей дебютной игре 31 марта 1993 года в составе сборной Португалии в Берне против Швейцарии и после первого гола 9 июня в игре против Мальты. Это произошло за неделю до свадьбы.

Теперь Мануэль уже жил для «Бенфики» и в ее среде. За три сезона они выиграли Кубок Португалии (1993) и победили в национальном чемпионате (1994). Когда 10-й номер бразилец Валдо уходил в «Пари Сен-Жермен», он официально заявил: «Я ухожу со спокойной душой. Команда не должна беспокоиться. У нее уже есть свой «номер 10» — Руй Кошта». Так Мануэль стал работать со Свенном-Ёраном Эрикссоном. Тот возложил на него полную ответственность за середину поля в составе команды, которая за два года до этого была противником «Милана» в финале Кубка чемпионов, судьбу которого решил гол Райкаарда. А некоторое время спустя, накануне своего перехода в «Сампдорию» Эрикссон сказал: «Не кипятись, Руй. Продолжай

работать, как теперь, и через три года ты будешь в Италии». Он оказался добрым пророком. И первой командой, которая, помимо «Лацио», им заинтересовалась, была «Сампдория». Но «Фиорентина» оказалась шустрее и выслала в качестве головного дозора Джанкарло Антоньони и Оресте Чинквини. Встречу организовал Джованни Бранкини, один из известных итальянских агентов. Она произошла в одной из гостиниц Монпелье, где совсем недавно в финале молодежного чемпионата Европы итальянская команда Чезаре Мальдини победила португальцев. «Хотя вы и проиграли, ты был просто молодец. Поздравляю!» — сказал Антоньони Руй Коште. А тем временем с большой настойчивостью его звали в «Барселону», но когда Антоньони и Чинквини вернулись в Лиссабон вместе с директором-распорядителем Лучано Луна, Руй Кошта уже сделал свой выбор.

Встреча с Флоренцией летом 1994 года была искренней и сердечной. Достаточно было нескольких недель, чтобы понять: многие ждут, что Руй Кошта под руководством тренера Клаудио Раньери, отношения с которым у него не всегда были идиллическими, немедленно станет новым Антоньони или Баджо.

Приезд Альберто Малезани с его методикой тренировок вызвал некоторую неуверенность. Но с первыми же победами неуверенность уступила место любопытству, интересу и надеждам. А у Руй Кошты, между тем, случались и довольно неприятные вещи. Например, в 1997 году он получил сильный удар в поясницу во время игры с «Интером».

Поворот произошел после знаменитой ничьей с «Пармой». Руй Кошта мог бы вспомнить стычку в раздевалке между Витторио Чекки Гори и тренером, и то, что команда выступила в защиту Малезани. Позже состоялась специальная встреча между президентом клуба и игроками, после которой последовали еще несколько отличных встреч, команда поднялась на пятое место в чемпионате, дающее путевку в Кубок УЕФА. Но эпизод в Парме был всего лишь предисловием к разводу между Витторио Чекки Гори и Альберто

Малезани. «Я желаю Вам завоевать все, даже то, чего мы сделать не сможем», — сказал португалец при прощании.

На Арно прибыл Джованни Трапаттони, главное действующее лицо сезона, в котором можно было бы пойти далеко, если бы не капризы бразильца Эдмундо с его карнавалом (бразилец самовольно покинул команду и уехал в разгар сезона домой — прим. ред.) и, в особенности, если бы Габриэль Батистута не получил травму именно на «Сан-Сиро» и именно в игре с «Миланом». И вот неукротимый Руй Кошта пришел в раздевалку и говорит Трапу: «Теперь, когда нам предстоит сыграть несколько игр без Габриэля, надо сыграть и за себя, и за него». С Трапаттони португалец еще раз подтвердил, что он настоящий лидер.

Когда настала очередь Трапа покинуть Арно, приехал Фатих Терим. Читатель уже знает, чем это закончилось. Но, покидая Флоренцию, турок сам себе честью поклялся сделать все возможное, чтобы сохранить Руй Кошта в команде. Мануэль и сам хотел продолжать тренировки, тем более многие признавали за ним роль, как бы, второго тренера на поле, который может дать необходимые указания товарищам по команде в моменты, когда нет времени или команды со скамейки не доходят до играющих. Но при всей своей глубокой любви к «Фиорентине» и ее болельщикам, португалец понимал, что после Суперкубка Лиги (1996) и двух кубков Италии (1996 и 2001) пришло время отъезда и для него, хотя бы потому, что он не представлял на каком тесте будет замешана новая «Фиорентина» и какие проекты клуб захочет реализовать, чтобы пришить себе на грудь эмблему национального чемпиона.

Андрей Шевченко изучал игру Кошты в первые два года своей жизни в Милане по матчам с «Фиорентиной», по телетрансляциям и видеокассетам. И ему очень захотелось, чтобы этот человек появился в его команде. Между тем, у него самого наступил непростой период жизни. В павийской клинике Сан-Маттео Шева никому не отказывал в улыбке, хотя ему было не до веселья из-за отца с его больным сердцем, которому профессор Марио Вигано недавно пересадил новое. Его пожертвовали ему родители одного молодого человека из

Виченцы, погибшего в ДТП. Шева не делал тайны из этого личного, глубоко печалившего его события. Со всеми он оставался безукоризненно корректным и, как любой нормальный человек старался поддерживать в коллективе чувство солидарности, веры и надежды на лучшее. Он регулярно приезжал в Миланелло на тренировки, летом играл в товарищеских матчах, интересовался новостями футбольного рынка и время от времени замечал, что было бы очень неплохо иметь рядом Мануэля Руй Кошту как организатора игры. Об этом уже не раз говорили и Франко Барези и Звонимир Бобан, который готовился к отъезду в «Сельту» и готов был передать Андрею свою футболку под номером 10. Все это, в итоге, послужило поддержкой хитроумного плана, который давно задумали Адриано Галлиани и Ариедо Брайда.

Приезд Фатиха Терима в Милан, естественно, облегчил переезд и устройство португальца. Но все оказалось не таким простым, как могло показаться. Более того, Руй стал предметом вождения стольких клубов, что без тонкой дипломатии и хитрых маневров было бы почти невозможно надеть на него красно-черную футболку. Говорили, что, если, с одной стороны, Кошта очень нравился Шеве, то, с другой, настолько не нравился главному бомбардиру «Лацио» Эрнану Креспо, что тот готов был применить самый страшный прессинг против собственного патрона Серджо Краньотти, лишь бы тот не покупал португальца. Посматривал на Кошту и мадридский «Реал», готовый воспользоваться финансовым кризисом «Фиорентины». А что сказать о «Парме», возглавляемой кавалером Калисто Танци, который одним махом за 140 миллиардов захотел купить у «Фиорентины» не только центра нападения, но и вратаря Франческо Тольдо?

«Кампания по покупке игроков, за исключением Индзаги, закрыта», — говорил Галлиани, который, не прекращая настойчиво преследовать португальца, в сущности, не лгал. Мать родная, «Фининвест», очень внимательно следя за бюджетом «Милана», его экономическим оздоровлением и обновлением, не отпускала достаточных средств на эту покупку.

Терим же продолжал давить как на португальца, так и на руководство клуба под двумя предложениями: Руй Кошта был бы необходим, даже если бы Редондо был здоров; Мануэль — мой основной кандидат на центрального нападающего.

«Милан» приобрел Руй Кошту, оставив вне игры даже «Лацио». При первом знакомстве с «Дьяволом» Мануэль тоже употребил слово «судьба», как бы желая подчеркнуть, что он рос, следя за «Миланом» Арриго Сакки и что с того времени, как эта команда выиграла Кубок чемпионов у «Бенфики», он стал считать красно-черных символом мирового футбола. Стало быть, он мечтал, чтобы «Милан» стал его судьбой. Ну, чем не брак по любви! Разумеется, на этот выбор повлияло и присутствие Терима в «Милане», принимая во внимание их полезную совместную работу, но главную роль здесь сыграла заинтересованность самого «Милана» и самого Берлускони — да, синьоры! — в будущем португальца, в его судьбе.

Говорили, что Берлускони, желая сдержать обещание перед болельщиками и практически доказать, что после увольнения Дзаккерони он действительно занялся командой, стал внимательно следить за котировками Руи Кошты на футбольном рынке и не раз не переборщил в цене. Как раз в то время он был на ужине с Витторио Чекки Гори. Их беседа, должно быть, была настолько сердечной, что, несмотря на упорные слухи о некоторых последних разногласиях, президент «Фиорентины» вышел из-за стола, радостно повторяя: «Я вновь встретился с Берлускони, старым верным другом, душевным и сердечным. Конфалоньери? Еще один старый друг». Никаких намеков на футбол и Руи Кошту. Однако это приобретение принесло в кассу клуба живые деньги, что несколько облегчило проблемы «Фиорентины», которая все еще находилась не в ладах с судом и имела долги. Поэтому, надо думать, Берлускони в ходе этих переговоров руководствовался исключительно практическими соображениями, как, потому, что этого недвусмысленно хотел сам футболист, так и потому, что никаких препятствий к переходу не существовало.

Той же ночью, до того, как был дан зеленый свет на приобретение Руй Кошты, украинский бомбардир несколько минут говорил с президентом по телефону и не мог не подчеркнуть, что, как всем известно, играть с португальцем было его давнишней мечтой, что Кошта, по его скромному мнению, — лучший из современных центров нападения, что это — футболист-команда, способный делать, что угодно, даже до такой степени увеличить скорость, что любого противника застанет врасплох, что рядом с Коштой на поле, особенно для него, забивающего, создавать голевые моменты намного проще. Президент несколько не удивился. Он все внимательно выслушал и, прежде чем опустить трубку, успокоил Андрея, как будто хотел сказать: «Дорогой Андрей, я все понял, и я так думаю и, значит, сделаю вам такой подарок».

Так значит это Шевченко в заключительном раунде... купил Руй Кошту? «Не будем преувеличивать, — улыбаясь отшучивался Андрей. — Я хотел, чтобы команда укрепилась. А президент сделал нам прекрасный подарок. Мне просто первому повезло узнать, что Мануэль перейдет в «Милан», и поговорить с президентом до его решения о покупке. Я считаю, что это был жест благодарности со стороны президента, который понял, что каждому из нас и всей команде нужна гвоздика в петлице. Вот почему его подарок для всех имеет огромное значение». Как бы на это ни смотреть, но с точки зрения истории — факт, что телефонный разговор Берлускони с Галлиани состоялся после разговора Берлускони с Шевченко. Андрей постарался умолчать о еще одной немаловажной детали личного характера разговора с президентом. Конечно же, речь шла и о продлении его собственного контракта, срок действия которого до 30 июня 2006 года предусматривал ежегодную выплату, равную девяти с половиной миллиардам лир. А с другой стороны, разве можно было себе представить сегодняшний «Милан» без Андрея Шевченко? И разве подпись Шевы под новым пятилетним контрактом не подчеркивала значения и блеска нового курса красно-черных, в котором украинец, португалец и итальянец Индзаги становились главными героями нового «футбольного романа»? В ту

ночь, когда Берлускони сказал «да» Руй Коште, он вновь «приобрел» и Андрея, связав его с «Миланом» еще на пять лет. (Украинец утверждает, что останется в команде на всю жизнь).

Сообщение Шевченко о разговоре с Берлускони и весть о подарке были встречены всеми криками одобрения. Не говоря уже о Териме. Тот был сама радость — теперь рядом с ним был «атомный» центр и настоящий друг. И тот же Индзаги, много лет игравший рядом с невероятным Зинедином Зиданом, перешедшим из «Ювентуса» в «Реал» (Мадрид), тоже в стороне не остался! Он клялся, что у француза и португальца абсолютно разный стиль игры, но что достоинства командной атаки еще больше подчеркивались таким футболистом, как Руй Кошта.

Шева (как до него Барези и Бобан) был того же мнения насчет Руй Кошты еще когда и намека не было на то, что когда-нибудь португалец уйдет из «Фиорентины». Даже ее великий и славный болельщик, Индро Монтанелли, в последние дни в миланской клинике «Ла Мадоннина» попросил поставить ему в палату телевизор, чтобы иметь возможность посмотреть игру португальца в товарищеской встрече «Варезе» — «Милан». «Для меня — это большая честь, и очень жаль, что я не знал его раньше», — сказал комментатор. Шева по этому поводу говорил: «Взрыв интереса к новым приобретениям означает, что мы на верном пути».

Многие разочарованные были вновь очарованы «Дьяволом» и стали ждать начала нового сезона. И тут же произошел резкий скачок роста продаж абонементов. В середине августа количество проданных абонементов превысило 42000. Адриано Галлиани говорил: «Думаю, мы дойдем до пятидесяти. Было бы приятно сознавать, что «Милан» снова стал первым по числу абонентов». А Миланелло вновь превратился в центр паломничества с огромным количеством заядлых болельщиков, которые заполняли аллею, ведущую к центральному входу стадиона вплоть до самого козырька. Действительно, прав был писатель Джанни Брера, когда говорил: можно менять жену, невесту, любовницу, друзей, квартал, дом, работу, в общем, все, что

хочешь, но только не любимую команду. Ренегаты могут встречаться в политике и в делах, в общественной и личной жизни, но не среди болельщиков. Если верно то, что настоящая, серьезная болезнь может задохнуться в нафталине в периоды спада и питать ее могут лишь успехи и победы, так же верно и то, что для ее оживления надежд необходимы дозированные инъекции из чемпионов, а это само по себе, не говоря уже об эффективных результатах, достаточно тонизирует. Вот и стих гул недовольства, продолжавшийся месяцами в ожидании сильной встряски. Да и что может быть мощнее трио в составе Руй Кошта — Шевченко — Индзаги?

ТЕ, ИЗ 1987 ГОДА...

Три тысячи, четыре, пять тысяч... Так считали миланские таксисты, подвозившие болельщиков в Миланелло. До десяти тысяч тифози пришли полюбоваться на новый «Милан». Хор восторженных возгласов, аплодисменты. Молодые люди даже забрались на деревья. «С таким «Миланом» и «Императором» мы завоюем триколор», — написано на одном из полотняных лозунгов. Их тут масса. Много на местном диалекте: «Шева, Руй, Пиппо: ghe n'è minga», что, в общем означает: с этой троицей никому ничего не светит.

В воздухе носились шутки. Кто-то спросил Фатиха: «А знаешь, приятель, что если через три месяца ты не победишь, то на твоём месте может оказаться Карлетто Анчелотти?» Турок, элегантный, загорелый и улыбающийся, тут же его отбрил: «В футболе все бывает, и я готов к этому, но у меня привычка, чтоб меня везде хотели и ниоткуда не гнали. Через три месяца ко мне приедут Ариедо Брайда и Адриано Галлиани и предложат продлить контракт еще на два. Спорим?» Болельщики выражают жестами бурное одобрение, обнимают тренера, шлют воздушные поцелуи. Слышен боевой клич на диалекте, он же и программа действий: «Fati`, Terim!» — Давай, Терим! Мы в твоих руках. И «Император», вспомнив о своей старой теории, по которой победить может только команда, редко когда отдельный игрок, обещает прессинг, непрерывность и постоянство, коллективную спайку.

Нет, он не может сказать, что не страдал от стрессов. Разводит руками. Бесполезно спрашивать, кто из них — Андрей Шевченко или Филиппо Индзаги — будет первым нападающим. Будем играть с двумя, и пусть не будет ни первого, ни второго. Однако, вице-президент Галлиани предложил свое понимание проблемы в пользу многосторонности украинского бомбардира: было замечено, что забивал только Шева и потому решили ввести в состав команды игроков, способных забивать голы. В толпе передавали слухи об Альберто Дзаккерони. Он сказал, что после такой сделки он тоже предпочел бы тренировать «Милан».

«Это атмосфера 1987 года. Я чувствую себя, как тогда», — сказал Адриано Галлиани, обрадованный тем, что «Фининвест» прислушался, наконец, к его мольбам о «конкурентоспособной команде». И он говорил это как болельщик, потому, что как руководителю ему ничего не оставалось, как «запустить пальцы в остатки волос». Ведь мы живем в стране, где разные организации теряют тысячи миллиардов, стоимость максимальная, телеправа на грани риска и, если ты хочешь создать настоящую команду-победительницу, ты обязательно выйдешь за рамки бюджета и обратишься к большинству акционеров, чтобы компенсировать убытки.

Но вспоминать о тех «из 87-го» означало предаваться ностальгическим мучениям и былой страсти, потому что приходили на ум мифические фигуры Рууда Гуллита и Марко ван Бастена, которые означали период бесконечной кавалькады побед красно-черных. И сам факт, что такой осторожный руководитель, как Галлиани, не поколебался их воскресить и поставить рядом с новым направлением — «Милан» непобедимых — вызывал у многих крупные слезы на глазах и священный трепет. И было бы слишком верным и само собой разумеющимся, чтобы вице-президент, хотя бы в силу своего положения, стал глашатаем энтузиазма, стимулятором адреналина и первым выразителем чувств болельщиков, которые непрерывной змеей автомобилей тянулись от автострады Солбьате Арно до Миланелло на первую тренировку. На сей раз их действительно было десять тысяч. Они толпились по всем уголкам, висели на ограждении и поднимались на цыпочки, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Никаких патрулей заграждения, только мирная толпа аж до первых домов Карнаго. Такого не было уже давно. И пришлось капитану Паоло Мальдини внести ноту реализма: не так-то просто было организовать непобедимую команду, которая бы выиграла все. Трудно подобрать сравнения. Конечно, этот «Милан» желает быть главным действующим лицом, а окружающая его эйфория превращается в обязательство играть как следует и относиться к этому предельно ответственно. К этим обязательствам полностью присоединился и Пиппо Индзаги. А Мануэль Руй Кошта, готовый во всем поддержать

бомбардиров, на все четыре стороны заявлял, что поступил правильно, перейдя в «Милан».

«Он будет играть у Вас как Хаджи в «Галатасарае»?» — спрашивали у «Императора». «Да нет. Ничего общего с Хаджи», — отрезал Терим. У него свой характер. Он личность и ведет всю команду», — подмигивал Шевченко, добавляя еще кусочек к мозаике уже известного уважения к португальцу. Он признавался, что знает португальца с лета двухтысячного года, когда они встретились в Риме во время показательного матча, посвященного наступлению нового века. Украинский бомбардир в то время и не думал о «Золотом мяче», на который нацелились Франческо Тотти и Габриэль Батистута, поскольку «Рома» уже выиграла чемпионат страны и теперь могла попытаться счастья в Лиге чемпионов. Он пытался сконцентрироваться, прежде всего, на том, чтобы максимально выложиться на пользу «Милана». Но если Индзаги и Руй Кошта в глазах тысяч болельщиков представляли из себя основание новой футбольной эры, Шева был как бы связующее звено между прошлым и настоящим, в общем форейтор для новичков, стремящихся на Олимп.

Поэтому он казался самым любимым и популярным. Он жил на хозяйской стороне. Под присмотром хозяина находились все новички. Шева нередко заключал пари с Руй Коштой на игру в бильярд и не очень огорчался, если проигрывал вчистую. Часто в настоящей игре он находился сзади Индзаги и ему приходилось больше маневрировать и жертвовать собой, даже при пенальти, которые забивали другие.

Карлетто Анчелотти, гордость «Милана» еще со времен Арриго Сакки, один из самых вероятных кандидатов на тренерскую работу в «Милане», если бы не был уже занят в «Ювентусе», разлука с которым и сделала его на время обозревателем, с известной всем откровенностью писал о Фатихе Териме, высоко ценил талант Руй Кошты, хотя упрекал его за недостаточном смещении на фланги, зато не находил нужных слов похвалы, когда в нападении был дуэт Шевченко — Индзаги: потрясающее зрелище!

Из «Пармы» перешел сильный датский защитник Мартин Лаурсен, воспитанный на рассказах о Паоло Мальдини. Он гордился красно-черной футболкой, которую купил на отдыхе в приморском Бибионе. Раньше он ее возил в своем чемодане, куда бы он не переезжал. Лаурсен мастерски играл головой, не теряя скорости, хотел научиться побольше забивать, и с улыбкой говорил: «Я все время слежу за украинцем, так что попрошу маэстро Шеву научить меня, как это делается».

И вот настал день, когда президент правления клуба Сильвио Берлускони пригласил на свою виллу под Миланом тренера Фатиха Терима в сопровождении вице-президента Адриано Галлиани и генерального директора Ариедо Брайды. Состоялась первая личная встреча большого знатока футбола и турецкого «Императора». Она же стала поворотным пунктом и подтверждением того, что за несколько месяцев до встречи произошло на «Сан-Сиро», то есть недавнего вылета «Милана» из Лиги чемпионов. Практически это было равнозначно прямому увольнению Альберто Дзаккерони. И президент без колебаний поделился своими мыслями на этот счет в большом интервью, которое дал миланскому ТВ. В нем было пять пунктов, но один целиком был посвящен Шевченко, и в нем украинец был назван «царем голов».

Первое: «К тренеру у нас просьба не развлекать миланистов и немиланистов, а хоть что-то выигрывать».

Второе: «В первом тайме против «Аякса» играл «Милан», команда, которую я давно ждал. В перерыве я позвонил Галлиани и обнял его по телефону. До этого я звонил ему только для того, чтобы выразить сожаление, думаю, общее для всех болельщиков, из-за плохой игры, а теперь, повторяю, я просто счастлив после игры в первом тайме».

Третье: «Своими умными выходами Руй Кошта много раз освобождал Шевченко и Индзаги. Так держать! Потом я слушал его по этому каналу. Должен сказать: он просто молодец. Дипломат. Политик. Редко встретишь такую осмысленность в иностранном игроке. Часто они не могут

сформулировать свою мысль даже на родном языке. Если ноги у Кошты заработают как голова, он добьется огромных результатов».

Четвертое: «Я говорю болельщикам: надеюсь, у нас заболят ладоши от аплодисментов, когда на поле вернутся наши режиссеры Альбертини и Редондо. В прошлом сезоне из-за травм они играли не так организованно и умело, как это принято в «Милане».

Пятое: «Надеюсь, крупные экономические жертвы обернутся хорошими результатами. Другие команды на рынке уже приняли контрмеры. Мы примем свои против контрмер противника. Думаю, что Терим отлично подойдет, потому, что он человек, вполне определившийся и настроен на победу, а если что-то и пойдет не как надо, на поле с игроками выйдут Галлиани, Брайда и Терим и, в случае необходимости, я тоже готов».

А вот о Шеве: «Для него с Индзаги вполне достаточно иметь Руй Кошту за спиной. Если нашему бомбардиру будут помогать не как в прошлом сезоне, я думаю, он себя еще покажет. Это величайший центр нападения...»

Таким образом, все меньшее значение имели три летних игры бомбардира, в которых он не забил ничего. Но Шева и не должен был ничего и никому доказывать, за него говорил высочайший средний показатель забитых голов — 0,72 за игру. Этот показатель был выведен из суммы в 63 гола, забитых в течение первых двух сезонов в Италии, из которых 48 приходятся на чемпионат страны. Благодаря первым 24-м из них он стал лучшим бомбардиром сезона-1999/00, а еще 24 поставили его в классификации снайперов сезона 2000/01 на второе место после Эрнана Креспо из «Лацио», который забил 26 мячей. Представляете, чем могло бы это кончиться, если бы, по словам того же Берлускони, ему бы еще и как следует помогали! Так что три матча почти что ничего не значили. К тому же, украинец относил эти результаты к тому, что временами у него тяжелели ноги и он часто переходил в защиту, что давало ему возможность чаще получать мяч.

Андрей ни слова не говорил о семье и личной драме, о состоянии отца, находившегося в павийской клинике по поводу пересадки сердца. Но даже и в

этих обстоятельствах у него нашлось время, чтобы забить гол! Это произошло при игре с «Бешикташем» под дуновение стамбульского ветерка, когда Шиф Мехмет прощался с футболом. Выбрав нужный момент и обманув опекавшего его защитника, Андрей воспользовался тем, что вратарь неосторожно вышел из ворот.

«Император» ликовал. Шева носится по всему полю и забивает! Вы еще такого не видели!» Со своей стороны украинец комментировал это так: «Я прекрасно себя чувствую в новой схеме игры, хотя бегать приходится больше». А вот что сказал капитан Мальдини: «Милан» в настоящей форме. Я понял, что мы снова будем побеждать. Я два года этого дожидался. Слишком долго!» Экономический ежедневник «Милан. Финансы» присудил Сильвио Берлускони почетный знак биржи за первенство среди предпринимателей и спонсоров в области спорта. За ним следовали: итальянец из Швейцарии Эрнесто Бертарелли из фармацевтического колосса «Арес Саронно» (оплата Кубка Америки Рассела Кутта, победителя сезона 2000) и семейство Бенеттон, патронирующее «Тревизо баскет» (а также волейбол и регби). После Берлускони за поддержку футбола отмечали: Калисто Танци («Парма»), Джанни Аньелли («Ювентус»), Марко Тронкетти Провера («Интер»), Серджо Краньотти («Лацио»), Франко Сенси («Рома»), Умберто Аньелли («Ювентус»), семейство Моратти («Интер»), семейство Гадзони Фраскара («Болонья») и т.д. Но это отличие биржи означало еще и общий толчок для предпринимательской деятельности. Вот почему призыв к тем, из 1987 года, сначала от Адриано Галлиани, а потом от самого Берлускони означал и возврат к ставкам и шансам нового времени уже под знаком тех, кто защищал цвета команды в 2001 году...

Хотя голы и забивались со штрафных, и именно Шеве и «Суперпиппо» в двух чисто голевых моментах изменило голевое чутье, «Милан» в Триесте блистал больше «Интера» и «Ювентуса» и завоевал желанный трофей. Но настоящей радостной вестью стало сообщение, что Деметрио Альбертини, неукротимый лев во многих встречах, возвращается в команду после четырех месяцев вынужденного бездействия.

На Кубке «Луиджи Берлускони», ежегодной классической дуэли нового «Милана» и нового «Ювентуса» в присутствии шестидесяти тысяч зрителей на трибунах «Ла Скалы футбола» (сбор — почти два миллиарда лир), после двух бесцветных таймов черно-красные сравняли счет (1:1), но по пенальти победили туринцы. Этот престижный трофей достоин всяческого уважения и борьбы до последнего, но все же это не скудетто. История Кубка подтверждает, что те, кто его выигрывали, как бы взамен полученной славы и записи в анналах, не выигрывали национального чемпионата. История, например, говорит, что гол миланца Эранио вознес до седьмого неба тренера Табареса, но потом Марчелло Липпи завоевал триколор в чемпионате-1996/97, что два гола тогдашнего ювентинца Индзаги 19 августа 1997 года свели на нет преимущество миланца Бирхоффа, но именно «Милан» Альберто Дзаккерони стал чемпионом Италии. Стало быть, приз «Ювентусу» и скудетто «Милану»? Это было бы слишком просто, если учесть, что в чемпионате выступают не две, а 18 команд и что в нем участвуют такие объединения, которые в строго алфавитном порядке звучат так: «Интер», «Лацио», «Парма», «Рома».

Дуэль между «Миланом» и «Ювентусом» выявила еще и некоторые проблемы несовместимости между португальцем Руй Коштой и бразильцем Сержинью, которого не очень любил Дзаккерони в своем «Милане», но оценил Чезаре Мальдини в своем. Он был смертельно опасен на последних 20—25 метрах от ворот, но совершенно забывал, что необходимо вовремя отступить. Тут возникала и проблема равновесия в игре. Поэтому говорили, что «Император» предъявит ему нечто вроде ультиматума: гениальность и неожиданность — это прекрасно, но или занимайся защитой, или отправляйся на скамейку запасных. Кроме того, возникла необходимость, чтобы Руй Кошту, в качестве режиссера игры, поддерживал сильный нападающий. Поэтому возникала настоящая необходимость возвращения в команду Альбертини, с которым оказалась связанной судьба Сержинью и которого Терим считал одним из самых больших талантов «Милана», игроком с отличными данными и заслуживающим места среди именитых. А тренер по общефизической

подготовке Винченцо Пинколини тем временем с обнаженной шпагой встал на защиту рабочего плана подготовки, составленного Теримом. И он был не одинок. Другие специалисты отмечали, как во время своих занятий по технике, тактике и психологии турок организовывал разгрузку, постоянно стараясь улучшить атмосферу в личных и групповых отношениях. И сам Сильвано Рамаччони, заслуженный человек и живая история черно-красных, не сомневался: «Император» — почти маэстро, он, как Арриго Сакки, поднимается на подиум и дирижирует тактикой и прессингом».

Помимо того, что в этом футболе Третьего тысячелетия не было тренера, который мог бы надолго примириться с поражением и которому нужны были только победы, пытаюсь разобраться в новой обстановке, становилось ясно, что каждый участник оркестра нового «Милана» уже держал на пюпитре собственную партитуру. Шева — основной атакующий в тандеме с Индзаги при поддержке и режиссерских указаниях Руя Кошты. А поскольку с черно-синего побережья звучали трубы в честь прибытия Эктора Купера из «Валенсии», Кристиана Вьери, которого Массимо Моратти отговорил уходить в «Ювентус», и в честь возвращения Роналдо, Филиппо Индзаги говорил: «Возвращение Роналдо — благо для всего футбола, тандем Вьери — Роналдо — это потрясающая пара, но мы с Шевой не останемся сторонними наблюдателями, мы уже продемонстрировали отличное взаимопонимание, но мы его еще больше усовершенствуем. Мы прекрасно ладим и знаем, что нам надо». Аргументы исчерпаны.

В футболе, который, правильно или нет, обвиняют в растущей меркантильности, а футболистов в погоне за деньгами и благами, понять настоящий характер и разобраться в душе человека можно, только когда он сильно переживает. Для Шевы (мы это знали) сама бедность Украины, сама трагедия народа, ожидание экономической и политической стабильности, всегда были причиной раздумий о перспективе лучших времен. И хотя мы вместе с ним переживали радости и огорчения, надежды и мечты, мы, оказывается, совсем себе не представляли, до какой же степени он — не хочу

сказать, белая ворона, — способен на самопожертвование во имя футбола и своего «Милана». Шева решил выходить на каждую игру и никогда не пропускал тренировок, даже когда в Павии его отца готовили к операции по пересадке сердца и после операции, продолжавшейся семь часов и закончившейся переводом отца в отделение интенсивной терапии. А накануне встречи «Милан» — «Ювентус», хотя «Император» и руководство клуба разрешили ему свободный выбор, он сказал, что будет играть со всеми, и что отец, которому только 54 года, сказал бы ему то же самое. И тогда в памяти многих всплыла история отца, Николая, которому пришлось оставить армию из-за болезни сердца, и матери Любы, которая всегда была с ним рядом в самые трудные дни, история семьи Шевченко, которая регулярно на много месяцев приезжала в Милан, чтобы сын ни минуты не страдал от ностальгии. И не важно было, что Андрей отлично акклиматизировался, завел себе друзей, уже хорошо говорил по-итальянски и чувствовал себя не столько заядлым миланистом, сколько настоящим миланцем.

Всегда быть на поле — стало делом чести всего семейства Шевченко. Для самого Шева на первом месте стояли долг перед болельщиками, честь мундира, защита прошлого и, прежде всего, мысли о будущем «Милана». Но все это можно было понять только по выражению его лица и блеску глаз, рот был на замке. В общем, все это касалось только его самого и его семьи. И при всей гордости и честности он, видимо, даже не отдавал себе отчета в том, что при современном состоянии футбола (издевательские намеки по поводу допинга, фальшивые паспорта, насилие, хулиганство) он становится символом чистой игры, на грани героизма и силы духа, без излишней риторики. И Андрей, действительно, вел себя так, как будто дело шло о самых обычных вещах.

В восточной Украине, в районе Донецка, в пятистах метрах от поверхности, в недрах земли, все больше прорываемой вглубь с возрастающим пренебрежением к мерам безопасности, 36 шахтеров были разорваны взрывом рудничного газа. По крайней мере 14 пропали без вести при пожаре, 22 тяжело

раненых, 150 с тяжелыми ожогами, пробираясь через трупы, с ужасом, застывшим в глазах, сами выбрались наружу. Взрыв был слышен в ближайшем населенном пункте, и дети, привыкшие расти в одном из самых взрывоопасных в мире мест, вопросов не задавали, а просто заплакали.

Эхо этого взрыва раздалось и в Италии. Говорят, что Шева, как обычно, позвонил, чтобы узнать, как и почему это произошло, и выразить свои соболезнования. Теперь это уже был не бледный мальчик и не слишком блондин. В отличие от первого раза, когда он появился в Агрополи, а затем проехал через Рим и Милан, никто уже не говорил: «Смотрите, это мальчик из Чернобыля».

Это красивый молодой человек с потемневшими волосами. Но, главное, у него теперь был скипетр, трон и корона «короля голов», основной стенобитной машины атакующей линии «Милана». «Смотрите, это Шева!» — говорили теперь. Эти ласковые слова значили гораздо больше, чем Его величество король кожаного мяча. Это был конец сказки, в которой украинский бомбардир превращался в волшебного флейтиста и под звуки ударов по мячу заполнял целые стадионы.

«Давай, Шева!» — слышалось все чаще со всех сторон. Так же, как и прекрасный лебедь в старой сказке, мальчик из Чернобыля изменился. Теперь у него была масса прозвищ (они нам известны), но оставалось одно, которое в орбите «Дьявола» все чаще брало верх и выражало сущность: «Восточный феномен». Так что теперь это уже не отголоски легенды с Украины и из Киева, а современная сказка связанная с Мадонниной, Навильи, «Ла Скала» и футболистами на поле «Сан-Сиро». И мы видим украинского бомбардира на фоне других премьеров и статистов, множества действующих лиц и кусочков мозаики, представляющих общую панораму — «Милан». А поскольку нет в мире более прогрессирующей «болезни», чем футбол, в нашем рассказе еще остается немало чистых страниц. Многое еще предстоит дописать. Но разве в этом суть? Важно, что это добрая сказка, и что ее слушали простые люди и сосед, открывши дверь, может просто сказать пришельцу: «Чао, Шева!»

ЕСЛИ ТЫ ЛИДЕР...

«Я себя знаю. Мне надо некоторое время, чтобы войти в форму», — говорил Шева. Уходило лето. Оставалось совсем немного дней до начала осени. Мощная машина чемпионата-2001/02 уже развела пары и готовилась к старту. Реактивному «Милану» удалось свести вничью матч с «Брешией» после первого безнадежного тайма, что не помешало всем единодушно распять Фатиха Терима на кресте, особенно из-за состава команды. На другой день Адриано Галлиани пришлось даже сказать, что «тренер целиком уверен в команде». Тот факт, что именно с этого матча, из-за несчастного случая с Руй Коштой, несколько недель пришлось играть без него, отвлек общее внимание от другой теоретической темы: на месте Терима мог вполне оказаться шикарный безработный Карлетто Анчелотти, на которого клуб смотрел всегда благожелательно. «Дайте нам возможность поработать спокойно. «Милан» хорошая команда и сможет бороться за скудетто до конца», — уверял Шева. Однако каждый воскресный матч превращался теперь в экзамен, ставший до того привычным, что игры смотрелись как балетное приложение к настоящему футболу. Это входило в обычай, как и статистика. А по статистике выходило, что по среднеголевому показателю — 0,75 — Шевченко занимает первое место среди активно действующих бомбардиров, даже выше Роналдо (0,724). Но надо иметь в виду, что игрок «Интера» долго не выступал. Встретившись с Роналдо в ресторане, украинский снайпер сказал: «Для блага международного футбола ты должен вернуться как можно быстрее».

Если предположить, что это было необходимо, «знаменитая голозабывающая фирма Шевченко — Индзаги» представила свои верительные грамоты в Удине в виде двух классно забитых мячей. Окончательно пропали всяческие сомнения о результативности этого тандема. «Теперь Пиппо — главный нападающий, и это не снижает моей роли», — сказал украинец. «Эти двое могут летать. Даже тот, кто вне игры, имеет свое значение», — сказал итальянец. На весь разворот спортивного приложения — заголовок «Шева —

Индзаги — золото «Милана». И не только это. Шевченко забил свой первый мяч, который стал уже пятым за два года, проведенным в ворота «Удинезе», и четвертым за три матча. Особенно хорош был второй. Шевченко бился за команду холодным оружием и получил «семерку» (высший балл — 10 — *прим. ред.*) Он вел себя как старший брат и даже подбадривал защитника справа с ленточкой в волосах, Юмит Давала, любимца Терима в «Галатасарае», которого тренер пригласил в «Милан». Между прочим, «юмит» по-турецки — надежда, а в прекраснейшем, хотя и труднейшем итальянском чемпионате нет более любимого, особенно тренерами, слова: надежда на победу, надежда, что никто из игроков не пострадает, надежда подольше удержаться на своем посту, надежда, что не произойдет каких-то неприятностей и т. д. и т. п. В футболе за минуту может случиться то, что месяцами казалось невероятным. Подумать только, Альберто Дзаккерони, бывший тренер «Милана» сменил Дино Дзоффа в «Лацио» и впервые в этом качестве вышел на поле «Сан-Сиро» против своего любимого «Милана», который, если не считать короткого междуцарствия Мальдини — Тассотти, уже много месяцев находился во власти турецкого «Императора».

Сказочный вечер. Избранная публика, которая могла бы раздавать автографы тем, кто купил билеты. 46276 абонентов, на целых шесть тысяч больше, чем в предыдущем. Невероятное число болельщиков еще и из-за того, что вернулся Руй Кошта и кончился кошмар его отсутствия из-за травмы на нескольких играх, что можно приравнять к отсутствию режиссера в хорошей труппе. Не будем говорить уже о прекрасном приеме, оказанном Дзаку его почитателями. Но со свистком о начале матча все становится на свои места. Стало ясно, что не правы те, кто неделями пытался доказать, что у неистового Сержинью будут подрезаны крыльями после возвращения Руй Кошты и что вообще их не будут использовать на поле одновременно. Со своей стороны, Деметрио Альбертини сыгрался с Руй Коштой и подтвердил, что тот необходим в основной мозаике команды. А вот и пара ошибок Каладзе в защите, которые никто не использовал как предлог, чтобы упрекнуть отличного игрока до того

добропорядочного, что он готов уйти из команды, если ему не доверяют. К тому же, из-за случившегося с братом он играл в угнетенном состоянии и не на своем обычном месте. «Милан» выиграл у «Лацио» 2:0. Турецкий Наполеон победил итальянского. Радость Терима трудно было описать: «Руй Кошта и Альбертини вместе смотрелись прекрасно. День ото дня мы играем лучше, и я уверен, что сможем играть еще лучше». Индзаги: «Какой праздник! Не хватало только гола Шева». Но украинец, который на сей раз находился «под особым присмотром» и частенько доставлял беспокойство защитникам «Лацио», все равно был доволен. У него появилась новая философия, и с этой точки зрения он часто повторял, что команда — прежде всего. «Я хочу победить. Титул лучшего бомбардира меня не интересует». Но, поскольку чувство благодарности воспитывалось в нем с детства, в то время как прожектора «Сан-Сиро» после матча «Милан» — «Лацио» уже готовы были погаснуть, многие видели, как Шева шел обнять Дзаккерони. И тогда они вспомнили о боевой встрече «Лацио» — «Милан» (4:4), в которой Шева выступил главным действующим лицом и внушил Дзаку мысль, что при такой зрелищной игре каждый тренер мог подняться на любую высоту.

Шева не только великий бомбардир. Он дальновидный гений. Говорят, что во время долгого отсутствия из-за травмы Руй Кошты, он, хоть и был одним из самых страстных поклонников португальца (вспомним «подарок» Берлускони), с огромным интересом следил за новым «открытием», бывшим игроком «Интера» Андреа Пирло и его участием в таких матчах, как, например, «Милан» — «БАТЭ» (Борисов, Белоруссия). Но больше всего разговоров велось о новом приобретении, на которое «Милан» возлагал массу надежд, о белорусе Виталии Кутузове. Шева, однако, подумал о нем задолго до других. Но, возможно считая, что тот еще не вполне созрел для Италии, простодушно признавался: «Когда Адриано Галлиани позвал меня, чтобы сказать, что мы пригласили Кутузова, я несколько удивился, ведь только что я говорил с киевским «Динамо» на ту же тему. Кутузов хороший игрок, а у Лобановского может стать еще лучше. Но, поскольку за ним уже наблюдали и только что

взяли к себе, значит они в нем полностью уверены». И тут же обещание взять его под свою опеку: «Кутузов не знает ни как живут в Италии, ни итальянского футбола, но я ему помогу, потому что мне нравится передавать другим то, что у меня внутри, что я накопил и понял на месте».

Он лидер. И при любых обстоятельствах говорит как лидер. «Каладзе надо оставить в покое. Если его и критиковали после матча с «Перуджей», жалко, потому что ему пока что трудно. История с братом продолжается месяцы. Он профессионал и продолжает работать, но надо же понять, что играет он с тяжестью на сердце».

Это лидер, способный сразу же утихомирить любое осиное гнездо. «Признаюсь, есть у меня проблемы в «Милане», но когда я возвращаюсь на Украину, я о них забываю. Теперь я буду думать только о сборной». Так «выдавал» Интернет. «Пожалуйста, кончай свои шуточки!» — спокойно отбивался черно-красный из Киева.

Это лидер, мечтавший вывести свою Украину на мировое первенство в Японии и Корею, но пока что отказавшийся от комментариев. Какой смысл было затевать дискуссии, если перед чемпионатом мира во Франции в 98-м сборная Украины неплохо прошла отборочный цикл, уступив в поединке Хорватии? Какой имело смысл завоевывать личные призы, когда перед Евро-2000 то же самое произошло на встрече со Словенией?

В качестве лидера ему достаточно было зажечь Украину тем единственным голом, который, уравнив счет с Польшей, открывал двери для решающих матчей ни с кем иным, как с самой мощной Германией. Не говоря уже о третьем попадании в стыковые матчи и о возможной победе Давида над Голиафом, уже само право мечтать само по себе представляло чемпионат мира в миниатюре.

«Выиграть чемпионат страны с «Миланом» и участвовать в мировом было бы прекрасно. Мечтать не вредно и не запрещается», — говорил Шева. И это тоже были слова лидера. Он хотел сказать, что не стоит креститься заранее, не стоит строить предварительных тактических планов, не стоит полагаться на

какие бы то ни было заклинания, которые вытаскивают на свет из-за моды или лишь бы поднять шумиху. И в этих словах, достойных лидера, помимо самих результатов, более того, рискуя быть разоблаченным, было самое блестящее доказательство любви и верности «Дьявола с Востока» своему «Милану» и своей маленькой Украине, которая, как Золушка, жила с верой, что сможет побывать на балу с принцами мяча. Вот почему, исписав многие страницы и дойдя до слова «конец», я признавал, что украинский футболист, его голы, его характер, его благородство и даже его доброта — все это уже достояние легенды. День за днем наполнялся роман исписанными страницами, но много осталось и пустых. Их еще надо написать. И начать с того неожиданного поворота событий, который коснулся не только Шевы и товарищей по команде, но будущего и амбиций самого «Милана». Но не было такого события, которое отвлекло бы внимание от самого украинца, безукоризненной гол-машины.

БЕЗУКОРИЗНЕННАЯ ГОЛ-МАШИНА

«Прошлым летом мадридский «Реал» обращался к нам на счет Шевченко целых три раза. Президент Перес сформулировал свои предложения, но мы на них не поддались. Тогда испанские руководители обратились в «Ювентус» и купили Зинедина Зидана». Это случилось 30 октября 2001 года. А сообщение Адриано Галлиани привело в состояние эйфории членов правления «Милана» из-за роста котировок украинского игрока, но и вызвало вздох облегчения из-за... миновавшей опасности.

Опасность была вполне серьезной, потому что, сообщение это было официальным и окончательно подтверждало слухи многомесячной давности. Становилось ясно, что управленческий баланс до 30 июня 2001 года, закрытый потерей чуть менее 60 миллиардов лир и выровненный «Фининвестом», мог бы превратиться в актив, если бы клуб принял предложение по Шевченко, оцененного, по крайней мере, в 180 миллиардов лир.

«Бюджет «Милана» — не так уж и плох, — начал с улыбкой Галлиани. — Конечно, дела у «Ювентуса» получше, но они уступили Зидана, а мы не отдали нашего Шевченко. Мы могли бы это сделать, но тогда я перед вами тут бы не выступал. Меня бы просто линчевали... Возможно, это сделал бы один из тифози... до того как мне появиться на «Сан-Сиро»... Он говорил это с удовлетворением, как мог бы это сделать любой из шести с половиной миллионов фанатов «Милана», подсчитанных в ходе опроса агентством «Абакус».

Итак, Шева — неприкасаемый, Шева — стяг, эпицентр желаний, все более глухой к песнопениям европейских сирен. И есть к этому все основания. Даже вердикт английского института статистики ОРТА, признал, что по результатам исследований международного футбола за определенный период времени и принимая во внимание длительное отсутствие того же Роналдо, Шевченко следует считать «самой совершенной гол-машиной европейского футбола».

Согласно кропотливейшим подсчетам британских специалистов, уже только по данным 102 матчей, сыгранных Шевченко в составе «Милана» (72 забитых мяча), бомбардир отличается исключительной стабильностью (один гол за 88,4 минуты; за ним идут Анри, Элбер, Оуэн, ван Нистелрой, Ривалдо, Трезеге и Рауль), точностью удара (около 62% попадания по центру ворот; лучше Анри, Трезеге и многих других) и результативностью (33% его ударов попадает в цель; у Оуэна, например, 30%). А поскольку дела обстоят именно так, может ли так быть, чтобы эти три цветка в петлице (стабильность, точность, результативность) не стоили того, чтобы вновь предложить его кандидатуру на «Золотой мяч», хотя с «Миланом» он не выиграл чемпионата страны, а сборная не попала на мировое первенство?

На второй год возник все тот же вопрос на уже привычной осенней «предвыборной кампании», во главе которой стояли самые настоящие международные спонсоры, готовые передать мяч другим игрокам суперкласса типа Тотти, Бекхэма, Оуэна, Рауля, Фигу и Зидана. Но Шева уже представлял себе тех, кто привык к подобным сценариям. И если соображения о «Золотом мяче» осенью 2001 года определенно касались его меньше, чем в предыдущем, когда он стал главным бомбардиром в свой первый итальянский сезон, его постоянное присутствие в статистических отчетах, восхвалявших его удивительную стабильность в качестве гол-машины, с одной стороны, было очень приятно, с другой, заставляла не удовлетворяться достигнутым.

Прекрасно, что к 23 октября 2001 года в 73-х матчах чемпионата Италии он забил 55 голов (20 в первых таймах, 35 во вторых) с потрясающим среднеголевым показателем 0,753, уступавшим только неколебимому Гуннару Нордалю (0,773).

Прекрасно, что в кубке Италии он забил 5 голов в восьми встречах при среднем показателе 0,625.

Прекрасно, что в матчах Еврокубков на счету Шевченко было 12 голов в 22-х играх (средний показатель 0,545). И надо снять шляпу перед 11-ю дублями и двумя хет-триками в официальных матчах и кусать локти из-за пяти ударов

по штангам и из-за двух незабитых пенальти. Но что поделаешь с этими великолепными цифрами, если они так и не привели «Милан» к победе в чемпионате Италии, Лиге чемпионов, а Украину не вывели на чемпионат мира? Вот почему во многих разговорах с самим собой у Шевченко выработался принцип: «Никогда не самоудовлетворяйся! Никогда не останавливаться на достигнутом!»

Но если Шева так и рассуждал, то «Милан» должен был считаться с реальностью чемпионата, три подзатыльника на чужом поле от «Перуджи» не мог подсластить утешительный гол Каладзе.

Если для игрока с Востока этот гол «Перудже» был глотком кислорода и моральным утешением, поражение для Терима стало ледяным душем. Но не так-то легко было выбить его из колеи! Он убедил себя, что не все еще потеряно, что коллективная работа идет хорошо и его «Милан», рано или поздно, все равно будет играть как «Милан». Но на своем поле с «Венецией» гол Шевы привел только к жалкой ничьей — 1:1, и «Император» почувствовал, что определенная нервозность в среде красно-черных болельщиков начинает перерастать в скептицизм: а, действительно, сможет ли «Милан» открыть новый цикл и повторить славные достижения 87-го года?

Шестьдесят минут дерби с «Интером» оставили на душе горечь и неуверенность. Черно-синие выигрывали и не собирались уступать. Но вот наступил перелом, начался «большой обгон» красно-черных с итоговой победой 4:2 и двумя голами Шевы, который со дня появления в Италии в чемпионате и Кубке уже провел девять мячей в ворота «Интера», шесть в ворота «Перуджи», пять — «Бари» и «Удинезе», четыре — «Болоньи», «Лацио», «Лечче» и так далее. «Император» был в такой эйфории, что твердо решил сохранить корону на голове и скипетр в руке хотя бы до конца чемпионата. К тому же говорили, что сам Сильвио Берлускони уже поздравил Терима после летней встречи с «Аяксом» и во второй раз после матча чемпионата с «Лацио». Теперь он уже в третий раз выражал откровенное удовольствие.

Стало быть, зеленая волна по всему полю? Да нет. Оставался еще «Милан». Он продолжал — матч за матчем — писать свою историю, напоминая размахи качелей. А сколько было волнений в этом дерби, пока не произошел перелом! Единственным человеком, кто, похоже, не сомневался в успешном исходе, был Фатих Терим. В его анализе после игры было слышно только одно: «Мы работаем хорошо. Оставьте это мне. Сами увидите...» Но все уже видели, что команда идет не так, как ожидалось, и что у «Милана» начался период, когда команда «не в форме». Такое случается с любой командой суперкласса. А тут еще случилось что-то непонятное с Мануэлем Руй Коштой, любимым воспитанником Терима. Все как-то затормозилось и стало основным предметом разговоров в спорт-барах.

Шева повредил носовую перепонку при столкновении с противником, а Паоло Мальдини получил травму, из-за которой не смог выступать несколько недель. 0:0 на «Сан-Сиро» в игре против «Болоньи», которая могла и выиграть. И это стало причиной массы вопросов о центре нападения, огорчило болельщиков (игра на флангах и недостаточная помощь атакующим) и снова расшевелила муравейник по поводу подготовки команды в Миланелло. Но поскольку «Милан» еще сражался за скудетто и Кубок УЕФА, «Император» что мог быть спокоен за свой трон, если бы непредсказуемость футбола не повернула вспять саму судьбу.

За целый век существования была ли хоть одна фабрика изобретений плодотворнее футбола? В ноябре 2001 года последняя из них почти получила эксклюзивное право. В одной из передовиц я назвал это «предварительной сменой скамеек». И это было чем-то вроде... законной самозащиты с двумя целями. Первая: нанять к себе любимца славы и клуба до того, как он появится у других, с риском оказаться надолго не востребованным на футбольном рынке. Второе: канонизировать эту фигуру во имя профессиональных и сентиментальных достоинств и заранее прекратить возможную критику и ответные удары по ее адресу. Что еще можно было придумать, кроме этой

предваряющей логики, когда на черно-красной скамейке вдруг появится Карлетто Анчелотти и ее покинет Фатих Терим?

Чистокровный эмилианец, Анчелотти родился в Реджоло 10 июня 1959 года и начал свою карьеру тренера в качестве помощника Арриго Сакки, в то время старшего тренера сборной и, стало быть, участвовал в 1994 году в чемпионате мира в США, на котором сборная Италии в финале потерпела поражение от Бразилии лишь по пенальти. Первой его самостоятельной работой было тренерство в сезоне-1995/96 в «Реджане», которую он вывел из серии В в серию А. В сезоне-1997/98 года он довольствовался шестым местом в чемпионате, дошел до полуфинала Кубка Италии и участвовал в первом этапе Лиги чемпионов. То были «ревущие времена», когда Анчелотти показал собственный талант и высокую школу. Но когда «Ювентус» постучался в дверь, мог ли он пускаться на уловки? Ему пришлось приехать в Турин в один из худших моментов его жизни. Он заменил Марчелло Липпи в ходе чемпионата-1998/99 со всеми последствиями (реорганизация команды, отношения с болельщиками).

В этих условиях даже пятое место ни стоило не принимать во внимание. Но вдруг дважды было завоевано второе: в 2000 и 2001 годах. Дело не шуточное! Многие другие команды поставили бы Карлетто памятник за такие достижения. Тот же «Ювентус» мог бы спокойно перебиться еще года три и без чемпионства при условии, что будет выиграна Лига чемпионов, что еще и могло принести миллиардные доходы. Однако именно в Лиге «Ювентус» не поднялся выше полуфинала в сезоне-1998/99 и первого раунда в турнире-2000/01.

Без особого шума трио Джираудо — Беттега — Моджи предпочло вернуть Марчелло Липпи, так что Карлетто, хоть и связан был с «Ювентусом» контрактом, истекающим 30 июня 2002 года, то есть в первый год пребывания Терима в «Милане», практически становился тренером безработным. Ну а что ему могло показаться лучше приглашения в «Милан»? Вот почему при каждом осложнении, с которым сталкивался турок, увеличивалось число людей,

которые говорили: «Карлетто разминается...» Но кто же не знал, что Анчелотти — часть истории «Милана»? Неужто забыли, что в сезонах 1987/88-1991/92 он завоевал два скудетто, столько же Межконтинентальных Кубков и Суперкубков Лиги?

В «Милане» его захотел видеть Арриго Сакки, который месяцами изводил Сильвио Берлускони: «Дотторе, это нужный нам человек, невероятный игрок. Давайте его возьмем и разрешим все наши проблемы». Продав его «Роме», они думали, что сделали большое дело. Все были согласны, что среди желто-красных (цвета «Ромы» — *прим. ред.*) Анчелотти был крупным лидером и единственным маяком. Но сам президент Дино Виола думал, что лидера уже нет. Однако! С этими игроками Карлетто быстро стал официальным исполнителем того, что хотел Сакки, его языка (распасовка, диагональные передачи, пошелонная атака...) Он оказался лучшим учеником и, вместе с Барези и Гуллитом, истинным столпом «Милана» «мистера Фузиньяно», чья игра — приятная или нет, достойная или недостойная похвалы — все-таки постепенно меняла лицо итальянского футбола.

В Миланелло Карлетто оказался прекрасным «человеком из раздевалки». Для всех он стал просто ориентиром, авторитетом и признанным лидером; прекрасно ладил с капитаном Барези, а Марко ван Бастен буквально носил его на руках и поклясться был готов, что никто не понимает футбол лучше его. Арриго был плутом, который вроде бы советовался со всеми, но все равно поступал по-своему. С Карлетто, однако, он был совсем другим. Он его слушал. Они что-то обсуждали прямо на поле, о чем-то говорили в других местах, чертили какие-то схемы, определяли позиции, тактику... В общем, из разговоров с Сакки, которого Анчелотти считал крупнейшим знатоком футбола и всего, что с ним связано и родились успехи «Милана» в Италии, Европе и мире. И когда 17 мая 1992 года в последнем матче своего легендарного цикла (112 игр в чемпионате, 24 итальянских и столько же международных кубков) он забил «Вероне» два из четырех голов, «Гадзетта делло спорт» приветствовала

его аршинными буквами над девятью колонками текста. Всего два слова, но это значило побольше романа: Карлетто Великий.

Теперь, надеюсь, ясно, почему, когда положение Терима вроде бы пошатнулось, сами собой приходили мысли об Анчелотти? Но на ход событий, хотя и опосредованно, решающим образом повлияла «Парма». Уже несколько недель тренер ее Ренцо Уливьери сидел, как на углях. Будучи серьезным профессионалом и отдавая себе отчет в непреложности положения, он все-таки сказал: «Будь я на месте президента, все-таки поменял бы тренера». В сущности, это было прощание *in rectore* (*лат.* — скрытое) — до отставки или увольнения. И Танци, посмотрев четверых кандидатов на пост главного тренера ценой исключения половины руководства, сделал ставку на Анчелотти, предложив ему «золотой» трехгодичный контракт с предоставлением всех полномочий и даже возможности нанимать в отдельные моменты великого маэстро Сакки, мечтавшего создать высокотехническую бойцовскую команду...

Без этого, фараоновского, предложения, сделанного «Пармой» Карлу Анчелотти, смог бы Терим остаться в «Милане»? А если бы Анчелотти действительно перешел в «Парму», кого поставить на его место в случае провала? Вот откуда «профилактическая замена»? Такова была ситуация накануне встречи на чужом поле с «Торино».

И вот оторванный от родной земли «Милан», без плана игры и вообще без игры, без взаимодействия и взаимопонимания, с Сержинью на поле в качестве худшего игрока. Руй Кошта фактически заменен на Пирло. Терим до того расстроен, что показывает сразу три схемы. Достаточно было туринцу Аста взять на себя инициативу, как тут же «Милан» пропустил гол, который мог оказаться решающим и к которому невольно «ногу приложил» Пиппо Индзаги. А ведь могла бы быть и ничья...

По окончании матча «Император» был расстроен: «Жаль, но играли мы плохо. Мы были слишком уверены в победе. Двигались не так, как мне бы хотелось. Второй тайм вышел лучше первого, мы хотя бы попытались сравнять счет. Мне казалось, что схема сработает. Руй Кошта? Он плохо себя чувствует».

Это были последние слова тренера «Милана». Легко себе представить, что произошло потом.

Если бы я писал детектив, то предположил бы, что способнейший и внимательный Галлиани обращается к президенту со следующим телефонным разговором: «Сильвио, турок мог бы и рай нам устроить, да только прибаливает каждое воскресенье. А Карлетто завтра подписывает контракт. Берем его с ходу или втемную готовимся к тому, кто заменит Терима?»

И не надо бы было ничего добавлять. Разве уже в двухтысячном году «Милан» не бросился по следам Анчелотти, но должен был отказаться от преследования, потому что «Ювентус» дал понять, что возобновит контракт? А если бы «Юве» рассказал о других планах, разве не стал бы Анчелотти тренером «Милана» раньше того, как клуб бы высказался за Терима? Но теперь не было никаких сомнений. Прежде всего, было ясно, что передача тренерских дел произойдет безболезненно. С одной стороны, СМИ все время нападали на турка, с другой, большинство болельщиков могло только приветствовать выбор: с Карлетто в «Милан» возвращалось знамя побед. А поскольку и миллиарды могли творить чудеса, менее чем за 24 часа появилась смена: Анчелотти приводил сердечные соображения, а Терим сначала упирался, поскольку по телефону ему сказали об уже принятом решении, но потом успокоился и сказал: «Берлускони? Он всегда меня поддерживал...» Во всяком случае, «да» в пользу Карлетто вытекало из форс-мажорных обстоятельств. Увольнение-наказание по отношению к Териму становилось профилактическим ангажементом, чтобы не потерять Анчелотти, не говоря уже о том, что «Милан» продолжал выступать в чемпионате страны и Кубке УЕФА.

Говорили, что Галлиани всю ночь глаз не смыкал, пытаясь разобраться в создавшемся положении. Нелегко было принять решение. Еще 16 октября после проигрыша «Перудже» и ничьей с «Веченцей» вице-президент все еще настаивал на том, что «Милан» полностью и целиком верит в деятельность Терима». И даже первого ноября, в Болгарии, на матче ЦСКА (София) — «Милан» он еще раз подчеркнул: «Как вам могло прийти в голову, что я могу

уволить Терима? Я его выбрал, и я всегда буду его защищать». Видимо, эта ночь была действительно нелегкой, потому что он пришел «к очень, очень трудному решению, которое мне пришлось серьезно пережить».

Думая и передумывая о лучшем пути, который следует выбрать, Галлиани, наконец, решил, что «для блага «Милана» оставался только один единственный. Потом он позвал Анчелотти и объяснил ему, по каким причинам он принял такое решение. И услышал: «Если это правильно для Вас, то это так и для меня». И они встретились в большом доме в Фелегара и обо всем договорились перед двумя кружочками колбасы и стаканом вина.

Учитывая разрешение «Юве», который, «освободив» связанного контрактом тренера, сэкономил три миллиарда, не приняли во внимание и «сюрприз» «Пармы», которая при виде убегающего тренера из Эмилии, решила заарканить Даниэла Пассареллу. «У нас с Карло оставался старый долг чести. Когда он покидал команду, я ему сказал: «Если клуб позовет тебя обратно, отвечай: «Повинуюсь». Так и произошло. Он не мог поступить иначе». А что же игроки? «Мы не ждали согласия. Мы только собрали старейшин вроде Мальдини, Костакурты и Альбертини, чтобы проинформировать о принятом решении. Хотя все были в добрых отношениях с Теримом, многие были довольны прибытием Анчелотти. «Милан» вполне конкурентоспособен. Анчелотти того же мнения. И мы попросили его победить в чемпионате страны и биться до последнего, независимо от того, получится это у нас или нет». А что Берлускони? «Я рассказал ему об этом решении. И беру на себя полную ответственность. Так я надеюсь выразить общее мнение. Тем более что председатель совета директоров позвал к себе Анчелотти и подбодрил: «Поздравляю, Карлетто. Наконец-то ты опять с нами».

По правде говоря, уже многие знали, что задолго до этого президент «Милана» мог сказать Анчелотти: «Не сегодня-завтра вы к нам вернетесь». В общем, — дело сделано! А рядом с «мистером» появились Джорджо Часкини, второй тренер, и Уилльям Векки, занимавшийся с вратарями. Но чтобы этот выбор не казался слишком консервативным, то есть, просто вернуть в лоно

семьи (как в «Библии») нечто вроде чудо-ребенка, Галлиани коротко объяснил: «Мы выбрали человека, который больше всех сделал полезного за два сезона. От Анчелотти нам ничего не надо больше того, что он сделал для «Ювентуса», и если он принесет нам 144 очка за два чемпионата, может считать, что он наш».

От Терима, «Императора», о котором все игроки говорили, что у них прекрасные отношения, до Анчелотти, крестьянского короля, который любил искренние отношения, за исключением того, что в разговоре и дискуссиях необходимо было отличать обращение на «ты» от обращения на «вы», 5 ноября 2001 года произошла до того радикальная перемена курса, что это событие на следующий день не могло не иметь откликов. Аршинные заголовки, передовицы и аналитические статьи, ставшие историческими в глазах потомков. Вместо того чтобы распространяться, вот, вкратце, зачастую противоположные мнения, вместе взятые кусочки единой мозаики, досье из архива свидетельств событий того времени.

«Долой Терима! «Милан» — Анчелотти! Молниеносное решение с согласия «Юве» — возвещала на всю страницу миланская «Гадзетта делло Спорт» с передовицей Франко Артури, озаглавленной «Карлетто вновь хочет, чтоб ему поставили десять с плюсом».

А вот римская «Коррьере делло Спорт»: «Неожиданные перемены на черно-красной скамейке. Галлиани зовет к себе Карлетто, который собирался в «Парму». Берлускони согласен. «Милан» за Анчелотти».

Итало Куччи в своей передовой статье: «На плакате написано: Терим, давай домой. Но турок не умеет читать по-итальянски и от этого выпада болельщиков ему ни тепло ни холодно. Он продолжает считать себя полновластным императором, хотя уже несколько месяцев обречен стать жертвой...»

Вот туринская «Туттоспорт»: «Анчелотти — «Милану»! Резкий поворот после нокаута».

«Торо»: изгнан Терим, блицсоглашение с питомцем Берлускони, контракт до 2004 года. Танци, расвирепев против «Милана», сочно вызывает аргентинца Пассереллу».

Ксавьер Якобелли в редакционной статье: «...Карло Анчелотти, прекрасный человек и отличный тренер, поле горького эпилога в «Ювентусе» имеет полное право на реванш, которого заслуживает. Но остается фактом, что Терим выиграл четыре матча из четырех на кубке УЕФА и с блеском прошел в третий тур. После 9 игр на чемпионате «Милан» Терима на пятом месте с 15 очками (те же, что и у Дзаккерони в прошлом году), только на 5 он отстает от лидирующего «Кьево», на очко превосходя «Ювентус»...»

Не отставали от спортивных изданий и крупные ежедневные газеты. «Милан» перестраивается на ходу. Появляется Анчелотти». Это заголовок из «Коррьере делла Сера». Джорджо Тозатти в своей передовице пишет: «... Не дай бог упустить Карло. Бесполезно затягивать уже прошедшую любовь. Так Галлиани уничтожил Танци, сыграв на чувствах симпатии между Анчелотти и командой, в которой развивалась и закончилась его карьера. Терим уже сдан в архив. Операция провалилась. Какие-то деньги потрачены впустую...»

«Република»: «Радуйся, Терим! «Милан» похитил Анчелотти».

Джанни Мура: «Вне всякой дискуссии: Анчелотти хороший тренер с присущим ему стилем... Это был самый желанный в Италии безработный. Понятно, почему он выбрал «Милан»... Говорить стоит не столько об Анчелотти, сколько о Териме... Рубить сук, на котором сидим, стали в самом начале чемпионата с курьезных слухов о том, что он мало заставляет работать футболистов. Не столько недостаток работы, сколько недостаток ясности следует поставить Териму в вину. Изображение всегда конкретней образа. Я представляю, какие гримасы строит Берлускони перед телеэкраном со своим тренером рядом, обливающимся потом...»

А вот «Ла Stampa»: «Фатих расплачивается за неспособность придать команде достойный вид. Против него выступала старая гвардия».

Роберто Беккантини: «Терима, по-моему, брать не стоило, а если уж взяли, надо было защищать... Поздравляем Анчелотти. Он обнимает свою любовь на свежем пепелище после развода с «Ювентусом», потому что второе место — самое худшее, что может быть, и изгнание следует автоматически».

Вот «Иль Джорнале»: «Император низложен. «Милан» переходит к Анчелотти».

Франко Ордине: «Речь не только о футбольном путче... «Милан» просто расставил по местам все фигуры и выбрал достойного и заслуживающего доверия тренера, чтобы разобраться с техническим и финансовым наследием, полученным от «Фининвеста»...»

Глава закончена. Неизбежные последствия вышеизложенного происходили уже под знаком *savoir faire* (*франц.* — умение) и дипломатии. «Сердце привело меня в «Милан», — подчеркивал Анчелотти. Прошу извинения у «Пармы», перед которой у меня были моральные обязательства, но я не мог отказать красно-черным и с ходу принял предложение. О «Милане» мне все известно. Это команда атакующего настроения. Нам надо найти равновесие. Придется поработать, но меня ничто не пугает. Кроме всего прочего, не найдется ни одного человека, который посмел бы меня упрекнуть за прошлое». Франко Барези, большой его друг и товарищ по многим играм, ни в чем не сомневался: «Карлетто возвращается в обстановку, которая ему хорошо известна, и это облегчит его работу. Не так-то просто вновь погрузиться в реальности команды после увольнения, но он знает «Милан» в совершенстве, и в этом большое преимущество». А вот что сказал капитан Паоло Мальдини: «С другими командами Анчелотти уже доказал, что он классный тренер. Я уверен, что с «Миланом», при большом багаже опыта, будет то же самое». Деметрио Альбертини: «Карло — великий, пример для подражания во всем. Если до вчерашнего мы работали на все сто процентов, то теперь должны показать больше».

Выражение лица Адриано Галлиани напоминало лучшее из эпохи футбольной революции времен Берлускони: очень холодное, ни слезинки,

перемежающиеся оттенки радостного волнения. Карлетто Анчелотти становился еще одной частичкой политики, сосредоточенной на «Милане» для миланистов. Что касается «Императора», то занавес закрылся, сопровождаемый жестом неподдельной искренности: «К Териму у нас нет претензий. Положение «Милана» в таблице не является драматичным, а последние события могут послужить в качестве определенного опыта. Если бы Анчелотти подписал контракт с «Пармой», а Индзаги не пробил пенальти выше ворот (имеется в виду матч с «Торино», после которого уволили Терима — *прим. ред.*), не знаю, чем бы это кончилось. С помощью «если бы» историю не делают. Конечно, Терим уже не тренер «Милана», потому что после ряда оценок клуб так решил, но я бы не рискнул здесь ограничиться единственным словом «против». Мне было плохо после телефонного разговора, когда я сообщил ему, что он уволен. Среди всех знакомых мне тренеров он был единственным, кто имел большое чувство достоинства и играл честно».

Все это так, но, если отвлечься от методики и заслуг, то при смене тренера в Константинополе руководство клуба и болельщики отдали предпочтение Реджоло, а не «Императору» с Дарданелл, крестьянскому королю, овеванному ветрами, прожаренному солнцем, омытому дождями и закаленному холодами Паданской равнины и окрестностей между «Реджаной», «Пармой», «Ювентусом» а теперь и «Миланом».

Карлетто Анчелотти ни дня не медлил и сразу же взял в руки бразды правления. «Команде, прежде всего, необходимо спокойствие. Все они чемпионы», — Это первое, что он сказал. И уже в первый же день в Миланелло показал свою визитную карточку: двойная норма тренировок, максимальная концентрация, большее чувство ответственности за игру, больше работы (до Рождества только один день отдыха!), продуманное распределение сил в духе лояльности и гласности. Дебют на «Ла Скале футбола» в Кубке Италии 13 ноября 2001 года против «Перуджи» закончился «сухими» 3:0.

Говорили, будто хотят попробовать играть по схеме 4-4-2, а также, что в планах нового «Милана» использовать Руй Кошту в качестве центрального

полузащитника вместе с Деметрио Альбертини. Приходили к заключению, что по сравнению с последним «Ювентусом» в его «Милане» предусмотрено более широкое использование Руй Кошты, чей талант не нуждается в особых рекомендациях, так же, как и мастерство Зинедина Зидане. У них «разные данные, но если их поставить впереди в одной линии нападения...» И так далее. Конечно, крестьянский король в тиши своих долгих прогулок на природе понимал, что не имеет права ошибаться. Он прекрасно помнил философию «Милана». Она, как и прежде, означала: «сочетать красивую игру с результативностью». А если говорить о результатах, то как забить гол без мощного и темпераментного бомбардира?

На его счастье у «Милана» всегда под рукой прекрасный дуэт Индзаги — Шевченко со всеми присущими атрибутами, фирменным стилем и славой грозы обороны. А украинец, к тому же, заработал себе (статистика не даст соврать) славу самой совершенной европейской гол-машины.

В матче против «Торино», в ходе которого Индзаги не забил пенальти, Шева не играл — у него был сломан нос. С досады Андрей еще чуть не разбил пульт телеуправления, бросив его в стену, когда услышал об увольнении Терима. Ему и в голову не пришло, что все дело в матче, он просто подумал, что все связано с какими-то неизвестными ему обстоятельствами.

В те дни Шева был в Киеве, готовился к первому из двух квалификационных матчей чемпионата мира против Германии. Если потребуют обстоятельства, он будет играть в защищающей нос маске. За его спиной была Украина, и он как никогда почувствовал близость к своей сборной, которая после распада СССР так и не добралась до финала мирового первенства. Стыковые матчи с Германией, одной из сильнейших футбольных держав, хотя и дали разочаровывающие результаты (1:1 в Киеве и 1:4 в Дортмунде), окончательно исключали Украину из числа «золушек» футбольного мира, давая при этом Германии право на поездку в Японию и Корею. И Шевченко, автор единственного гола в Дортмунде, стал символом нового подъема. Во время такой двойной нагрузки он перестал думать о родных лесах с волками и

призраками немецкого кошмара, позвонил Соко, переводчику «Императора» и сказал ему, что очень расстроен всем так неожиданно происшедшим. Нет, он не ожидал увольнения. Иногда «Милан» играл плохо, иногда хорошо, случилось слишком много неприятностей, но появились и улучшения. У каждого, конечно, свои полномочия, но замена на скамейке тренеров — в компетенции только спортивного общества.

Шева, однако, не только не удивился тому, что выбор пал на Карлетто. Он его ожидал. И это был единственный выбор. Он сказал, примерно, следующее: «Уже давно было ясно, что в день, когда решат заменить Терима, позовут Карлетто и только его. Я знаю, что раньше он отлично играл в центре. Как тренеру «Ювентуса» ему немного не повезло, не выиграл чемпионата страны. Думаю, он выиграет его с «Миланом». Да и как тренер он великий человек. Скоро он продемонстрирует, насколько. Он появился в нужном месте в нужный момент».

Совсем не много слов. И слова простые. В стиле Шевченко. Они пришли из Киева и, пройдя через бары и офисы, стали залогом верности, дружбы и сотрудничества «Дьявола с Востока» с новым тренером, порядочным человеком и джентльменом. Вот почему после их обоюдного *imprimatur* (*лат.* — в печать; здесь — согласие) и в силу их полномочий — первого голеадора и дирижера оркестра — «Милан» вновь решил вернуться к своим циклам и повторить успех, а в романе под названием «Шева» с приходом Анчелотти в «Милан» появился некий *suspense* (*англ.* — напряженное ожидание) и, естественно, необходимость написать новые страницы.

Так что пока рано ставить здесь слово «конец». Голы «Дьявола с Востока» продолжают будоражить фантазию, заставляют думать о новых проектах, пробуждают новые мечты. А поскольку каждый новый период в развитии футбола становится чем-то вроде термометра в развитии нравов и обычаев, настоящее время обожания Шевы имеет положительное значение. Оно объединяет всех футболистов, несмотря на соперничество и расхождения в вопросах тактики, стратегии, построения технических схем и так далее. В

общем, как в глазах избранных знатоков прекрасного футбола, так и простых людей с улицы, заполняющих стадионы и пользующихся платным телевидением, украинец остается маяком среди идолов, завоевавших себе место под солнцем на том Олимпе, где с давнего времени восседают истинные гранды кожаного мяча. Они одинаково дороги всем болельщикам. И для них нет границ, командной формы или цвета флага.

От автора

Эта книга — не биография и, менее всего, жизнеописание. Я ни с кем не искал личных встреч, чтобы не попасть под чье-то влияние, когда соединял на компьютере кусочки текста в единую мозаику, которая постепенно приобретала очертания «романа». Но здесь нет ни единой вымышленной детали. А то, что я восстановил — далеко от банальной болтовни, досужих сплетен, погони за сенсациями и легкомысленных высказываний. В то же время — это и не *instant book* (*англ.* — скороспелка).

Андрей Шевченко для меня — это отправной пункт, центр внимания и станция назначения одновременно. Однако содержание книги не ограничивается только этим, здесь немало отдельных сюжетов, эпизодов, действующих лиц. Не исключено, что я мог допустить здесь какие-то ошибки и неточности, но я знаю, что вполне могу рассчитывать на взаимопонимание коллег и читателей и, как обычно, внести необходимые исправления и дополнения в дальнейшие издания, в том числе и по следам последних событий.

Большое спасибо тем, кто помогал мне в Италии и за границей в разного рода библиотечных поисках, но просил не упоминать имен. Основным источником работы была периодика, редакционные статьи, комментарии, интервью, заметки и сообщения о последних и старых спортивных событиях, а также популярные в Италии и за границей радио- и телепередачи, ток-шоу. Чтобы глубже погрузиться в историю и быт, пришлось также прочесть немало книг, которые, не будучи непосредственно связанными с темой, помогли мне лучше понять положение в промышленности, экономике, культуре, разобраться в социальных, психологических, исторических и спортивных проблемах. Насколько полно я все это переработал, цитировал ли буквально или излагал в свойственной мне манере — это другой вопрос. Поэтому, хотелось бы выразить особую благодарность читателям с надеждой, что и эта моя новая книга

встретит с их стороны такой же теплый прием, как и в 1997 году, когда была издана книга о Роналдо.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЧТИ ЧТО СУДЬБА
ИЗ КИЕВА С ПЫЛКОЙ ЛЮБОВЬЮ
ПОД ЗНАКОМ... НАПОЛЕОНА
«ЛА СКАЛА» ФУТБОЛА
С «МИЛАНОМ» В СЕРДЦЕ
ОТ БОСФОРА ДО НАВИЛЬИ
БОМБАРДИР И ДРУГ
РЕЖИССЕР КАК ПОДАРОК
ТЕ, ИЗ 1987 ГОДА...
ЕСЛИ ТЫ ЛИДЕР...
БЕЗУКОРИЗНЕННАЯ ГОЛ-МАШИНА

От автора

Приложение